

ГЛАВА II

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ А.С.ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

В этой главе мы попытались реконструировать систему научного мировоззрения А.С.Лаппо-Данилевского и показать, как она реализовывалась в исследовательской практике: конкретно-исторических трудах, работах по дипломатике и археографии, академических предприятиях.

1. Методология истории

Наиболее полное отражение парадигма, в основу которой была положена идея истории как строгой науки, нашла в основной теоретической работе А.С.Лаппо-Данилевского — «Методология истории».¹

Этот труд А.С.Лаппо-Данилевского включает в себя «Введение» и две части. Первая часть — «Теория исторического знания» — состоит из трех отделов: «Построение теории исторического знания с номотетической точки зрения», «Построение теории исторического знания с идиографической точки зрения», «Объект исторического познания». Вторая часть «Методологии истории» — «Методы исторического изучения». Она распадается на отделы «Методология источниковедения» и «Методология исторического построения». Если теорию истории А.С.Лаппо-Данилевский называл общей методологией истории, то методы исторического изучения ученый относил к специальной методологии.² А.С.Лаппо-Данилевский решительно спорил со скептиками, ставившими под сомнение необходимость самого существования такой дисциплины, как методология истории. Он утверждал, что «талант, и, в особенности рядовые работники очень полезные, для науки все же воспитываются и на методологических курсах».³

Введение имеет подзаголовок «Принципы и методы исторической науки». А.С.Лаппо-Данилевский прослеживает связь между теорией познания и исторической наукой. По его мнению, только истинное знание, характеризуемое систематическим единством, называется наукой. Оно достижимо только через сочетание системы методов научного мышле-

ния и системы принципов научной методологии. А.С.Лаппо-Данилевский различает две основных задачи методологии науки, выводя из них и соответствующие задачи для методологии истории. Основная задача науки — «установить те принципы, которые лежат в основе науки и в силу которых она получает свое значение», и производная задача — «дать систематическое учение о тех методах, при помощи которых что-либо изучается». Для методологии истории актуальными становятся, таким образом, следующие задачи: 1) «она стремится дать теорию исторического познания», 2) «выяснить методы исторического изучения».⁴ Последняя задача включает в себя изучение методологии источниковедения и методологии исторического построения. А.С.Лаппо-Данилевский обращает внимание на принципиальное различие задач методологии истории и технологии исторического исследования. Он выделяет пять главных преимуществ, которые дает методология: 1) движение науки вперед, 2) общая терминология, 3) убедительность научных доказательств, 4) системность теоретического изложения, 5) эффективность исторического познания. При этом А.С.Лаппо-Данилевский не оспаривает значения интуитивного творчества и воображения историка — но только в рамках научной методологии. Такая постановка вопросов методологии отвечала стремлениям А.С.Лаппо-Данилевского «оторваться от эмпиризма». Последний важный вопрос, затронутый во «Введении», — об отношении методологии к философии истории. А.С.Лаппо-Данилевский отвечает на него, что «Методология истории» менее широка по своему объему, чем философия истории, так как имеет в виду одно только «учение о принципах и методах исторической науки и не входит в рассмотрение реально протекающего процесса развития человечества или его исторических судеб».⁵

В своем теоретическом построении А.С.Лаппо-Данилевский вслед за Г.Риккертом исходил из представления о существовании двух противоположных методов научного познания — идиографического (индивидуализирующего) и номотетического (обобщающего).⁶ С точки зрения ученого, оба эти подхода применимы в изучении истории. Однако А.С.Лаппо-Данилевский считал, что возможное совмещение номотетического и историографического подходов в историческом исследовании не должно «приводить к смешению двух принципиально разных точек зрения, с которых один и тот же ученый может изучать эмпирически данную ему действительность».⁷ В то же время А.С.Лаппо-Данилевский утверждал, что «изучение обеих теорий [идиографической и номотетической. — *Е.Р.*] показывает, что (вопреки утверждениям их сторонников) они не могут обойтись друг без друга».⁸ Эту зависимость одного метода изучения истории от другого ученый характеризовал следующим образом: «В основе исторического изучения действительности лежит идиографическое знание, получающее, однако, научный характер лишь в том случае, если оно пользуется номотетическим знанием и умеет приноровить его к установлению исторического значения индивидуального».⁹ Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевский по существу противоречил сам себе, когда формулировал базовые принципы своей методологии.

Несогласованность базовых теоретических идей «Методологии истории», по-видимому, связана с учебной направленностью этой работы. Текст «Методологии...» формировался в течение многих лет на основе курса лекций, который ученый читал на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Поэтому первое издание «Методологии истории» вышло как учебное пособие к одноименному университетскому курсу. Жанр учебного пособия обязывал автора максимально полно изложить и объективно охарактеризовать различные направления историко-теоретической и методологической мысли. По-видимому, со стремлением ученого соблюсти необходимую объективность связано и указание на равноправие идиографического и номотетического путей исторического познания, что подчеркивается всей структурой изложения. В то же время сама попытка представить совокупность всего множества теорий, существовавших в исторической науке, в виде единой системы методов познания неизбежно привела автора к формулированию собственной теоретической концепции, по своему характеру идиографической и получившей в литературе оценку «неокантианской».¹⁰

Оригинальная теоретическая концепция А.С.Лаппо-Данилевского была представлена им в виде своего рода «мозаики», включавшей в себя множество элементов, извлеченных из различных теорий. Такой подход придавал «Методологии истории» внешнюю эклектичность и в то же время позволил ее автору претендовать на представление своей личной концепции в качестве итога развития исторической науки. Таким образом, порядок изложения А.С.Лаппо-Данилевским своей теоретической системы определялся структурой подготовленного им учебного пособия.

В историографических частях своей работы А.С.Лаппо-Данилевский рассмотрел «главные моменты в развитии номотетического и идиографического знания».¹¹ Вначале автор обратился к рассмотрению «хода номотетического построения истории».¹² А.С.Лаппо-Данилевский подверг подробному анализу десятки концепций и теорий, которые как-либо могли служить целям номотетического построения истории. В их числе ученый называл учение Г.В.Лейбница о причинно-следственной связи,¹³ Д.Вико об идее истории,¹⁴ Д.Дидро, А.Р.Ж.Тюрго и М.Ж.А.Н.Кондорсе об эволюции человеческого разума,¹⁵ Г.Б. де Мабли о «страстях человеческих» как двигателе истории,¹⁶ учение И.Канта о мире как субстанции Вселенной, подчиненной законам движения, гармонии и развития,¹⁷ Д.С.Милля о психологических законах, являющихся основой исторического развития,¹⁸ Г.Спенсера о методах индукции и дедукции,¹⁹ В.Вундта о психологии как прикладной исторической науке²⁰ и другие. Излагая историю номотетического подхода к историческому знанию, А.С.Лаппо-Данилевский особо выделил теории, связанные с психологическим объяснением исторического процесса, принципами научного познания и критической философией.

Переходя к рассмотрению «оснований номотетического построения истории»,²¹ А.С.Лаппо-Данилевский последовательно рассмотрел его базовые принципы. К ним ученый отнес принцип причинно-следственности и «взаимобразия психической природы человека». Согласно

А.С.Лаппо-Данилевскому, использование принципа причинно-следственности позволяет историку устанавливать взаимозависимость между элементами различных исторических фактов. В то же время признание принципа взаимобразия психической природы человека, по мнению теоретика, обеспечивает саму возможность восстановления причинно-следственных связей историком.²²

А.С.Лаппо-Данилевский рассмотрел два пути построения номотетического знания — с материалистической и с психологической точек зрения. Материалистический путь ученый решительно отверг: «Если строго придерживаться экономического материализма, пришлось бы также выводить исключительно из того, что есть, т.е. из производственных отношений и то, что должно быть, т.е. абсолютные ценности».²³ Таким образом, материалистический взгляд на историю отрицался А.С.Лаппо-Данилевским с позиций идеалистической философии. Единственно приемлемой для ученого стала «психологическая точка зрения». Подробно рассматривая проблему номотетического познания истории с позиций психологизма, он использовал ряд понятий («оценка», «цель», «воля», «мотив» и другие), разработанных предшествующими теоретиками (В.Вундтом, А. фон Мейнгоном, Т.Липпсом, К.Лампрехтом и другими).²⁴ А.С.Лаппо-Данилевский исходил в своих рассуждениях из того, что человек с присущей ему «свободной волей» является основным субъектом истории, а потому только изучение его психологии даст возможность исследователю выявить закономерность человеческих действий и, соответственно, ход истории.²⁵

А.С.Лаппо-Данилевский выделял два вида причинно-следственной связи — «консенсус» и «эволюцию». Термин «консенсус» ученый заимствовал у К.Брейзинга и О.Конта.²⁶ В интерпретации автора «Методологии истории» он означал взаимозависимость элементов разных исторических серий, возникших одновременно. Принципу эволюции (зависимости элементов одной серии во времени) А.С.Лаппо-Данилевский придавал «телеологический» характер, при котором субъект эволюции (историческая серия) одновременно является в сознании историка ее целью, т.е. процесс эволюции конструировался от результата.²⁷ Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевский готов был почерпнуть из методов номотетического познания истории два теоретических принципа — причинно-следственность и психологическое истолкование хода истории.

Однако сам способ номотетического познания истории «с психологической точки зрения» допускался А.С.Лаппо-Данилевским лишь условно, с оговорками принципиального характера, связанными с представлением о номотетическом построении как вспомогательном методе исторического исследования. Так, он указал на практическую неосуществимость выработки общих «совершенных» законов истории.²⁸ Как приверженец идиографической точки зрения, ученый всячески подчеркивал условность и менее крупных «номонологических обобщений» — «исторического типа», «эмпирического обобщения», «типологического обобщения». В то же время А.С.Лаппо-Данилевский допускал их использование в исследовательской реконструкции.

Излагая теорию «номонологических обобщений», ученый опирался на философско-исторические концепции и терминологию ряда теоретиков — Д.С.Милля, И.Тэна, И.Г.Гердера, Н.Я.Данилевского, Г.Вьеркандта, Л.Кохлера, К.Лампрехта, О.Конта, Э.Дюркгейма и многих других. Несмотря на то, что практически все употребляемые А.С.Лаппо-Данилевским термины были, таким образом, заимствованы из чужих работ, он выработал оригинальное истолкование номотетических теорий.²⁹ Наиболее подробно А.С.Лаппо-Данилевский рассмотрел проблему исторических типов. Он считал, что в основе конструирования исследователем исторических типов «лежит мысль о законообразной комбинации психических факторов, соответственно производящей при тождественности условий одни и те же последствия».³⁰ А.С.Лаппо-Данилевский допускал возможность конструирования двух видов исторических типов — «племенного» и «культурного». Задачей таких построений он называл объяснение происхождения продуктов культуры. Согласно ученому, племенной тип конструируется с помощью метода консенсуса в пространстве; культурный тип — с помощью метода эволюции во времени. Полное объяснение происхождения продукта культуры, считал он, возможно только в контексте их рассмотрения в рамках как племенного, так и культурного типа. Методолог подчеркнул, что племенной тип конструируется в пространстве «с точки зрения психических, а не физиологических особенностей» данной группы. Видами племенного типа, согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, являются расовый, народный и сословный (классовый) типы. С помощью конструирования племенного типа историк может установить «общие черты, характеризующие данный тип», и «рассматривать их как общие и постоянные черты, обуславливающие данную культуру».³¹ А.С.Лаппо-Данилевский считал, что культурный тип основан на «совокупности схожих сознаний» соответствующей общественной группы, приводящей к появлению схожих продуктов культуры (например культура «диких» и «цивилизованных» народов) или общем состоянии сознания, порождающем однородные продукты культуры (например «рыцарство» — «турниры»; «феодализм» — «монархическая власть»)³².

А.С.Лаппо-Данилевский отмечал, что исторические типы, создаваемые путем обобщений, следует рассматривать скорее не как исторические законы, а как «типологические обобщения»,³³ то есть «общие научно-установленные представления», формулируемые на основании общих групп признаков.³⁴ По А.С.Лаппо-Данилевскому, основным методологическим недостатком понятия типа является нерешенность проблемы отнесения его к определенной ценности, что необходимо для «индивидуализации наших знаний».³⁵

Завершая рассмотрение номотетического познания истории, А.С.Лаппо-Данилевский подверг критическому рассмотрению этот вид исторического построения. Он отметил, что номотетическое построение исторического знания не решает вопроса о сущности причинно-следственной связи в истории. Ученый считал, что эта связь осуществляется на основании «случайностей», «фактически, а не логически», следовательно, и реконструировать ее можно только путем восхождения от частного к обще-

му, а не наоборот. А.С.Лаппо-Данилевский утверждал, что объяснение действий основного субъекта истории — человека также возможно только при обращении к его индивидуальности, а как раз этого номотетический метод и не позволяет сделать.³⁶

После изложения основ номотетического построения исторического знания А.С.Лаппо-Данилевский обратился к анализу «построения теории исторического знания с идиографической точки зрения».³⁷ Примечательно, что, излагая «главные моменты в развитии идиографического построения», А.С.Лаппо-Данилевский часто обращался к анализу теорий, уже рассмотренных в историографическом разделе, посвященном номотетическому построению. Так, с двух разных точек зрения им были изложены идеи Ф.Бэкона, Г.В.Лейбница, И.Канта, О.Конта, Г.В.Фегеля. А.С.Лаппо-Данилевский попытался расчленил концепции этих теоретиков на элементы, чтобы выделить в них наряду с номотетической и идиографическую составляющую.³⁸

А.С.Лаппо-Данилевский отметил ключевую роль философии И.Канта в развитии идиографического направления исторического познания: «С Канта можно начинать новый период в развитии идиографического построения истории: главные методологические принципы критического идеализма легли в основу последующих теорий об идиографическом характере исторического знания».³⁹ В то же время ученый обратил внимание на философскую отвлеченность идей И.Канта, их оторванность от исторической действительности.⁴⁰ Заслугу практической реализации идиографических принципов в историческом исследовании А.С.Лаппо-Данилевский отдавал школе Л. фон Ранке.⁴¹

Как ни парадоксально, среди наиболее значительных теоретиков идиографического построения истории А.С.Лаппо-Данилевский называл основателя позитивизма и автора теории строго законообразного развития человечества О.Конта. Автор «Методологии истории» отметил важность учения О.Конта о «солидарности» различных «индивидуальных частей» общественного организма, благодаря чему и происходит процесс развития человечества.⁴²

Особое значение А.С.Лаппо-Данилевский придавал тому направлению познания истории, которое охарактеризовал как «идиографическое построение с точки зрения теоретико-познавательного идеализма».⁴³ К основным представителям этого направления ученый относил В.Виндельбанда, Г.Риккерта и Г.Зиммеля. А.С.Лаппо-Данилевский отметил особую важность учения В.Виндельбанда об абсолютных ценностях и его деления наук на естественные и исторические. Он подчеркнул значение заключения этого теоретика о приоритете номотетического метода в естественных науках, а идиографического — в исторических. А.С.Лаппо-Данилевский отметил и другой основополагающий тезис философии В.Виндельбанда — о необходимости ценностного подхода к изучению индивидуального. Автор показал, что в его основе лежало этическое понимание В.Виндельбандом исторического процесса.⁴⁴ Основной заслугой работ Г.Зиммеля А.С.Лаппо-Данилевский считал признание и разработку им принципа «чужого одушевления».⁴⁵

Так же как в разделе «Методологии...», посвященном номотетическому построению исторического знания, автор подчеркнул значение для теории истории близких ему идей критической философии и привлек внимание к тем понятиям («ценность», «всеобщее значение», «чужое одушевление»), которые легли в основу его собственной методологической концепции.

Начиная изложение «оснований идиографического построения исторического знания», А.С.Лаппо-Данилевский подчеркнул, что «историк человечества не может ограничиваться изучением... истории хозяйства или истории идей, ведь каждая из таких серий — абстракция, в действительности нет отдельных серий, а только сочетания их. Мало того, реальную связь надо искать в реальных людях, т.е. в индивидуумах... Для естествознания — образование общих понятий есть цель, для истории они служат лишь средством, а целью оказывается понимание индивидуального».⁴⁶ Тем самым А.С.Лаппо-Данилевский вновь в категорической форме указал на приоритет идиографической точки зрения над номотетической. Ученый определил основную задачу идиографического исследования — конструирование исторического целого через построение группы индивидуальностей.⁴⁷ В то же время А.С.Лаппо-Данилевский высказал мнение о необходимости упрощения содержания «исторического опыта» о конкретном объекте исследования, поскольку любой объект обладает бесконечным многообразием индивидуальных черт. Ученый предложил «научные критерии» такого упрощения — выявление того индивидуального значения объекта (факта), которое имеет смысл для значения всеобщего, наличие которого устанавливается путем качественной оценки последствий данного факта. То индивидуальное значение, которое имеет смысл для значения всеобщего, А.С.Лаппо-Данилевский назвал «историческим».⁴⁸

Установление «исторического значения» А.С.Лаппо-Данилевский связывал с применением категорий «ценность» (термин Г.Риккерта и В.Виндельбанда) и «действенность» (термин Э.Мейера). Он определил «ценность» как «характерные моменты некоего требования, предъявляемые нашим “я” к собственному сознанию».⁴⁹ А.С.Лаппо-Данилевский считал, что философия истории должна выработать систему абсолютных ценностей, с точки зрения которой следует определять положительное или отрицательное значение соответствующих ценностей, данных в сознании людей конкретного времени.⁵⁰ Он отличал общепризнанные ценности (признание которых присутствует в сознании изучаемой историком группы) от обоснованных ценностей (сконструированных самим историком в исследовательских целях).⁵¹ Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, «историческим» может быть признан только тот факт, который отнесен исследователем к обоснованной ценности и обладает при этом «действенностью», т.е. влияет на последующие исторические факты. Таким образом, понятие «ценность» утрачивало в методологической системе А.С.Лаппо-Данилевского ту этическую нагрузку, которую оно имело в теориях В.Виндельбанда и Г.Риккерта.⁵²

Факты, имеющие наибольшее историческое значение, формируют, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, «центральный ряд» фактов конкрет-

ной исследовательской реконструкции, вокруг которого располагаются ряды «второстепенных» исторических фактов.⁵³ Нетрудно заметить, что эта система воссоздания картины исторической жизни целиком зависела не только от задач исследования, но и от субъективности историка, формулирующего «обоснованную ценность», по отношению к которой определялось историческое значение фактов.

А.С.Лаппо-Данилевский считал, что для построения исторической действительности с идиографической точки зрения необходимо представить конкретное в виде целого, то есть, показать индивидуальность целого как в отношении частей (элементов) самого себя, так и в отношении более обширного целого.⁵⁴ Таким образом, любой исторический факт рассматривался им и как часть целого и как целое. Последовательно развивая эту точку зрения, ученый пришел к выводу, что в конечном итоге любое индивидуальное должно рассматриваться как часть мирового целого. Однако в методологических целях А.С.Лаппо-Данилевский ввел понятие «относительного целого». В связи с этим автор отмечал: «Чем часть дробнее и чем менее она рассматривается по отношению к целому, тем более она оказывается отвлеченной, и, можно сказать, что отдельно взятый индивидуум есть абстракция».⁵⁵ А.С.Лаппо-Данилевский выделил два вида относительно целого — коэкзистенциальное и эволюционное. Они в какой-то степени соответствуют понятиям исторических типов в номотетическом построении. Коэкзистенциальное целое конструируется А.С.Лаппо-Данилевским в пространстве, эволюционное целое — во времени.⁵⁶

Третий отдел «Теории исторического знания» — «Объект исторического познания»⁵⁷ — по существу является логическим продолжением построения истории с идиографической точки зрения. В этой части «Методологии...» автор развивал свои идеи об относительном целом и строил модель объекта исторического познания.

Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, для конструирования относительного целого и его частей историк должен определить их индивидуальность. Индивидуальность исторического объекта устанавливается, как считал автор, через его психологическое истолкование, которое основывается на признании исследователем принципов чужого одушевления и единообразия психофизической природы человека. Согласно мысли А.С.Лаппо-Данилевского, основным способом установления индивидуальности объекта должно быть проведение аналогии между психическим состоянием историка и объекта его исследования. Другими словами, историк должен представить себя на месте своего героя и реконструировать психическую природу его действий. При этом возможна только «осторожная аналогия», в ходе которой историк может добиться сходства «лишь некоторых элементов [своей. — Е.Р.] одушевленности» с «одушевленностью» другого человека.⁵⁸ Таким образом, исследователь может лишь отчасти понять чужую индивидуальность, причины и смысл ее воздействия на среду, а следовательно, лишь частично восстановить тот или иной исторический факт и реконструировать относительное целое. Исходя из этого, А.С.Лаппо-Данилевский указал на элемент «гадательности» в предлагаемой им системе исторической реконструкции.

Ученый выделил два типа исторических объектов — исторические факты и исторические процессы: «<...> под историческим фактом в наиболее характерном, специфическом его смысле следует преимущественно разуметь воздействие сознания данной индивидуальности на среду, в особенности на общественную среду».⁵⁹ Под историческим процессом А.С.Лаппо-Данилевский понимал «чередование воздействия» индивидуальности на среду и среды на индивидуальность.

К одному из типов исторического процесса ученый отнес и «историческое целое», или историю человечества.⁶⁰ В главе, посвященной этому предмету, А.С.Лаппо-Данилевский изложил свою философско-историческую концепцию. В ее основе лежит убежденность в том, что всемирная история есть процесс осознания человеком абсолютных ценностей и становления его «великой индивидуальности». Эта «великая индивидуальность» (или историческое целое), по мысли А.С.Лаппо-Данилевского, является индивидуальной частью мирового целого. На основании этих философских представлений А.С.Лаппо-Данилевский предрекал неизбежность интеграции человечества в ходе становления его великой индивидуальности и реализации абсолютных ценностей.

Таким образом, априорные понятия неокантианской философии были введены автором в методологию науки. А.С.Лаппо-Данилевский определил цель существования исторического целого и призвал соотносить все исторические факты с абсолютными ценностями. С нашей точки зрения, догматическая философско-историческая модель, созданная теоретиком, входила в противоречие со всей его методологической системой, поскольку сводила все множество индивидуальностей исторического целого к одной, априорно данной.

В специальную методологию истории (методы исторического изучения) ученый включал методологию источниковедения и методологию исторического построения.⁶¹ В формулировании основных положений специальной методологии А.С.Лаппо-Данилевский исходил «из той познавательной точки зрения, которая устанавливается в теории исторического знания», и из изложенных им ранее «рассуждений об его объекте». Поэтому в рассказе о методах исторического изучения ученый не конструировал теорию, опираясь на высказывания предшественников (как в первой части труда), а руководствовался уже установленными теоретическими принципами. В то же время А.С.Лаппо-Данилевский отметил заслуги в области специальной методологии истории ряда представителей современной ему западноевропейской науки — Э.Фримэна, Э.Бернгейма, Ш.Ланглуа, Ш.Сеньобоса и ряда других.⁶²

А.С.Лаппо-Данилевский отметил, что «методология источниковедения до сих пор не представляет цельного и систематического учения», и предпринял попытку его создания на основе последовательного применения принципов общей методологии. Основные методы своей системы источниковедения А.С.Лаппо-Данилевский определил в качестве «психологических», так как задачей источниковеда, по его мнению, является изучение продуктов психической деятельности человека.⁶³ Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, «исторический источник есть реализованный

продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением».⁶⁴ В работе исследователя с историческими источниками он различал две основных методологических процедуры — интерпретацию и историческую критику.

Под интерпретацией исторического источника А.С.Лаппо-Данилевский понимал «установление его объективно-данного психического значения».⁶⁵ Излагая порядок интерпретации, он отметил, что она никогда не бывает полной, поскольку историк в принципе не способен достигнуть абсолютной тождественности своего сознания и сознания автора источника, а следовательно, до конца уяснить психическое значение источника.⁶⁶ Ученый выделил четыре основных метода исторической интерпретации — психологический, технический, индивидуализирующий и типизирующий.⁶⁷

Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, психологический метод интерпретации предполагал телеологический характер истолкования источника историком. Иными словами, историк должен был выявить «главную идею» его создания, основной смысл, который в него вложил автор.⁶⁸ Технический метод интерпретации был призван дополнить выводы, полученные с помощью психологического метода, анализом «материального образа источника». Историк, таким образом, получает более четкое представление о «психическом продукте» «чужой одушевленности».⁶⁹ К задачам технической интерпретации А.С.Лаппо-Данилевский относил установление времени, места и техники производства источника,⁷⁰ т.е. отводил этому виду интерпретации роль внешней критики. Типизирующий метод интерпретации он связывал с разработанным в теории исторического знания понятием исторического типа и предлагал применять типизирующий метод интерпретации к одному и тому же источнику с двух разных точек зрения — систематической и эволюционной. С систематической точки зрения исследователь должен изучить источник в пространстве как элемент «состояния культуры», с эволюционной точки зрения — во времени как элемент «периода культуры».⁷¹ В рамках этих двух подходов к типизирующему методу ученый рассмотрел его основные виды. А.С.Лаппо-Данилевский привлек особое внимание к эволюционно-аналитической интерпретации источников, которая считала в себе систематическую и эволюционную точки зрения на предмет исследования. Задачей эволюционно-аналитической интерпретации являлось установление тождественности между различными элементами разных источников, благодаря чему историк имеет возможность связать конкретный источник с определенной культурой и тем самым установить психическое значение того или иного элемента этого источника. А.С.Лаппо-Данилевский показал, как работает эволюционно-аналитический метод типизирующей интерпретации на примере анализа состава формуляров служилых кабал XVI—XVII вв. Эволюцию формуляра грамот и соответственно психического значения этих источников ученый связывал с изменениями культурно-исторического типа.⁷² Индивидуализирующий метод исторической интерпретации А.С.Лаппо-Данилевский представлял как истолкование

индивидуальных черт и особенностей источника: его основой является анализ личности автора источника. При этом под «личностью» А.С.Лаппо-Данилевский понимал как отдельного человека, так и «коллективное лицо». Путь постижения индивидуальности автора источника он видел как в изучении фактов его биографии, так и в исследовании самого источника с целью почерпнуть информацию о его авторе. В ходе индивидуальной интерпретации, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, историку необходимо постоянно соотносить индивидуальность источника с состоянием культуры той эпохи, к которой он относится.⁷³

Завершая обзор методов исторической интерпретации, А.С.Лаппо-Данилевский подчеркнул необходимость их комбинирования в зависимости от объектов и цели конкретного исследования.⁷⁴

Задачей исторической критики А.С.Лаппо-Данилевский считал установление научно-исторической ценности источников.⁷⁵ Он выделял два вида критики – критику, устанавливающую научно-историческую ценность источника как факта, и критику, устанавливающую ценность источника как показания о факте.⁷⁶

Согласно автору «Методологии истории», критика источника как факта включала в себя прежде всего установление «действительности» источника, т.е. того, что он не является подделкой. Действительные источники А.С.Лаппо-Данилевский подразделил на подлинные (когда историческая действительность соответствовала представлениям об источнике как факте) и неподлинные (когда источник оказывался фактом, расходящимся с первоначальным представлением о нем).⁷⁷ В качестве основных критериев установления действительности и подлинности источника в изложении А.С.Лаппо-Данилевского выступали принципы соответствия источника данному состоянию культуры и индивидуальности автора. Ученый настаивал на комбинировании этих принципов в ходе критики источника. Он подчеркивал, что принцип культурного соответствия не вполне применим к творениям гениальных индивидуальностей, которые, как правило, опережали свое время.⁷⁸ А.С.Лаппо-Данилевский поставил вопрос о необходимости критики источника как факта не только по отношению к конкретному источнику в целом, но и по отношению к его отдельным частям. Для установления ценности исторического источника и его частей А.С.Лаппо-Данилевский предложил, так же как и в ходе процедуры интерпретации, разбить источники родственной группы на смысловые элементы и путем их сопоставления восстановить ход влияния источников друг на друга и, таким образом, выявить основные и производные источники, а также архетип (общее звено родственной группы источников).⁷⁹ А.С.Лаппо-Данилевский подробно рассмотрел различные виды зависимости исторических источников друг от друга.⁸⁰ По его мнению, для установления архетипа и места источника в родственной группе часто возникает необходимость в специальной исследовательской процедуре – эмендации (исправлении), т.е. восстановлении подлинного чтения текста источника.⁸¹

Наряду с приемами критики действительных источников А.С.Лаппо-Данилевский также рассмотрел понятие «поддельные источники», под

которыми он понимал «всякий продукт искусственно созданный для того, чтобы умышленно выдавать его посредством лжи и обмана за настоящий», проявление «злой воли» чужого сознания.⁸² Поэтому, с точки зрения А.С.Лаппо-Данилевского, установление подделки связано прежде всего с выявлением в ней элементов злонамеренного сознания. Характерно, что основными приемами установления подделки автор «Методологии истории» считал методы критики источника как продукта чужой психики. Технические способы определения подделки ученый называл «добавочными».⁸³

Задачей критики, «устанавливающей научно-историческую ценность показаний источника о факте», А.С.Лаппо-Данилевский считал определение степени достоверности его показаний, под которой понимал определение значимого соотношения верных и неверных элементов показания. Он выделил три основных критерия достоверности: единство сознания субъекта показаний (т.е. вменяемость автора источника, способность признавать ценность истины), соответствие показания состоянию культуры, соответствие показания индивидуальности автора (наличие или отсутствие у него воли к ложному показанию). А.С.Лаппо-Данилевский подробно рассмотрел проблему согласованности и совпадения показаний источников. В качестве основного способа определения степени согласованности показаний он вновь использовал прием расчленения источника на смысловые элементы. В данном случае для него было важным установить степень совпадения элементов независимых показаний.⁸⁴ Ученый подчеркивал, что это возможно только после процедуры критики источника как факта, с помощью которой историк должен определить степень его зависимости от других источников.

А.С.Лаппо-Данилевский остановился и на проблеме критико-генетического исследования достоверных и недостоверных показаний источника. С точки зрения ученого, его основой должно стать изучение сознания автора источника. По мнению А.С.Лаппо-Данилевского, историку необходимо определить способность субъекта показаний к познанию данного факта по ряду критериев (целостность сознания, достоверность чувственного восприятия факта, способность к анализу факта, степень субъективной заинтересованности в таком анализе, яркость впечатления субъекта о факте и т.п.), а также психическую природу самого факта показаний (импульсивную или волевою, в последнем случае обязателен анализ мотивации автора источника).⁸⁵

В последней главе «Методологии источниковедения» А.С.Лаппо-Данилевский рассмотрел вопрос о значении исторических источников. Отметив их безусловное значение как фактов истории человеческой культуры, он в то же время указал на неполноту и относительность достоверности показаний источников о прошлом. На этом основании А.С.Лаппо-Данилевский констатировал и относительность того научного знания, которое получает историк, исследуя исторические источники.⁸⁶

Второй отдел специальной методологии истории – «Методология исторического построения» – так и не был подготовлен автором к печати. Эта часть «Методологии истории» сохранилась только в литографичес-

ких курсах лекций 1908–1909 гг.⁸⁷ Рукописные материалы,⁸⁸ сохранившиеся в архиве ученого, позволяют установить, что работу над «Методологией исторического построения» А.С.Лаппо-Данилевский вел вплоть до 1918 г.⁸⁹

Основная задача методологии исторического построения, согласно его концепции, — установление тех принципов и методов, на основании и при помощи которых «историк дает научное построение действительности, т.е. благодаря которым он определяет, каким образом произошло то, что имеет историческое значение, и какое именно историческое значение следует приписывать каждому из фактов, образующих то историческое целое, которое он построает».⁹⁰

Излагая понятие об историческом факте в литографии 1909 г., А.С.Лаппо-Данилевский по существу привел те же наблюдения,⁹¹ которые затем изложил в той части общей методологии истории, которая посвящена «объекту исторического познания» (см. выше).⁹² Исторический факт рассматривался ученым прежде всего как психическое воздействие личности на среду.⁹³ В то же время в «Методологии исторического построения» А.С.Лаппо-Данилевский уделил больше внимания конструкции исторического факта и проблемам их группировки. Процедура построения исторического факта, согласно его концепции, включала в себя три этапа: психологическое истолкование, восстановление и комбинацию признаков факта.⁹⁴ По мнению А.С.Лаппо-Данилевского, задачей историка при психологическом истолковании факта являлось «воспроизведение чужого одушевления». Путь решения этой задачи он видел в выяснении основных мотивов психического воздействия личности на среду и в анализе их причин.⁹⁵ По мысли А.С.Лаппо-Данилевского, в основе процедуры истолкования факта лежит его членение на отдельные психические элементы, каждый из которых имеет индивидуальное значение. В то же время ученый полагал, что группировка элементов, образующих факт, имеет «объективно-телеологическое значение», т.е. подчинена основному мотиву, который связывает элементы факта и определяет значение данного психического воздействия на среду.⁹⁶ Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, в основе процедуры восстановления факта лежит исследовательская установка на синтез различных индивидуальных элементов факта.⁹⁷ В ходе восстановления факта историк, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, должен установить характер связи между его элементами. Научно-историческое построение факта завершается комбинацией признаков, его характеризующих.⁹⁸ Признаками факта А.С.Лаппо-Данилевский называл «частные представления историка о конечных его элементах». Для их комбинации, по мнению ученого, необходимо определить основной признак факта — его «главную черту». Критерием такого выбора, по А.С.Лаппо-Данилевскому, является соотношение того или иного признака с историческим значением факта. Следуя установкам общей методологии для определения исторического значения, он предлагал рассматривать факт по отношению к той или иной ценности. По мысли А.С.Лаппо-Данилевского, историк должен определить степень действительности различных элементов факта, после чего установить ту относитель-

ную (общепризнанную или обоснованную) или абсолютную ценность, к которой относится наиболее действенный элемент. Историк, таким образом, определяет историческое значение факта и получает возможность комбинировать его элементы (признаки) вокруг «главной черты», определяющей это значение.⁹⁹

А.С.Лаппо-Данилевский уделил много внимания описанию «построения причинно-следственной связи между историческими фактами»,¹⁰⁰ которую он определил как связь между отдельными элементами «фактов-причин» и «фактов-следствий». Он различал простые (отдельные элементы) и сложные причины (комплексы элементов). Ученый выделял четыре типа причин, приводящих к возникновению исторического факта: 1) условия, 2) отдаленные причины, 3) ближайшие причины, 4) поводы.¹⁰¹ Он настаивал на необходимости сочетания дедуктивного и индуктивного методов анализа в реконструкции причинно-следственной связи, т.е. постоянного чередования направлений исследовательской мысли — от следствия к причине и от причины к следствию.¹⁰² В ходе рассмотрения механизма причинно-следственной связи А.С.Лаппо-Данилевский ввел ряд методологических понятий — исторический фактор (элемент сложной причины), историческая производная (элемент сложного следствия), исторический продукт (совокупность исторических производных).¹⁰³ Эти понятия связываются автором с различной группировкой элементов причины и следствия.

Завершив описание конструкции факта и механизма причинно-следственной связи, А.С.Лаппо-Данилевский обратился к рассмотрению проблемы построения исторических групп.¹⁰⁴ Прежде всего, он подчеркнул отличие исторической группы от исторического типа, который, в его изложении, являлся результатом номотетического построения. Если исторический тип, согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, представляет собой не более чем совокупность умозрительно определенных признаков части прошлого, то историческая группа — это «реальная» реконструкция исторической действительности. Правда, в то же время он признавал, что полное и всеобъемлющее восстановление исторической действительности невозможно, поскольку историк не в состоянии до конца постичь все аспекты причинно-следственной связи. По логике А.С.Лаппо-Данилевского, чем больше элементов фактов данной исторической группы рассматривает историк, тем ближе к реальности воссоздаваемая им картина прошлого.¹⁰⁵

Основными типами исторических групп А.С.Лаппо-Данилевский считал «состояние культуры» (группировка фактов в пространстве) и эволюционную серию (группировка фактов во времени).¹⁰⁶ Он различал три стадии построения исторических групп: предварительная группировка, социологическая группировка, историческая группировка.¹⁰⁷ Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, предварительная группировка исторических фактов должна основываться на топографическом и хронологическом принципах. В задачу этого этапа входит определение пределов распространения фактов данной группы в пространстве и повторяемости во времени, создание «горизонтальных» и «вертикальных» рядов фактов и вклю-

чение их в «синхронические таблицы». Таким образом, предварительной группировкой фактов подготавливается образование эволюционного и систематического целого.¹⁰⁸ В ходе социологической группировки фактов исследователь уже пользуется результатами предварительной группировки. На этом этапе задачей, как считал А.С.Лаппо-Данилевский, является группировка фактов по однородным признакам для определения значения данной группы как части более обширного целого. В социологической группировке факты объединяются по потребностям или мотивам, вызвавшим соответствующее воздействие на среду.¹⁰⁹ Ученый различал два вида социологической группировки – статистический и сравнительный.¹¹⁰ По его мнению, статистический метод группировки исторических фактов дает возможность установления «некой законообразности в совокупности наблюдаемых случаев с точки зрения очередности их в каком-либо отношении».¹¹¹ Наиболее существенным недостатком статистического метода А.С.Лаппо-Данилевский называл то, что с его помощью невозможно прийти к качественной характеристике факта, поскольку «психическое, а следовательно, историческое значение не поддается исчислению».¹¹²

Основной целью сравнительного метода группировки исторических фактов в системе А.С.Лаппо-Данилевского было установление качественного сходства изучаемых объектов и конструирование групп, где факты объединены по качественным признакам.¹¹³ Он отметил, что благодаря социологической группировке фактов более ясным становится механизм их взаимозависимости.¹¹⁴ Однако при этом историк вынужден «членить единство чужого сознания», сосредоточив внимание лишь на одном из признаков факта, и не в состоянии установить его «индивидуальное значение».¹¹⁵ В то же время А.С.Лаппо-Данилевский считал, что социологическая группировка – необходимая предпосылка для перехода к исторической группировке фактов.¹¹⁶

Исторической группировкой фактов А.С.Лаппо-Данилевский называл их объединение по историческому значению.¹¹⁷ Согласно установкам общей методологии, под историческим значением ученый понимал «аксиологическое значение, определенное путем отнесения... [факта] к абсолютной или относительной ценности».¹¹⁸ В ходе исторической группировки А.С.Лаппо-Данилевский предлагал исследователю определить «центральный» факт, который сочетает в себе основные элементы фактов формируемой группы, и вокруг него расположить «второстепенные» факты.¹¹⁹ По замыслу автора «Методологии истории», конечной целью исторической группировки фактов является систематическое целое (состояние культуры) и эволюционное целое (исторический ряд).¹²⁰

А.С.Лаппо-Данилевский указывал на индивидуальный характер систематического целого, которое, по его мысли, должно быть реконструировано исследователем как проявление сознания субъекта, переживающего данное состояние культуры. Ученому, приступившему к исторической группировке, необходимо на основании принципа консенсуса установить единство между различными элементами культуры по отношению к определенной ценности.¹²¹ Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, при построении

построения состояния культуры исследователь должен исходить из признака индивидуальности каждой составляющей этой исторической группы, но в то же время в его задачу входит выяснение структуры и правил взаимодействия исторических фактов внутри группы.¹²² Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевский по существу привносил в идиографическое построение элемент номотетического познания.

Этот подход ученого проявился и в построении эволюционного целого (исторического ряда). Он представил исторический ряд как закономерность причинно-следственных изменений в данной последовательности.¹²³ По А.С.Лаппо-Данилевскому, историк должен восстановить исторический ряд с «объективно-телеологической точки зрения», т.е. исходя из той цели или известного конечного результата, которые исследователь приписывает историческому ряду. В данном случае понятие «цель» в его изложении фактически отождествляется с понятием «ценность». Согласно определению А.С.Лаппо-Данилевского, исторический ряд является «прогрессивным», если значение той или иной абсолютной или общепризнанной ценности в нем возрастает, и регрессивным, если оно снижается.¹²⁴ В основе построения исторического ряда находится историко-генетический метод, применяя который, исследователь рассматривает каждый исторический факт как результат развития эволюционной серии.¹²⁵ А.С.Лаппо-Данилевский призвал к чередованию «обратно-генетического» и «прямого генетического» методов, то есть, выводы, полученные в ходе восхождения исследовательской мысли от результата серии к ее предшествующим звеньям, он предлагал проверять восхождением от начала серии к ее результату.¹²⁶ По итогам построения исторической серии он считал необходимым ее периодизацию по отношению к значению той ценности, к которой данная серия относилась.¹²⁷

Заключительный отдел «Методологии исторического построения» и всей «Методологии истории» автор посвятил «Построению исторического целого»,¹²⁸ которое считал конечной задачей исторического синтеза.¹²⁹ Историческое целое представлялось А.С.Лаппо-Данилевскому как объединение всего многообразия эмпирически данной действительности.¹³⁰ В описании порядка построения исторического целого ученый исходил из той теоретической посылки (уже изложенной им в общей методологии), что историческое целое есть та часть мирового целого, в которой реализуется система абсолютных ценностей.¹³¹ В то же время А.С.Лаппо-Данилевский представил историческое целое как «реальное содержание истории человечества», сочетание эволюционного и систематического целого.¹³² Излагая свою историософскую доктрину, ученый писал: «Всматриваясь в историю человечества, [историк] замечает все более нарастающую взаимозависимость между ее частями, он все менее способен понимать историю одного народа вне ее связи с историей другого народа».¹³³ Мировая история представлялась А.С.Лаппо-Данилевскому как совокупность эволюционных серий (историй народов), которые составляют историческое целое. Он определил и «центральную» историческую серию, в которой реализуются абсолютные ценности, – историю Европы.¹³⁴ «В истории европейской культуры, – писал А.С.Лаппо-Данилевский, – луч-

ше всего сказало развитие человеческой культуры, если не зародившейся, то, во всяком случае, сложившейся на европейской почве, здесь оно получило наибольшее развитие и отсюда распространилось за пределы нашего материка». ¹³⁵ В то же время А.С.Лаппо-Данилевский указывал на все многообразие исторического процесса и на то, что «частные» эволюционные серии по своему направлению и господствующим ценностям могут не совпадать с основным направлением развития мировой цивилизации. ¹³⁶

Следует отметить, что идея «синтеза» в русской исторической науке рубежа веков реализовывалась преимущественно в трудах представителей московской исторической школы. Появление «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского свидетельствует о вызревании альтернативного подхода к историческому синтезу в рамках петербургской школы. Но идея синтеза выражена у него не в виде упреждающей социологической схемы или исторической концепции, но как методологический подход к анализу исторических фактов.

С.Ф.Платонову и А.С.Лаппо-Данилевскому удалось создать научные школы русской истории, отражавшие и распространявшие влияние позиций обоих ученых. Если до революции 1917 г. и смерти А.С.Лаппо-Данилевского в 1919 г. взаимоотношения этих школ носили характер научного соперничества, то с изменением политической и историографической ситуации начинается консолидация петербургской школы под влиянием насильственного внедрения марксистской методологии в интерпретации М.Н.Покровского. Поскольку система методологии истории школы А.С.Лаппо-Данилевского в условиях советского партийно-политического режима не могла быть востребована, развитие теоретического направления внутри школы было искусственно прекращено. ¹³⁷

Специфические формы получило развитие петербургской школы на третьем этапе — в советское время (с середины 1920-х гг.). Ее выразителями в области истории России были многочисленные ученики С.Ф.Платонова, А.С.Лаппо-Данилевского, А.Е.Преснякова и других ученых, чья основная деятельность развивалась до революции. Доминирующая черта методологической эволюции школы в этот период — сознательное дистанцирование от теории истории (полностью подчиненной идеологии) и сосредоточение усилий на поддержании традиций «ремесла». Крупнейшими представителями этой ветви школы были А.И.Андреев, С.Н.Валк, П.Г.Любомиров, М.Д.Приселков, Б.А.Романов, С.Н.Чернов и ряд других ученых, а за ними следовали их ученики. Сознательный отказ от теоретических исследований обусловил слабую восприимчивость петербургской школы не только к марксизму, но и к другим теоретическим системам (структурализм, постструктурализм) и направлениям в науке («Новая историческая наука» — школа Анналов).

Методологическая концепция А.С.Лаппо-Данилевского напрямую связана с его историософскими взглядами. Как показал А.Е.Пресняков, она сформировалась к началу 1900-х гг., т.е. как раз когда определились основные положения его методологии истории.

Со времени защиты своей магистерской диссертации (1890 г.) А.С.Лаппо-Данилевский примкнул к историко-юридическому направлению в российской историографии и оставался его приверженцем до конца своей научной деятельности. Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, государство как определяющая сила исторического развития России сменяет родовые отношения окончательно в XVII столетии. В своей диссертации, посвященной истории прямого обложения в XVII в., он высказал мысль, согласно которой, когда «родовые отношения, на которых основан был патриархальный строй древнерусского общества, стали обнаруживать явные следы разложения» и «не успели еще смениться юридически определенными общественными союзами», правительство окрепло, «стало во главе общества», «осуществило в себе идею государства и олицетворило ее в царской власти». ¹³⁸ А.С.Лаппо-Данилевский считал, что, начиная с XVIII в., роль государства в процессе исторического развития ослабевает, и, по существу, повторил тезис Б.Н.Чичерина, С.М.Соловьева, П.Н.Милюкова и других о «раскрепощении» русского общества в XVIII–XIX вв.

В то же время методологические взгляды ученого обусловили своеобразие его интерпретации государственно-юридической концепции. Центральный исторический ряд фактов национальной истории А.С.Лаппо-Данилевский группировал, исходя из господствующей ценности «государства», и таким образом реконструировал картину российской истории XVI–XVIII вв. как эволюционного целого. Поскольку А.С.Лаппо-Данилевский считал, что исторические факты являлись «психическим воздействием личности на среду», то для него было важным выяснить природу этого «психического воздействия». Поэтому он придавал большое значение изучению истории идей, лежащих в основе создания важнейших фактов истории российского государства. Как отмечал А.Л.Шапиро, отличие концепции А.С.Лаппо-Данилевского от воззрений представителей других направлений теории «государственного фактора» заключается в его идейно-исторической доктрине. ¹³⁹ Согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, в XVI в. идея государства в России носила религиозный характер. То был период начала торжества государственной идеи. Ее окончательную победу А.С.Лаппо-Данилевский относит к XVII столетию. В то же время ученый считал, что именно тогда религиозный характер государственной идеи стал постепенно меняться под влиянием светского элемента. ¹⁴⁰ Уже к началу XVIII в. государственная идея становится скорее светской, чем религиозной, а это приводит к тому, что национальная идея в XVIII в. характеризуется повышением роли личности, хотя ценность «государства» все еще доминирует. Деятельный век, следуя логике А.С.Лаппо-Данилевского (хотя мы и не встречали его замечаний на этот счет — исследования ученого в основном ограничиваются XVII–XVIII вв.), должен быть эпохой дальнейшего усиления идеи личности в России.

Идейно-историческая концепция А.С.Лаппо-Данилевского позволила ему реконструировать историю России как историческое целое, представив ее как смену двух культурно-исторических типов. Московская Русь

вплоть до XVII в. представляет собой цельный культурно-исторический тип в своеобразной статической законченности, поскольку средневековое мировоззрение этой эпохи характеризуется высокой степенью единства. Однако постепенная секуляризация мышления в XVII в. разлагает единство духовной культуры, и настает период, длящийся до конца XVIII в., который, согласно А.С.Лаппо-Данилевскому, можно охарактеризовать как эпоху искания новых форм общественности и мышления, усвоения новых элементов просвещения в связи с усилением западных влияний. Именно обилие и определяющая роль западных влияний в XVII—XVIII вв. привели к отсутствию единства национальной идеи, национального мировоззрения. По мнению А.С.Лаппо-Данилевского, только к XIX в. русское мышление вернулось к поиску единства, а русская наука и просвещение приобрели национальные черты, русская мысль получила самостоятельность.¹⁴¹

Такое видение А.С.Лаппо-Данилевским процесса национальной истории объясняет, почему основным объектом изучения истории России, начиная со второй половины 1890-х гг., для него стал XVIII век. По представлению ученого, это был ключевой период российской истории, поскольку в это время происходила смена национального типа. Она заключалась в постепенной смене государства как доминирующей (и общепризнанной) ценности и главного фактора исторического развития ценностью личности. Эти изменения проходили под воздействием западноевропейских идей. Таким образом, центральные исторические ряды Европы и России все более сближались в рамках единого эволюционного целого. Изучение этого процесса и стало приоритетной задачей научной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского.

А.С.Лаппо-Данилевский уже в начале 1900-х гг. сформулировал свое представление об историческом целом (мировой истории) в «Материалах для общеобразовательного курса по истории человечества».¹⁴² Хотя «Материалы...» были составлены А.С.Лаппо-Данилевским до формулирования его историософской концепции в «Методологии истории», как показал Н.И.Кареев, они полностью отвечали ее установкам.¹⁴³ А.С.Лаппо-Данилевский был убежден, что основой истории человечества является история Европы как центра человеческой культуры.¹⁴⁴ Итогом всемирного развития А.С.Лаппо-Данилевскому виделось формирование единой культуры — «развитие общеевропейской международно-правовой цивилизации на земном шаре».¹⁴⁵

С разных позиций С.Н.Валк,¹⁴⁶ М.М.Цвибак¹⁴⁷ и Л.В.Черепнин¹⁴⁸ отмечали, что система дипломатики частного акта А.С.Лаппо-Данилевского напрямую связана с его методологией истории.¹⁴⁹

В соответствии с принципами методологии источниковедения акты в дипломатике А.С.Лаппо-Данилевского анализируются не просто как одна из разновидностей документов, но как исторические факты. Поскольку понятие факта трактовалось А.С.Лаппо-Данилевским в психологическом плане, и акты он был склонен рассматривать как памятники правосознания данной эпохи.¹⁵⁰ А.С.Лаппо-Данилевский отметил различие между

частным и публичным правом, существовавшее в русском средневековом правосознании, и соответственно выделил две основные группы актов — публичные и частные.¹⁵¹ Следуя принципам методологии истории, он разделил дипломатику (науку об актах) на «документальное источниковедение» и «документальное построение» актов.¹⁵² Целью документального источниковедения актов было изучение их как источников. Документальное источниковедение включало в себя интерпретацию и критику акта. В «Очерке русской дипломатики частных актов» рассматривается применение этих исследовательских приемов (общие принципы которых изложены в «Методологии истории») по отношению к частным актам. Целью документального построения актов было «выяснение их развития как явления народного правосознания в зависимости от состояния и периода культуры». Документальное построение включало в себя анализ и синтез акта. В соответствии с принципами методологии исторического построения в «Очерке русской дипломатики...» А.С.Лаппо-Данилевский подробно остановился на группировке актов в пространстве и времени, т.е. в систематическом и эволюционном целом. Анализ актов подразделялся им на дипломатический и юридический. Дипломатический анализ заключался в расчленении актов на смысловые элементы — клаузулы. Расчленение источников на отдельные семантические элементы соответствовало базовым установкам интерпретации и критики источника как факта, данным в «Методологии истории». Путем выявления типического соотношения клаузул А.С.Лаппо-Данилевский устанавливал типический формуляр актов¹⁵³ и проводил их группировку по видам и регионам.¹⁵⁴ Юридический анализ был призван выявить значение данного конкретного акта как исторического факта. К анализу примыкал синтез, целью которого было «выяснение того, что придает ему [акту. — Е.Р.] некоторое единство, цель».

Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевский в развитие его базовых научно-методологических идей создал законченную научно-теоретическую систему дипломатики частного акта. В этом заключалось принципиальное отличие системы дипломатики А.С.Лаппо-Данилевского от работ по дипломатике представителей эмпирического направления петербургской исторической школы — С.Ф.Платонова, Н.П.Павлова-Сильванского, Н.П.Лихачева и др.

«Правила воспроизведения и издания исторического материала», т.е. «археографию в узком смысле», А.С.Лаппо-Данилевский относил не к методологии, а к технике исторического исследования. В то же время общепризнанно, что археографические правила, разработанные А.С.Лаппо-Данилевским, существенно отличались от предшествующих и современных им образцов. В.С.Брачев причины этого видит в том, что археографическая система А.С.Лаппо-Данилевского была связана с его философскими неокантианскими взглядами. Эту связь он усматривает в чрезмерном подчеркивании ученым индивидуальных особенностей источников.¹⁵⁵

С нашей точки зрения, для понимания археографических взглядов А.С.Лаппо-Данилевского следует обратиться к конкретным установкам

«Методологии истории» и «Очерка русской дипломатики частных актов». В его представлении исторический источник должен быть подготовлен издателем для последующей работы с ним в соответствии с принципами его методологии. Представляется, что именно эту задачу ставил перед собой ученый, работая над «Правилами издания грамот Коллегии экономии». ¹⁵⁶ Соблюдение издателем требований, предусмотренных в этом археографическом руководстве, по существу само по себе уже решало ряд задач интерпретации и критики источников.

Прежде всего, для А.С.Лаппо-Данилевского было необходимым распределение документов в издании по тополого-хронологическому принципу, т.е. по месту и времени (Отдел II «Правил...» ¹⁵⁷), что соответствовало задаче предварительной группировки актов в «Очерке русской дипломатики...» ¹⁵⁸ и типизирующего метода исторической интерпретации в «Методологии...» ¹⁵⁹. А.С.Лаппо-Данилевский отвел 56 статей (Отдел III ¹⁶⁰) описанию порядка составления заголовков издаваемых актов: в заголовке должна быть указана юридическая разновидность акта, что соответствует задаче типологической интерпретации источников, ¹⁶¹ нужно отразить объект и субъект правоотношения, источник власти, адресат акта, т.е. создать все необходимые условия для психологической и индивидуализирующей интерпретации источников и последующего установления их научно-исторической ценности как фактов. При печатании текста (Отдел IV ¹⁶²) исключительно важным требованием было членение грамот на смысловые элементы — клаузулы. ¹⁶³ Выше мы уже отмечали, что принцип членения любого источника на отдельные смысловые элементы лежит в основе всей методологии источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского. Правила передачи текста при его печатании созвучны и конкретным указаниям, данным в «Методологии...», прежде всего в области рецензии и эмендации текста. ¹⁶⁴ Сличение текстов грамот (Отдел V ¹⁶⁵) является особой исследовательской задачей, которую А.С.Лаппо-Данилевский решает в соответствии с общими принципами установления взаимозависимости источников, сформулированными в соответствующем разделе его методологии источниковедения. ¹⁶⁶

Отделы VI и VII «Правил...» ¹⁶⁷ связаны с рассмотрением техники описания печатей и составлением примечаний и решают задачи технической интерпретации текста, согласно терминологии «Методологии истории». ¹⁶⁸ Отдел VII — «Таблицы» ¹⁶⁹ носит вспомогательный характер и призван дать максимально полное представление об акте в контексте систематического и эволюционного целого.

Различие археографических подходов А.С.Лаппо-Данилевского и представителей эмпирического направления петербургской исторической школы проявилось прежде всего в Археографической комиссии. В.Г.Дружинин, С.Ф.Платонов и другие ее члены рассматривали формулирование археографических правил как чисто техническую задачу. В число требований к изданию актов, выдвигаемых этими учеными, не входило определение вида акта, субъекта и объекта права, членение акта на клаузулы и т.п. Они не включали в круг обязанностей издателя предварительное изучение источников как исторических фактов и, следовательно,

но, не находили нужным указывать при издании те данные об акте, которые являлись результатом специального исследования.

Таким образом, можно констатировать, что научно-теоретическим взглядам А.С.Лаппо-Данилевского в области методологии истории, методики и техники исторического исследования было присуще единство. Научно-теоретические взгляды ученого оказали прямое воздействие на формулирование им концепции национальной истории и выбор основного предмета своих научных занятий в области истории России. Теоретизированный подход к историческому знанию А.С.Лаппо-Данилевского и его школы предопределил их разногласия с учеными эмпирического направления в области дипломатики, археографии, а отчасти и в сфере концептуального осмысления исторического процесса. Следует отметить, что элементы неокантианской философии имеют у А.С.Лаппо-Данилевского вспомогательное и чисто методологическое значение в конструируемой им системе исторического знания. Поэтому и критику его методологии истории за «догматизм» и «неокантианский идеализм» следует объяснять как отрицанием необходимости теоретического подхода к историческому знанию со стороны эмпирического направления петербургской школы (С.Ф.Платонов, А.Е.Пресняков), так и действительно догматическим подходом к теории истории (историки-марксисты). ¹⁷⁰

Рассматривая творчество А.С.Лаппо-Данилевского, следует учитывать, что, по выражению И.М.Гревса, «постепенно можно сказать, философ в А.С.Лаппо-Данилевском начал преодолевать историка, но от первоначально избранного призвания он не отказался до конца и его философствование всегда служило целям и интересам истории, как он понимал их, как это понимание развивалось в концепцию широкой полноты и стройности». ¹⁷¹ В этом контексте важной проблемой, требующей дополнительного изучения, является применение теоретических принципов школы А.С.Лаппо-Данилевского в его собственных конкретно-исторических трудах и трудах его учеников.

Примером применения методологических идей А.С.Лаппо-Данилевского в практике исторического исследования может служить его наиболее поздняя работа «История политических идей в России в XVIII в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» (первая часть труда опубликована под названием «История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв.» ¹⁷²). А.И.Клибанов утверждал, что ряд предыдущих работ А.С.Лаппо-Данилевского с середины 1890-х гг. являются «последовательными ступенями к возводимому монументальному зданию его труда “История политических идей в России в XVIII в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики”». ¹⁷³ С этим можно согласиться, учитывая, что большинство названных А.И.Клибановым работ А.С.Лаппо-Данилевского ¹⁷⁴ так или иначе посвящено изучению истории идеологии русского общества в XVII—XVIII вв. В то же время, рассматривая конкретно-исторические труды А.С.Лаппо-Данилевского, необходимо принять во внимание и то, что их большая часть была опубликована еще в 1890-е гг., ¹⁷⁵ а последний крупный конкретно-исторический труд

А.С.Лаппо-Данилевского, увидевший свет при жизни ученого, был издан в 1905 г.¹⁷⁶ Примечательно, что первая часть «Истории политических идей...» была подготовлена к печати еще в 1900 г., а вторая к 1906 г.¹⁷⁷ Однако тогда А.С.Лаппо-Данилевский отказался от печатания труда и занялся его интенсивной переработкой.¹⁷⁸ По-видимому, в 1909 г. он обсуждал отдельные положения своего труда с В.О.Ключевским.¹⁷⁹ По мнению Л.А.Черной и М.Ю.Сорокиной, А.С.Лаппо-Данилевский в целом завершил работу над рукописью к 1912 г.¹⁸⁰ Возможно, ученый все же не считал труд завершенным, поскольку не приступал к его публикации.

В 1906–1907 гг. А.С.Лаппо-Данилевский впервые прочитал курс лекций по общей методологии истории; в 1907–1908 гг. — по специальной методологии истории.¹⁸¹ Таким образом, одновременно с переработкой «Истории политических идей...» во второй половине 1900-х — начале 1910-х гг. он формулирует в целостном развернутом виде свою «Методологию истории». Правомерно связать эти процессы. В этом легко убедиться, обратившись к «Введению» (датированному 1910–1912 гг.¹⁸²) к «Истории политических идей...», где автор оперировал терминологией «Методологии истории»,¹⁸³ используя такие понятия, как «эволюционный ряд», «обще-признанная ценность», «культурный тип», «состояние культуры», «историческое значение», «действенность факта», «историческое построение» и другие.¹⁸⁴

А.С.Лаппо-Данилевский считал, что нельзя рассматривать историю русского правосознания XVII–XVIII вв. как единый «эволюционный ряд», и утверждал, что ее можно «назвать скорее эпигенезисом, чем развитием».¹⁸⁵ Согласно ученому, в XVII в. элементы западной культуры, проникавшие в Россию, неизбежно имели религиозную окраску, поскольку отношение русских людей к новой культуре определялось именно религиозной точкой зрения, которая сохранялась в России того времени «в качестве общепризнанного мерила ценности человеческого знания».¹⁸⁶ Однако, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, с началом XVIII в. эта «обще-признанная ценность» исчезла, и вместе с ней прекратил существование и прежний тип культуры.¹⁸⁷ А.С.Лаппо-Данилевский отметил, что ее носители (православные русские книжники) не смогли переработать иностранные влияния и подчинить светские элементы православной точке зрения, т.е. не сумели создать «новый цельный тип культуры», поскольку не обладали достаточно самостоятельным мышлением и образовательными средствами.¹⁸⁸ В результате процесс эпигенезиса русского сознания изменился: как отмечал А.С.Лаппо-Данилевский, «в эпоху преобразований русская мысль начала высвобождаться из-под гнета старинных традиций и подыскивать в новой, преимущественно светской образованности новые начала права и политики».¹⁸⁹

По словам автора, «обширная тема предполагаемого труда потребовала» от него «весьма сложных приемов исторического исследования и построения».¹⁹⁰ Прежде всего, для А.С.Лаппо-Данилевского было необходимо установить связь между ходом развития русского правосознания и общим «состоянием культуры» (систематическим целым) России и Европы.¹⁹¹ Таким образом, предметом изучения А.С.Лаппо-Данилевского

стали как западноевропейские политические доктрины, так и «реальные условия русской общественной жизни», способствовавшие проникновению в Россию «тех, а не иных течений» западной правовой мысли.¹⁹²

А.С.Лаппо-Данилевский заметил, что идеи, заимствованные русским обществом с Запада, «историческое значение получали лишь в зависимости от их действительности».¹⁹³ На этом основании ученый включил в свою исследовательскую задачу изучение хода распространения историко-правовых идей и реакцию на них в русском обществе, их влияния на политику и законодательство. При этом историк подчеркивал, что «значение заимствованных идей обнаруживается не только в распространении их среди данного общества, но и в степени вызываемого ими отпора».¹⁹⁴

Несмотря на нежелание видеть в истории политических идей России рассматриваемого периода «эволюционный ряд», А.С.Лаппо-Данилевский отметил, что и в этом процессе (эпигенезисе) «можно усмотреть своего рода прогресс: и в формальном отношении, поскольку он постепенно сменяется эволюцией, и по содержанию тех идей, которые путем все более современных заимствований, а отчасти и начинающейся их переработки, проникали в русское общественное сознание и оказывали влияние на социальные отношения и правительственную политику».¹⁹⁵ Таким образом, ученый представлял историю политических идей в рамках исторического целого и своей историософской концепции, отводившей XVIII в. роль формирования русского самосознания и культуры, которое, по мысли А.С.Лаппо-Данилевского, завершилось и приобрело единство в XIX в.¹⁹⁶

Структура книги А.С.Лаппо-Данилевского в целом отвечала тем исследовательским принципам, о которых он писал в «Введении».¹⁹⁷ Хронологически труд был подразделен на два периода: дореформенный (до 90-х гг. XVII в.)¹⁹⁸ и пореформенный (до конца XVIII в.)¹⁹⁹ Материал был сгруппирован по западным историко-правовым доктринам, проникавшим в Россию. Описание влияния каждой доктрины включало в себя краткий анализ ее происхождения на Западе, историю проникновения в Россию, рассмотрения степени ее действительности (история распространения идеи в обществе и анализ вызванной ею реакции) и выяснением ее исторического значения.²⁰⁰

Для понимания принципов методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского следует обратиться и к тем работам ученого, которые посвящены исследованию конкретных источников. В работе «Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников» (1906 г.)²⁰¹ А.С.Лаппо-Данилевский продемонстрировал практическое применение своей методологии источниковедения.²⁰² С этой точки зрения заслуживает внимания и другая работа ученого — «Служилые кабалы позднейшего типа» (1909 г.)²⁰³

Основным методом рассмотрения служилых кабал XVI–XVII вв. в статье «Служилые кабалы...» А.С.Лаппо-Данилевского стал клаузуальный анализ. На его основании ученый выявил несколько типов служилых кабал и проследил эволюцию их формуляра.²⁰⁴ Такой подход полностью соответствовал решению задачи типизирующего метода интерпретации

источника, которую А.С.Лаппо-Данилевский ставил в «Методологии источниковедения». Не случайно в «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевский в качестве иллюстрации применения типизирующего метода интерпретации привел именно хорошо знакомый ему пример эволюции формуляра служилых кабал XVI–XVII вв.²⁰⁵ В то же время для А.С.Лаппо-Данилевского недостаточно было провести типизирующую интерпретацию кабал и дать обзор эволюции их формуляра. С позиций его методологической системы ученому было необходимо объяснить и индивидуальные особенности рассматриваемых источников, а также выявить их значение как фактов и показаний о фактах.²⁰⁶ Решению этих задач, по существу, посвящена вторая часть статьи.²⁰⁷ В качестве причин, обуславливавших индивидуальные особенности формуляра служилых кабал, А.С.Лаппо-Данилевский называл разнообразие «местных и временных условий» возникновения актов.²⁰⁸ В их число он включал принадлежность актов к определенной канцелярии,²⁰⁹ индивидуальные особенности личности подьячего,²¹⁰ его прошлое место службы,²¹¹ индивидуальные особенности субъектов правоотношения (клиентов).²¹² Таким образом, в терминологии своей методологии истории А.С.Лаппо-Данилевский указал основные направления «индивидуализирующей интерпретации»²¹³ служилых кабал.

А.С.Лаппо-Данилевский выделил два типа служилых кабал – старший (до 1680 г.) и позднейший (после 1680 г.).²¹⁴ Это подразделение историк основывал на законодательном введении с 1680 г. общего формуляра для всех служилых кабал и окончательного вывода из формуляра клаузулы о займе.²¹⁵ Показательно, что А.С.Лаппо-Данилевский пытался представить процесс эволюции формуляра служилых кабал старшего типа и последующую его замену позднейшим типом в общем контексте социально-экономической и политической истории русского общества, установив, таким образом, историческое значение служилых кабал. Объясняя изменения в формуляре служилых кабал XVII в., А.С.Лаппо-Данилевский писал: «<...> по мере развития личной крепостной зависимости кабального человека от его господина клаузула о займе теряет свое значение, а условие о службе “по его живот”, наоборот, получает определенную формулировку».²¹⁶ Эволюцию формуляра А.С.Лаппо-Данилевский связывает также и с изменениями в политической жизни, в частности с усилением влияния государства и государственного законодательства на гражданское делопроизводство, которое, согласно ученому, особенно заметно с введением в действие Соборного уложения 1649 г.²¹⁷

Смену типов служилых кабал А.С.Лаппо-Данилевский также увязывал с изменением социально-экономической ситуации. Установив, что постепенно уменьшалось значение заемной клаузулы на протяжении XVII в., ученый пришел к выводу, что клаузула о займе к моменту ее упразднения по указу 1680 г. имела «скорее фиктивное, чем реальное значение».²¹⁸ Тем самым А.С.Лаппо-Данилевский показал зависимость между изменением формуляра служилых кабал и эволюцией института кабального холопства от заемного к пожизненному, которое он рассматривал как этап на пути полного закрепощения кабальных холопов.²¹⁹

Таким образом, хотя наиболее последовательное теоретическое развитие принципов «Методологии источниковедения» в отношении дипломатики²²⁰ А.С.Лаппо-Данилевский осуществил через десять лет в «Очерке русской дипломатики частных актов»,²²¹ их применение на конкретном материале ученый продемонстрировал уже в «Служилых кабалах позднейшего типа». Примечательно, что и в «Очерке русской дипломатики частных актов» А.С.Лаппо-Данилевский несколько раз на примере служилых кабал демонстрировал порядок применения той или иной методологической процедуры, в частности порядок «определения типических клаузул данной группы актов»²²² и «выяснения типического формуляра данной группы актов».²²³ В разделе, посвященном синтезу акта, А.С.Лаппо-Данилевский развивал идею о том, что «частный акт... является продуктом данной культуры и, значит, получает в своих элементах или в своих отношениях к другим актам более или менее выдержанное единство в зависимости от большей или меньшей цельности той культуры, которая обусловила его строение и развитие».²²⁴ Свою мысль историк проиллюстрировал на примере эволюции формуляра служилых кабал XVI–XVII вв., унификацию которого, сначала относительную и постепенную, а с 1680 г. почти полную, он связывал с усилением московского самодержавия и становлением единого типа русской культуры.²²⁵

Методологическая система, разработанная А.С.Лаппо-Данилевским, ставила перед ним и его последователями ряд задач, решение которых становилось обязательным в любом историческом исследовании, при этом исключительно строгие (сформулированные в «Методологии истории») требования к научному тексту предъявлялись и на уровне работы с источниками, и на уровне исторического синтеза. В этом заключается основная причина резкого снижения темпа работы А.С.Лаппо-Данилевского над конкретно-историческими трудами начиная с середины 1900-х гг. и того, что его докторская диссертация («История политических идей...») так и не увидела свет при жизни ученого. Коллеги и ученики А.С.Лаппо-Данилевского отмечали исключительную требовательность ученого ко всему, что выходило из-под его пера. Например, А.Е.Пресняков писал о работе А.С.Лаппо-Данилевского, что «крайние запросы научности, предельные требования полноты и цельности знания... привели к преобладанию подготовительного исследования методов и техники изучения действительности над конкретно-исторической работой».²²⁶ Неслучайно научные оппоненты А.С.Лаппо-Данилевского – сторонники эмпирического направления – воспринимали его школу критически. В.Г.Дружинин, например, утверждал: «У него [А.С.Лаппо-Данилевского. – Е.Р.] было до 15 учеников-специалистов-историков, которые очень ценили устраиваемые им для них вечерние беседы. И после смерти учителя они собирались периодически один раз в месяц поочередно у каждого. Выдающихся из них никого не вышло, а многие еще при жизни его почувствовали схематичность его руководства, отходили от него и переходили в семинарий пр[офессора] Платонова, где получали большее удовлетворение».²²⁷

С нашей точки зрения, причины того, что «выдающихся из них никого не вышло», заключались совсем не «в схематичности» А.С.Лаппо-Да-

нилевского. Методологические взгляды учеников А.С.Лаппо-Данилевского могли отличаться от точки зрения учителя в том или ином вопросе, однако всю школу А.С.Лаппо-Данилевского (или теоретическое направление в петербургской исторической школе) объединяло стремление к строгим, теоретически обоснованным правилам научной работы. Во многом это обстоятельство объясняет малое число работ монографического характера у учеников А.С.Лаппо-Данилевского. В предреволюционный период большинство из них было занято подготовкой к изданию грамот Коллегии экономии, составлением каталога частных актов и в других археографических предприятиях учителя. По-видимому, в это время многие и не чувствовали себя достаточно зрелыми исследователями для создания работ монографического плана, отвечающих методологическим требованиям их научной школы. На более позднем этапе их профессионального творчества (в советский период) последовательное применение принципов «Методологии истории» в исследовательской работе, особенно в области исторического построения и синтеза, стало невозможным, в связи с господством марксистско-ленинской идеологии. Таким образом, представители школы А.С.Лаппо-Данилевского оказались фактически обречены на ограничение своей исследовательской деятельности. В частности, это ограничение выразилось в том, что основным научным жанром учеников А.С.Лаппо-Данилевского стала не монография, а статья. С другой же стороны, большинство из них основным предметом своей научной деятельности избрали не изучение конкретно-исторических проблем, а специальные исторические дисциплины и археографию. В этой области исторической науки заслуги учеников А.С.Лаппо-Данилевского (С.Н.Валка, А.А.Шилова, А.А.Введенского, А.И.Андреева и других) общепризнанны.

2. «Прирожденный академик»

А.С.Лаппо-Данилевский был избран в действительные члены имп. Академии наук в 1899 г. Само по себе его избрание академиком в столь молодом возрасте (36 лет) было примечательным фактом. Произошло оно благодаря деятельной поддержке и даже организации этого избрания В.Г.Васильевским,²²⁸ увидевшим в младшем коллеге, «прирожденном академике»,²²⁹ «крепкого и свежего деятеля в синих рукавицах, способного руководить работою по всей русской истории, особенно центральными частями ее (Московский период и XVIII век)... именно в том направлении, в каком идет наиболее горячая работа — учреждения, социально-экономический строй, в соединении с хорошим знакомством с архивами здесь и в Москве».²³⁰ По словам В.Г.Васильевского, таков был и «предсмертный завет» К.Н.Бестужева-Рюмина относительно А.С.Лаппо-Данилевского.²³¹ Таким образом, два ведущих представителя петербургской исторической школы рекомендовали своего коллегу, а до некоторой степени и ученика, к академической деятельности.

Еще до этого, с середины 1890-х гг., В.Г.Васильевский систематически привлекал А.С.Лаппо-Данилевского к выполнению поручений Академии наук. Прежде всего, они сводились к рецензированию работ, представленных на получение различных премий и наград, присуждаемых Академией. Среди них были: премия митрополита Макария,²³² Сибиряковская премия,²³³ Уваровская премия.²³⁴ Характерен эпизод с поручением А.С.Лаппо-Данилевскому рецензирования работ, представленных на получение Сибиряковской премии в 1898 г. Как правило, такие работы рецензировались действительными членами Академии. По решению комиссии ее историко-филологического отделения (ИФО) рецензентом одной из представленных на конкурс работ был назначен В.Г.Васильевский. Однако последний, по его словам, с согласия отделения обратился «к содействию одного из младших ученых друзей». Оценивая ход последующей работы над рецензией, В.Г.Васильевский замечал, что «дальнейшие обстоятельства приняли затем такой вид, что содействие обратилось в исключительное авторство и моя роль свелась к согласию и одобрению написанного другим. Это, впрочем, тем более извинительно и понятно, что мой предполагавшийся сотрудник принадлежит к числу (очень небольшому) первых знатоков дела и помимо меня сделался уже, можно сказать, постоянным присяжным оценщиком трудов по экономической и социальной русской истории, представляемых для соискания премий в Императорскую академию наук. Нет даже и нужды называть его имя. Замечу только, что сделанное им теперь сделано в виде дружеской личной услуги и что, хотя, по моему мнению, этого вполне достаточно для цели... г. Лаппо-Данилевский, если бы ему пришлось подписаться собственною фамилиею под отзывом, представляемым Академией наук, еще внимательней и подробнее написал бы его».²³⁵ Тщательность и научный уровень подготовленных отзывов оказались оцененными членами ИФО.

Работы А.С.Лаппо-Данилевского, связанные с рецензированием трудов, выдвинутых на присуждение этих премий, выливались в самостоятельные исследования.²³⁶ За них А.С.Лаппо-Данилевский многократно получал благодарность от неперменного секретаря Академии Н.Ф.Дубровина.²³⁷ В 1898 и 1899 гг. А.С.Лаппо-Данилевский был награжден от имени Академии золотой Уваровской медалью.²³⁸

Официальное выдвижение А.С.Лаппо-Данилевского на пост адъюнкта Академии наук состоялось 15 сентября 1899 года на заседании ИФО академиками К.С.Веселовским, В.В.Латышевым, И.И.Янжулом и Н.Ф.Дубровиным²³⁹ уже после смерти В.Г.Васильевского. В записке, подготовленной К.С.Веселовским по материалам, оставленным В.Г.Васильевским, и подписанной перечисленными академиками, говорилось: «Мы считаем своим долгом обратить внимание Отделения на молодого ученого, который, несмотря на свою молодость, уже успел целым рядом весьма серьезных и ценных трудов заявить свою любовь к научной работе, свое умение отыскивать еще нетронутые до него вопросы отечественной историографии и замечательный талант в разысканьях по существеннейшим задачам науки... Незабвенный наш товарищ В.Г.Васильевский весною нынешнего года собирался предложить Лаппо-Данилевского на место, сделавшееся вакантным... и только болезнь, а потом неожиданная кон-

чина были причиной, что он не исполнил этого намерения... Он в этих видах составил уже об ученых трудах Лаппо-Данилевского подробную записку, которая и легла в основу настоящего нашего представления».²⁴⁰ 29 сентября 1899 г. А.С.Лаппо-Данилевский был единогласно избран ИФО в адъюнкты Академии наук.²⁴¹ 6 ноября состоялось представление его кандидатуры общему собранию Академии,²⁴² 4 декабря – баллотировка общим собранием (25 – «за», 4 – «против»),²⁴³ 8 января 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевский высочайшим приказом был назначен адъюнктом²⁴⁴ и, наконец, 15 января вместе с другими избранными, в том числе А.А.Шахматовым, ставшим ординарным академиком, «был введен в собрание [Академии] и приветствован присутствующими членами».²⁴⁵

Кроме поддержки, оказанной В.Г.Васильевским и К.Н.Бестужевым-Рюминым, и признания ученых достоинств А.С.Лаппо-Данилевского со стороны других членов отделения, значительную роль в его избрании в столь молодом возрасте сыграло и то объективное обстоятельство, что в конце 1880-х – начале 1900-х гг. ИФО оказалось в сложном кадровом положении. В конце 1880-х – первой половине 1890-х гг. оно состояло из академиков, избранных в его состав в 1840–1860-е гг. За 15 лет – с 1886 по 1901 гг. – ушло из жизни 12 членов отделения, численность которого в этот период не превышала, как правило, 9 человек. Для сравнения отметим, в последующие 15 лет (до 1916 г.), когда его численность возросла до 14 человек, Отделение потеряло всего троих членов. Таким образом, в последние пятнадцать лет XIX века состав ИФО почти полностью обновился. С уходом из жизни Ф.И.Видемана, А.К.Наука, О.Н.Бетлинга, А.А.Куника завершился период доминирования (а до начала 1880-х гг. – «господства») «немцев» в ИФО, которое не прерывалось с момента основания Академии. В состав ИФО кроме А.С.Лаппо-Данилевского в это время были избраны К.Г.Залеман (1886 г.), Н.Ф.Дубровин (1887 г.), П.В.Никитин (1888 г.), В.Р.Розен (1890 г.), В.В.Латышев (1893 г.), И.И.Янжул (1895 г.), С.Ф.Ольденбург (1901 г.). В 1900–1910-е гг. штатными членами отделения стали П.К.Коковцев (1903 г.), М.А.Дьяконов (1905 г.), Н.Я.Марр (1909 г.), В.В.Бартольд (1913 г.), М.М.Ковалевский (1914 г.), Ф.И.Успенский (1916 г.), П.Г.Виноградов (1916 г.), М.И.Ростовцев (1917 г.), П.Б.Струве (1917 г.) и Б.А.Тураев (1918 г.).²⁴⁶ Таков был состав того академического поколения, к которому принадлежал А.С.Лаппо-Данилевский.

Сохранился черновик благодарственной речи А.С.Лаппо-Данилевского, произнесенной при вступлении в число действительных членов Академии наук. Она стала программной для его академической деятельности. На наш взгляд, это был своеобразный манифест: «Высокую честь избрания меня в действительные члены Императорской Академии наук я объясняю про себя не столько вниманием к моим заслугам, конечно весьма скромным, сколько одобрением того ученого направления, к которому я принадлежу... Не пренебрегая лингвистикой, археологией и археографией, я стараюсь и буду стараться придерживаться того направления, которое имеет в виду не только факты, но и факторы, не одни события, но и явления, которое стремится изобразить не столько картины, сколько процессы и располагает материал не живописными группа-

ми, а эволюционными рядами... В своей научно-литературной деятельности я принципиально нисколько не отрицал великого и самостоятельного значения духовного развития человеческих обществ и старался в своих занятиях по русской истории разъяснить законообразный ход нашего духовного развития. Я не могу не выразить радости своей при мысли, что то ученое направление, к которому я принадлежу, нашло одобрение и ободрение со стороны Императорской Академии».²⁴⁷

Работе в Академии А.С.Лаппо-Данилевский придавал первостепенное значение. С.Ф.Ольденбург вспоминал, что А.С.Лаппо-Данилевский обосновывал свой уход из Историко-филологического института, где состоял профессором, тем, что «хотел посвятить академии все свои силы и отдать ей всю свою работу».²⁴⁸ Что касается университета, то он всегда оставался для А.С.Лаппо-Данилевского «вторым местом работы». По словам А.Е.Преснякова, А.С.Лаппо-Данилевский так и не стал полноправным членом историко-филологического факультета. И дело было не только в том, что он долгое время оставался на факультете всего лишь приват-доцентом. А.Е.Пресняков отмечал, что А.С.Лаппо-Данилевский не вошел в школу Петроградского университета, поставив рядом с ней особую теоретическую школу.²⁴⁹

По нашему мнению, А.С.Лаппо-Данилевский последовательно в течение всей дальнейшей научной деятельности реализовывал установки того ученого направления, характеристику которого он дал в речи при вступлении в действительные члены Академии. Объективно оно противостояло «художественной» (по выражению С.Н.Валка) школе С.Ф.Платонова.²⁵⁰ Если центром развития школы С.Ф.Платонова определенно был историко-филологический факультет университета, то местом становления теоретического направления А.С.Лаппо-Данилевского – историко-филологическое отделение Академии.

С нашей точки зрения, цели, которые академик ставил перед своим научным направлением, определяли основные предприятия его ученой и административной деятельности в 1900–1910-е гг. Наиболее крупными из них стали создание системы методологии истории и организация целого ряда коллективных исследовательских работ.

После избрания в адъюнкты академическая карьера А.С.Лаппо-Данилевского включала в себя еще два этапа – избрание экстраординарным (в 1902 г.),²⁵¹ а затем ординарным (в 1904–1905 гг.) академиком.²⁵² Для него избрание на должность ординарного академика по кафедре истории и древностей российских стало возможным после освобождения вакансии со смертью Н.Ф.Дубровина. Несмотря на формальное равенство действительных членов Академии, это карьерное продвижение имело существенное значение. С этого момента А.С.Лаппо-Данилевский стал фактическим руководителем основных предприятий Академии в области русской истории.

В 1901 г. А.С.Лаппо-Данилевский активно способствовал избранию в Академию С.Ф.Ольденбурга, с которым его связывала тесная дружба с середины 1880-х гг. В 1904 г. С.Ф.Ольденбург сменил Н.Ф.Дубровина на ключевом посту неперменного секретаря Академии наук. С этого момен-

та А.С.Лаппо-Данилевский мог рассчитывать на его поддержку во всех своих академических предприятиях.

В качестве старшего академика по русской истории А.С.Лаппо-Данилевский стал с 1905 г. инициатором основных кадровых решений по своей кафедре (истории и древностей российских). В 1905 г. он предложил кандидатуру М.А.Дьяконова на должность адъюнкта Академии по этой кафедре.²⁵³ С М.А.Дьяконовым А.С.Лаппо-Данилевский также познакомился в 1880-х гг. Они сотрудничали в Научно-литературном обществе и Кружке русских историков, входили вместе с С.Ф.Ольденбургом в «Приютинское братство». Многолетняя переписка ученых (М.А.Дьяконов с 1889 г. стал преподавать в Дерптском университете) свидетельствует об их теплых отношениях.²⁵⁴ В 1899 г. А.С.Лаппо-Данилевский по поручению комиссии Академии по рассмотрению сочинений на соискание премий графа Уварова представил весьма благоприятный отзыв о работах М.А.Дьяконова, что позволило последнему получить эту награду.²⁵⁵ А.С.Лаппо-Данилевский неизменно тепло отзывался о М.А.Дьяконове, в частности защищая его от нападок В.И.Сергеевича.²⁵⁶ С началом своей академической деятельности А.С.Лаппо-Данилевский стал привлекать этого ученого к различным предприятиям Академии²⁵⁷ и впоследствии стал основным инициатором его избрания в действительные члены Академии. В историко-правовых работах М.А.Дьяконова А.С.Лаппо-Данилевский видел то необходимое сочетание психологического и формально-научного подходов, которые он стремился примирить в своей методологии. Его привлекало в работе М.А.Дьяконова то, что последний обращает внимание на духовные факторы развития древнерусского права. А.С.Лаппо-Данилевский высоко оценивал и попытки М.А.Дьяконова подойти к своему предмету с точки зрения «истории идей и влияния их на правовые нормы». Особенно близкими А.С.Лаппо-Данилевскому были разработка М.А.Дьяконовым идеи самодержавия в русском средневековом обществе и формально-юридические методы, применяемые им в работе над древнерусскими актами.²⁵⁸

По поводу своего избрания в адъюнкты Академии в апреле 1905 г. М.А.Дьяконов замечал в письме А.С.Лаппо-Данилевскому: «Спасибо за инициативу и успех дела, ибо всем этим обязан Вам. Испытываю только невольное смущение, так как весьма не уверен в том, в какой мере окажусь в силах оправдать оказанное мне доверие и отличие».²⁵⁹ В лице М.А.Дьяконова А.С.Лаппо-Данилевский нашел союзника по основным академическим предприятиям. Фактически он получил важный дополнительный голос при решении дел в разряде историко-политических наук ИФО, что вскоре понадобилось А.С.Лаппо-Данилевскому при обсуждении проблемы расширения штата отделения.

Это вопрос был поднят среди членов ИФО в 1905 г.²⁶⁰ По словам С.Ф.Ольденбурга, инициатором его обсуждения был А.С.Лаппо-Данилевский.²⁶¹ Для увеличения штатов Академии необходимо было издание соответствующего закона. Манифест 17 октября и утверждение новой законодательной процедуры затормозили ход дела. Законопроект о расширении штатов необходимо было провести через Государственную думу

и Государственный совет. Неожиданным препятствием на этом пути стала позиция кадетской партии. В феврале 1907 г. член Государственного совета академик В.И.Вернадский, к которому А.С.Лаппо-Данилевский обратился по поводу выяснения перспектив положительного решения вопроса о расширении штатов Академии, писал ему, что в подготовительной комиссии кадетской партии при Центральном комитете «поставлен на очередь Устав и Штаты университетов», и «вероятно им будет гарантирована поддержка партии, — продолжал он, — не знаю, удастся ли провести там в принципе вопрос о штате Академии наук». Далее В.И.Вернадский отмечал: «Положение теперь такое, что если университеты получат штаты, Академия на несколько лет лишится возможности улучшить свое положение и совершенно захиреет».²⁶² По-видимому, негативное отношение кадетской партии, в целом близкой А.С.Лаппо-Данилевскому по духу и составу, к планам расширения Академии заставило его на время их отложить. Но уже в октябре 1908 г. он представил вниманию ИФО «Записку об усилении личного состава Историко-филологического отделения». Ее основная идея состояла в том, что штат Академии не соответствует уровню развития гуманитарной науки. А.С.Лаппо-Данилевский предлагал образовать четыре новых кафедры — всеобщей истории, философских наук, юридических наук, политических наук. При этом он не считал нужным связывать занятие кафедры со специализацией ученого в конкретной дисциплине, относящейся к одной из указанных областей. С таким подходом был категорически не согласен другой академик по разряду историко-политических наук, известный экономист И.И.Янжул. Он заявил о необходимости строгой специализации кафедр, указав, что в противном случае возможно произвольное толкование границ той или другой научной области и, как следствие, преобладание в составе разряда и отделения представителей определенной специальности. И.И.Янжул предложил организовать не четыре, а шесть новых кафедр со строгой специализацией. Однако отделение, в котором преобладали историки Востока и специалисты по восточным языкам, приняло осторожное решение о желательности образования только двух новых кафедр — всеобщей истории и философии, юридических и политических наук.²⁶³

Рассмотрение этого вопроса в различных инстанциях шло до 1912 г., когда Государственный совет не только утвердил увеличение штатов ИФО, но и выразил пожелание об учреждении в составе Академии наук специального отделения юридических и экономических наук. После этого ИФО избрало комиссию во главе с вице-президентом Академии П.В.Никитиным, который, как правило, руководил такими комиссиями по должности. В нее вошли представители разряда историко-политических наук А.С.Лаппо-Данилевский, И.И.Янжул и М.А.Дьяконов. В ходе работы к единому мнению по поводу предложения Государственного совета члены комиссии не пришли. В ее докладе, подписанном П.В.Никитиным, А.С.Лаппо-Данилевским и М.А.Дьяконовым, утверждалось, что образование нового отделения привело бы к «ломке в организации Историко-филологического отделения». Авторами доклада было отмечено, что существуют два пути образования нового отделения: первый связан с

дроблением историко-политического разряда и отрывом исторических наук от политических, а второй — с выходом разряда историко-политических наук из состава ИФО и, как следствие, с отделением исторических и философских наук от филологических. Оба эти пути для подписавших доклад академиков были неприемлемы. И.И.Янжул высказал особое мнение. Он указал на странное соседство в одном отделении столь разных дисциплин, какими являются современная политэкономия и древние языки, и выразил недоумение по поводу того, как комиссия может добровольно отказаться от существенного расширения штатов Академии. В результате прений в ИФО решение вопроса было отложено сначала до следующего заседания, а в конце концов на четыре месяца. Только после отъезда И.И.Янжула за границу ИФО приняло предложение комиссии с отказом от образования нового отделения юридических и экономических наук и просьбой учреждения взамен этого трех новых кафедр.²⁶⁴

На наш взгляд, причиной всех этих разногласий была убежденность А.С.Лаппо-Данилевского в необходимости интеграции гуманитарных наук и его желание координировать этот процесс в рамках Академии. На организационном уровне это выражалось в подборе соответствующих кандидатур в состав отделения. В 1910-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский способствует избранию в состав ИФО М.М.Ковалевского, П.Г.Виноградова, Ф.И.Успенского и П.Б.Струве.

М.М.Ковалевский в 1914 г. занял одну из новых кафедр, предоставленных отделению. Несмотря на то, что М.М.Ковалевский во многом расходился с А.С.Лаппо-Данилевским в своих социологических построениях, их объединяло общее представление о социологии как исторической дисциплине. Результатом их совместной работы была подготовка институционализации социологической науки в России. Уже после кончины М.М.Ковалевского (1916 г.) под руководством А.С.Лаппо-Данилевского образовалось Русское социологическое общество памяти М.М.Ковалевского, к работе которого А.С.Лаппо-Данилевским были привлечены П.А.Сорокин, П.Б.Струве, С.И.Гессен, Б.Б.Веселовский, Н.И.Кареев, Е.В.Тарле, И.В.Лучицкий, П.Н.Милоков, П.Г.Виноградов, А.Е.Пресняков, М.А.Дьяконов.²⁶⁵

А.С.Лаппо-Данилевский был основным инициатором избрания в состав ИФО П.Г.Виноградова. За отсутствием свободной вакансии П.Г.Виноградов был избран в 1913 г. сначала в сверхштатные академики.

Сотрудничество в области организации международных научных работ А.С.Лаппо-Данилевского и П.Г.Виноградова началось в конце 1900-х гг. Будучи членом Британской Академии наук, П.Г.Виноградов принимал, наряду с А.С.Лаппо-Данилевским, активное участие в работе Международного союза академий. Вместе они входили в состав большинства крупных международных исторических съездов 1900—1910-х гг. В определенной степени П.Г.Виноградов выступал посредником между русской и западноевропейской исторической наукой. Он активно поддержал на Лондонском историческом конгрессе 1913 г. идею А.С.Лаппо-Данилевского о проведении следующего конгресса (1918 г.) в Санкт-Петербурге и включился в работу по его подготовке, координируемую А.С.Лаппо-Данилевским.

Если П.Г.Виноградов оказывал поддержку международной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, то А.С.Лаппо-Данилевский содействовал укреплению позиций П.Г.Виноградова в системе русских научных учреждений. Когда, после разгрома правительством московской профессуры в 1911 г., П.Г.Виноградов в очередной раз был вынужден покинуть Московский университет и возвратиться в Великобританию, А.С.Лаппо-Данилевский взял на себя хлопоты по назначению опальному профессору пенсии и добился этого.²⁶⁶ П.Г.Виноградов считал, что при избрании его в сверхштатные члены Академии А.С.Лаппо-Данилевский «взял на себя как бы представительство» его «интересов».²⁶⁷ Как видно из писем П.Г.Виноградова А.С.Лаппо-Данилевскому, при согласовании его кандидатуры в Академии возникли определенные трудности,²⁶⁸ которые А.С.Лаппо-Данилевскому удалось преодолеть. С получением известия об избрании его в сверхштатные члены Академии П.Г.Виноградов благодарил А.С.Лаппо-Данилевского «за дружеские хлопоты».²⁶⁹ По-видимому, избрание П.Г.Виноградова в сверхштатные члены было для А.С.Лаппо-Данилевского лишь этапом на пути введения своего кандидата в состав действительных членов Отделения. С образованием новых кафедр в составе ИФО А.С.Лаппо-Данилевский решительно настаивал на кандидатуре П.Г.Виноградова. Вероятно, и в этот раз ему пришлось преодолевать возражения своих коллег. В октябре 1915 г. П.Г.Виноградов замечал в письме А.С.Лаппо-Данилевскому: «Очень жаль, что моя кандидатура приносит Вам столько хлопот, во всяком случае, примите мою искреннюю благодарность за настойчивую поддержку... В случае моего избрания в штатные члены Академии, я буду смотреть на это положение как на главное, к которому все остальное придется приспособить».²⁷⁰ Однако, когда все препятствия удалось преодолеть и в конце 1915 г. П.Г.Виноградов был избран ординарным академиком, условия военного времени помешали ученому вернуться на родину, впрочем, как отмечено выше, в это время П.Г.Виноградов как бы являлся представителем интересов Российской Академии в союзнической Великобритании.²⁷¹

В «Записках о трудах П.Г.Виноградова» 1913 и 1915 гг., подготовленных А.С.Лаппо-Данилевским для рассмотрения кандидатуры в ИФО, в качестве преимуществ кандидата отмечено сочетание строгого научнокритического метода обработки архивного материала со вниманием к широкому кругу проблем социальных наук. Для А.С.Лаппо-Данилевского особенно ценными представлялись работы кандидата, посвященные истории правовых систем, взаимодействию различных историко-правовых учений и систем права на Западе в период средних веков.²⁷² В отмеченных достоинствах трудов П.Г.Виноградова (послуживших основанием для избрания) отражены, таким образом, те стороны его научного метода и те области его научных интересов, которые были наиболее значимыми с точки зрения научно-методологических взглядов А.С.Лаппо-Данилевского. Сам П.Г.Виноградов не был чужд идеям «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевского, которую называл «в высшей степени интересной и значительной работой».²⁷³

Добившись избрания П.Г.Виноградова в число членов ИФО, А.С.Лаппо-Данилевский получил в качестве союзника единомышленника и ученого с мировым именем, на поддержку которого он мог рассчитывать в своих международных проектах.

А.С.Лаппо-Данилевский был формальным инициатором избрания в штатные академики одного из основателей школы русского византиноведения Ф.И.Успенского. В отличие от кандидатур М.А.Дьяконова и П.Г.Виноградова, избрание в штат Академии Ф.И.Успенского было в определенной степени предрешено. С 1900 г. он являлся сверхштатным членом отделения. Долгое время вопрос о включении его в штат не поднимался, поскольку Ф.И.Успенский не мог постоянно участвовать в работе отделения, будучи директором Русского археологического института в Константинополе. Кроме того, в штатном расписании отделения до 1912 г. отсутствовала кафедра всеобщей истории. В то же время, как свидетельствуют его письма А.С.Лаппо-Данилевскому, с начала 1900-х гг. Ф.И.Успенский высказывал желание оказаться избранным в число штатных членов Академии.²⁷⁴ С началом войны и возвращением Ф.И.Успенского в Россию он стал регулярно принимать участие в заседаниях ИФО, и решение проблемы включения его в штат стало вопросом времени. В течение пятнадцати лет Ф.И.Успенский многократно выполнял различные просьбы А.С.Лаппо-Данилевского, связанные с подготовкой редактируемых им изданий, они вместе участвовали в ряде работ отделения, и поэтому выдвижение кандидатуры Ф.И.Успенского именно А.С.Лаппо-Данилевским было естественным. Заслуживает внимания характер аргументации А.С.Лаппо-Данилевского при представлении им этой кандидатуры к избранию в должность ординарного академика. По существу, он рассматривал ученые достоинства кандидата с позиций своей методологии. Высоко оценивая тридцатилетнюю научную деятельность кандидата в области критической разработки источников и конкретных проблем византийской истории XII–XIV вв. и особенно работы Ф.И.Успенского по истории философской и богословской мысли, А.С.Лаппо-Данилевский тем не менее придавал этой работе значение подготовительного этапа по отношению к построению общей истории Византии, «историческому синтезу», к которому Ф.И.Успенский приступил с начала 1910-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский подчеркивал, что для развития науки «оценка и размещение уже добытого материала» не менее важна, чем разработка источников.²⁷⁵

С П.Б.Струве А.С.Лаппо-Данилевский был знаком с 1890-х гг., когда молодой экономист принимал участие в «Беседах по проблемам факультетского преподавания».²⁷⁶ В начале 1900-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский и П.Б.Струве оказались участниками движения русских интеллектуалов против позитивизма. Начиная со второй половины 1900-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский систематически привлекал П.Б.Струве к деятельности Академии. В своей «Методологии истории» он неоднократно ссылаясь на его труды. В 1916 г. А.С.Лаппо-Данилевский пригласил П.Б.Струве к сотрудничеству в Русском социологическом обществе памяти М.М.Ковалевского. Представляя своего кандидата ИФО в марте 1917 г., А.С.Лаппо-

Данилевский подробно остановился на анализе методологии его научной работы. Он отмечал, что П.Б.Струве с увлечением отдавался тем «кропотливо мелочным» изысканиям, «пренебрежительное отношение к которым так еще распространено, к сожалению, в кругах наших ученых-обществоведов, свидетельствуя о недостаточно строгой научной школе». А.С.Лаппо-Данилевскому импонировал подход П.Б.Струве к основному предмету занятий – экономической теории, а именно выдвижение «главенствующей роли идиографических элементов в решении основных проблем теоретической экономии». Подход П.Б.Струве в этом отношении противопоставлялся обобщающим теориям, в частности классовой теории. А.С.Лаппо-Данилевский отметил и достоинство историко-экономических работ кандидата, указав, что с помощью экономической теории П.Б.Струве удастся осветить связь явлений экономики России и их историческую преемственность.²⁷⁷ Из «Записки», автором которой был А.С.Лаппо-Данилевский, видно, как основные методологические подходы в области истории переносились им и на другие сферы гуманитарного знания.

Избрание в действительные члены Академии М.И.Ростовцева и Б.А.Тураева на вакансии «восточных» разрядов, освободившиеся с кончиной академиков П.В.Никитина и К.Г.Залемана, формально никак не было связано с позицией А.С.Лаппо-Данилевского. Однако следует учесть, что эти ученые в первой половине 1910-х гг. привлекались А.С.Лаппо-Данилевским к различным предприятиям Академии – рецензированию представленных в Академию работ, участию в подготовке Международного исторического конгресса в Санкт-Петербурге в 1918 г. и другим. Исходя из этого можно предположить, что он был благожелательно настроен по отношению к этим новым членам отделения.

Таким образом, научно-методологические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского и те задачи в области организации гуманитарных наук в России и Европе, которые ученый ставил перед собой, оказали прямое влияние на формирование состава ИФО в 1900–1910-е гг. С этой точки зрения на протяжении всего периода академической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского его позиции в отделении укреплялись, а влияние в Академии наук росло.

3. Выдающийся археограф

Археографические занятия находились в центре всей работы А.С.Лаппо-Данилевского в Академии наук. Это было обусловлено традициями, господствовавшими в ее историко-филологическом отделении во второй половине XIX – начале XX вв.

Как отмечал С.Н.Валк,²⁷⁸ основные принципы археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского начали формироваться в первой половине – середине 1890-х гг. во время работы над изданиями кормленной книги Костромской чети²⁷⁹ и переписной и писцовых книг XVII в. по Нижнему Новгороду.²⁸⁰ Археография относилась А.С.Лаппо-Данилевским к технике исторического знания. Однако системный подход к истори-

ческой науке, характерный для ученого, полностью подчинил задачи археологии методологии истории.²⁸¹

А.С.Лаппо-Данилевский начал подготовку значительного количества изданий Академии наук и продолжил работы по многим ранее заброшенным. Академия вскоре оценила археологические возможности А.С.Лаппо-Данилевского. К.С.Веселовский по этому поводу писал ему: «Академия, имея теперь в Вашем лице такого приготовленного и, позвольте прибавить, — даровитого работника по исследованию Русской истории XIV—XVI столетий, должна и обязана дать Вам средства не только для личных трудов... но еще более для того, чтобы Вы могли сделаться центром и руководителем целой организации коллективных работ... по столь слабо разработанным периодам нашей истории».²⁸² В том же письме содержались и слова, которые можно интерпретировать как предостережение А.С.Лаппо-Данилевскому: «<...> один в поле не воин, а наш старинный быт... — это такое море безбрежное, в котором одинокий работник, какой бы он ни был силы еще не много сможет сделать за всю свою жизнь».²⁸³ Об археологических проектах А.С.Лаппо-Данилевского свидетельствует и А.Е.Пресняков, который отметил в одном из писем сентября 1900 г.: «Как адъюнкт Академии, он [А.С.Лаппо-Данилевский. — Е.Р.] теперь затевает ряд важных изданий — критически обработанных источников по русской истории».²⁸⁴

С первого дня работы в Академии А.С.Лаппо-Данилевский включился в решение текущих дел историко-филологического отделения. Еще до его формального вступления в действительные члены Академии, 12 января 1900 г., ИФО поручило ему разобраться с документами сборника «*Varia spectantia ad Moscoviam*», неожиданно попавшего в распоряжение Академии благодаря дару принца Виктора Неаполитанского, переданному великому князю Константину Константиновичу.²⁸⁵ Как установил А.С.Лаппо-Данилевский, эти материалы являлись копией с оригинального сборника, хотя и содержали, на первый взгляд, очень ценную информацию (например уникальные сведения о ходе Полтавской битвы 1709 г.). Судьба проекта этого издания своеобразна. Первоначально принятое решение ИФО о порядке издания этого сборника разбивало содержащийся в нем материал на три части. Скорейшей публикации подлежали материалы по истории пропаганды католицизма в России. Издание материалов о переговорах о царском титуле конца XVII — начала XVIII вв. до выяснения вопроса о состоянии российских архивов, связанных с этой темой, было отложено. Французский вариант реляции о Полтавской битве было решено печатать после консультаций с военным историком.²⁸⁶ Однако в ходе тщательной работы над этим сборником А.С.Лаппо-Данилевского и привлеченных им ученых планы издания пришлось изменить, поскольку А.С.Лаппо-Данилевским было установлено, что в действительности большой ценности найденные материалы не имеют.²⁸⁷ По его предложению, сделанному в апреле 1904 г., ИФО ограничилось публикацией описания сборника в «Известиях» Академии. Тем не менее представлял интерес те археологические принципы, которые были выработаны А.С.Лаппо-Данилевским применительно к предполагаемому изданию.

Замечания по поводу правил издания «*Varia spectantia ad Moscoviam*» он изложил в письме Н.Ф.Дубровину от 2 февраля 1902 г. Основное внимание А.С.Лаппо-Данилевский уделил примечаниям и легенде. Ученый считал, что примечания могли бы быть библиографическими, критическими и реальными. Под библиографическими примечаниями А.С.Лаппо-Данилевский понимал «библиографический комментарий».²⁸⁸ Под критическими примечаниями — такие примечания, «которые нужны лишь постольку, поскольку способствуют правильному чтению текста, или устраняют какие-либо грубые фактические ошибки и т.п.».²⁸⁹ «Реальными» примечаниями А.С.Лаппо-Данилевский называл «реальные толкования содержания текстов, которые логично было бы выполнить в виде особого приложения».²⁹⁰ Таким образом, уже в этот период формируется системный археологический подход А.С.Лаппо-Данилевского, получивший затем развитие как в теории, так и на практике.

А.С.Лаппо-Данилевский занял в Академии вакансию, освободившуюся после смерти А.А.Куника. С ним его будущий преемник в Академии был знаком по совместной работе в Археологической комиссии с середины 1890-х гг. По всей вероятности, укреплению отношений молодого ученого и одного из старейших академиков способствовал В.Г.Васильевский, для которого А.А.Куник был одним из наиболее близких людей в Академии.²⁹¹ Видимо, ко времени кончины А.А.Куника у него сложились довольно тесные отношения с А.С.Лаппо-Данилевским. В 1897 г. Н.П.Павлов-Сильванский воспользовался услугами именно А.С.Лаппо-Данилевского, по рекомендации которого А.А.Куник предоставил ему возможность пользоваться рукописями собрания Библиотеки Академии наук.²⁹²

На А.С.Лаппо-Данилевского легла обязанность продолжения многочисленных изданий, начатых А.А.Куником.²⁹³ Работа над ними стала началом археологической и издательской деятельности А.С.Лаппо-Данилевского в Академии наук. Всего через месяц после избрания в Академию на заседании ИФО 16 февраля 1900 г. он прочел «Записку о трудах А.А.Куника и о состоявших под его наблюдением изданиях, начатых печатанием в академической типографии».²⁹⁴ Общая программа печатания трудов и изданий А.А.Куника, предложенная А.С.Лаппо-Данилевским, была принята с незначительными изменениями на следующем заседании отделения, 29 марта. 14 изданий, начатых А.А.Куником, были разбиты на несколько групп, с каждой из которых А.С.Лаппо-Данилевскому предстояла отдельная работа.²⁹⁵ Главная трудность заключалась в том, что подготовка к изданию большинства редактировавшихся А.А.Куником изданий началась 10—40 лет назад и затем по разным причинам была приостановлена. Многие рукописи устарели по своему научному содержанию, и в связи с этим А.С.Лаппо-Данилевский вступил в переписку с их авторами и получил согласие некоторых из них отказаться от печатания их трудов.²⁹⁶ Остальные работы предстояло подготовить к печати и издать. Решение этой задачи потребовало многих лет труда, поскольку почти каждое подготовленное А.С.Лаппо-Данилевским издание было связано не только с редакторской, но и со специальной научно-исследовательской работой.

Среди этих изданий были: «Заметка о Молодинском кладе» Ю.Б.Иверсена, «Материалы для историко-этнографической географии северо-запада России» Э.А.Вольтера, «Нева и Ниеншанц» А.И.Гиппинга, «Болеслав-Юрий II, последний князь всей Малой Руси» И.В.Режабека и другие.

Не потребовала значительных редакторских усилий только статья Ю.Б.Иверсена «Заметка о Молодинском кладе»,²⁹⁷ которую А.С.Лаппо-Данилевский издал сразу же в 1900 г.²⁹⁸

В феврале 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевский начал работу над продолжением издания «Материалов для историко-этнографической географии северо-запада России». К марту выяснилось, что из обширного плана Э.А.Вольтера подготовлены лишь «Списки Сувалковской и Виленской губерний». А в апреле сам автор и А.С.Лаппо-Данилевский пришли к заключению, что «Список по Виленской губернии» печатать не следует, поскольку методика сбора информации для него была несовершенной. По предложению А.С.Лаппо-Данилевского отделение попросило Э.А.Вольтера пересмотреть подготовленные им материалы и по Сувалковской губернии. После внесения в текст ряда исправлений согласно указаниям А.С.Лаппо-Данилевского, они были напечатаны. На этом публикация «Материалов...» была прекращена.²⁹⁹

Среди изданий А.А.Куника, потребовавших затраты большого количества времени и сил, на первом месте находился сборник «Болеслав-Юрий II, последний князь всей Малой Руси». На подготовку сборника к печати у А.С.Лаппо-Данилевского ушло около семи лет.³⁰⁰

Появление сборника связано с одноименной статьей чешского ученого И.В.Режабека, опубликованной в Праге в 1883 г. А.А.Куник намеревался осуществить ее переиздание в русском переводе.³⁰¹ В него предполагалось включить также незначительные добавления к статье И.В.Режабека переводчика О.Гонсиоровского, И.А.Линниченко и самого А.А.Куника.³⁰² Начатое печатанием издание было вскоре заброшено (с конца 1880-х гг.). В мае 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевский проинформировал ИФО о желании И.В.Режабека «оставить свою статью в том виде, в каком она уже напечатана». При этом А.С.Лаппо-Данилевский заметил, что «так как статья г. Режабека была издана пятнадцать лет тому назад, в течение их появилось немало новых материалов и статей, касающихся времени Юрия II... было бы желательным присоединить по крайней мере библиографический обзор вышедших по предмету его работы источников и литературы». По предложению А.С.Лаппо-Данилевского Академия поручила эту работу С.Л.Пташицкому.³⁰³ С начала 1901 г. издание рассматривается в заседаниях отделения как сборник статей. В феврале 1901 г. по предложению А.С.Лаппо-Данилевского отделение принимает решение о продолжении печатания сборника. Однако уже в марте происходит первая задержка в связи с решением А.С.Лаппо-Данилевского, одобренным отделением, о включении в сборник ряда снимков с печатей на «грамотах галицких», а также с самих грамот, «интересных в палеографическом отношении». На протяжении 1901 г. число снимков, предполагаемых к

публикации, дважды увеличивалось. В октябре 1901 г. ИФО, приняв во внимание заявление А.С.Лаппо-Данилевского о том, что «сборник почти закончен печатанием», по его предложению поручило его ученику В.Н.Борсуку составление к сборнику именного и географического указателя.³⁰⁴ Однако работа ученого над сборником выявляла все новые проблемы и значительно расширяла его объем. В феврале 1902 г. А.С.Лаппо-Данилевский представил свое введение к сборнику, которое получило одобрение ИФО.³⁰⁵ Весной 1902 г. в работе произошла новая задержка. Включение в сборник фототипических снимков, которое вначале представлялось А.С.Лаппо-Данилевскому как дело, «которое не потребует большой траты времени и средств»,³⁰⁶ обернулось новыми редакторскими трудностями. Публикацию уже сделанных снимков А.С.Лаппо-Данилевский считал возможной только с присоединением археографического описания этих грамот и печатей. Помещение же археографического описания потребовало ознакомления с их подлинниками. В связи с этим в апреле 1902 г. ИФО приняло решение о командировке А.С.Лаппо-Данилевского в Кенигсберг, где хранилось подавляющее большинство публикуемых грамот.³⁰⁷ В сентябре 1902 г. он отчитался о ее результатах. Отчет А.С.Лаппо-Данилевского интересен для характеристики методики работы ученого в начале 1900-х гг. с актовым материалом как историческим источником. В отчете содержатся: описание способа крепления печатей и материала, с помощью которого они были прикреплены, наблюдения над «княжеским орнаментом» и «орнаментикой самих печатей», дополнение к их легендам; сопоставление печатей разных типов; установление и описание помет и особой нумерации на обороте грамот. Историковедческие изыскания позволили А.С.Лаппо-Данилевскому прийти к ряду значимых выводов по истории архива Тевтонского ордена, времени восшествия Болеслава-Юрия на галицкий престол, о характере культурного влияния Польши и Чехии на галицкие земли.³⁰⁸ Таким образом, редактирование им материалов, посвященных галицкому князю Юрию II, постепенно перерастало в углубленное изучение этой темы.

В декабре 1902 г. А.С.Лаппо-Данилевский отметил на заседании ИФО, что «выпуск сборника несколько затянулся». ³⁰⁹ Действительно, сборник продолжал обрастать новыми материалами. В октябре 1902 г. по предложению А.С.Лаппо-Данилевского ИФО включило в состав сборника «Дополнительные замечания» И.А.Линниченко, в мае 1905 г. — замечания Е.Ф.Шмурло (помещенные в «Дополнительных заметках» А.С.Лаппо-Данилевского), в мае 1906 г. — обнаруженные А.С.Лаппо-Данилевским в архиве А.А.Куника статьи по данному вопросу.³¹⁰ Но основная трудность была связана с подготовкой фундаментального исследования «Печати последних Галицко-Владимирских князей и их советников» самого А.С.Лаппо-Данилевского, которое было намечено к включению в состав сборника по решению ИФО в марте 1903 г. С подготовкой этого исследования были связаны специальные занятия А.С.Лаппо-Данилевского в германских архивах осенью 1903 г.³¹¹ Оно было завершено в 1906 г.³¹² и издано отдельной монографией.³¹³ Тогда же к работе по пополнению указателя А.С.Лаппо-Данилевский привлек еще одного своего ученика,

Г.М.Котлярова. Окончательно редакторская работа над сборником была завершена в январе 1907 г., и к апрелю того же года он вышел в свет.³¹⁴

В рецензии на этот сборник М.С.Грушевский отмечал: «Настоящая ценность вышедшей книги заключается в ее новых частях: собрании снимков галицко-волынских грамот и приложенном к нему обширном исследовании ак[адемика] А.С.Лаппо-Данилевского о печатях галицко-волынских грамот».³¹⁵ Далее М.С.Грушевский «с признательностью принимает» установленные А.С.Лаппо-Данилевским «факты непосредственной зависимости галицко-волынской дипломатики от западноевропейской (минуя польскую)»;³¹⁶ что же касается критических замечаний, то, по признанию самого рецензента, они носили частный характер.³¹⁷ Это исследование интересно тем, что в нем А.С.Лаппо-Данилевский наглядно продемонстрировал практическое применение своей методологии источниковедения. Через подробный разбор каждого элемента печати, способов их прикрепления А.С.Лаппо-Данилевский выделил типы печатей и рассмотрел проблему их эволюции и взаимовлияния. Такой подход позволил ученому прийти к ряду выводов о характере западноевропейского культурного влияния на западнорусские земли.

Более десяти лет ушло у А.С.Лаппо-Данилевского на завершение другого издания, находившегося под наблюдением А.А.Куника, — труда А.И.Гиппинга «Нева и Ниеншанц». Н.И.Приймак показала, что редакторская работа над ним вылилась в дополнительное исследование самого А.С.Лаппо-Данилевского.³¹⁸ Издание труда А.И.Гиппинга³¹⁹ и относящихся к нему материалов А.А.Куника, а также дополнений самого А.С.Лаппо-Данилевского было завершено только в 1916 г.³²⁰

Как заметила Н.И.Приймак,³²¹ А.С.Лаппо-Данилевский в 1915 г. указал в своей автобиографии, что им были изданы «почти все незаконченные работы А.А.Куника или выполненные под его редакцией».³²² Однако следует отметить, что А.С.Лаппо-Данилевский продолжал работать над изданиями и рукописями А.А.Куника до конца своей жизни, и целый ряд их по разным причинам так и не увидел свет. В.Г.Дружинин, критически относившийся к А.С.Лаппо-Данилевскому, замечал по этому поводу: «В Академии наук на него возложили распутать тяжелое наследие академика Куника. Этих начатых изданий было до двадцати, и все они были брошены не оконченными. Лаппо-Данилевскому удалось лишь окончить одно издание о Неве и Ниеншанце. Остальные же лежали и после него неоконченными».³²³ Однако сам ход работы А.С.Лаппо-Данилевского над изданиями представляет интерес для понимания тех археографических принципов, которыми он руководствовался.

К их числу принадлежит, в частности, работа С.А.Гедеонова «О варяжском вопросе». К предполагаемому изданию этой работы А.А.Куник подготовил свои «Замечания». Тематически труд С.А.Гедеонова и «Замечания» издателя примыкали к работе самого А.А.Куника «Письмо к сухопутным морякам», которая представляла собой обзор и критику антинорманистских взглядов. В феврале 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевский предложил объединить эти почти готовые к печати труды в одно издание. По его замыслу «Письмо...» должно было стать предисловием к работе

С.А.Гедеонова. Слияние почти подготовленных к печати работ вызвало технические проблемы, которые приходилось решать самому А.С.Лаппо-Данилевскому в 1900–1902 гг.: подготовка нового указателя, допечатывание необходимого количества экземпляров листов работы С.А.Гедеонова до соответствующего количества напечатанных листов работы А.А.Куника. Однако вскоре выяснилось, что весь этот труд был излишним. В марте 1902 г. А.С.Лаппо-Данилевский сообщил ИФО, что ему удалось установить, что «Письмо...» А.А.Куника являлось предисловием, которое он первоначально хотел поместить к своему совместному с В.Р.Розеном труду «Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть I». Поскольку в 1899 г. ИФО решило печатать вторую часть этой работы, по предложению А.С.Лаппо-Данилевского отделение постановило издать «Письмо...» в качестве предисловия ко второй части труда А.А.Куника и В.Р.Розена, что и было сделано в 1903 г.³²⁴ Однако подготовка к печати сборника в целом была отложена. Прежний указатель к изданию С.А.Гедеонова, составленный учеником А.С.Лаппо-Данилевского В.П.Денисовым, оказался, таким образом, ненужным.

К работе над изданием сборника А.С.Лаппо-Данилевский возвращается в конце 1900-х гг. К составлению нового указателя в январе 1909 г. он привлек профессора Ф.А.Брауна и приват-доцента К.Ф.Тиандера. Однако уже в декабре 1909 г. А.С.Лаппо-Данилевский доложил ИФО о новой находке, заставившей его коренным образом поменять планы издания. В бумагах А.А.Куника удалось обнаружить «Предисловие издателя» к труду С.А.Гедеонова, а также разыскание А.А.Куника, предназначавшееся в качестве приложения к этому труду. Вновь возник тот же круг технических проблем, связанный с расширением «Сборника трудов С.Гедеонова и А.Куника по варяжскому вопросу», — приведение в соответствие разных тиражей различных частей предполагаемого сборника, составление нового указателя. К маю 1912 г. эта работа была закончена. Но новые находки все же мешали А.С.Лаппо-Данилевскому завершить издание. В марте 1914 г. с одобрения ИФО он решил включить в сборник письма А.А.Куника 1860-х гг. к профессору Ф.К.Бруну, посвященные норманнскому вопросу. Эти письма попали в распоряжение профессора И.А.Линниченко, который и сообщил о них А.С.Лаппо-Данилевскому. Сам А.С.Лаппо-Данилевский, в свою очередь, обратившись к архиву А.А.Куника, обнаружил аналогичные письма Ф.К.Бруна. В сентябре 1914 г. состав сборника по предложению А.С.Лаппо-Данилевского пополнился и этой находкой. Включение в него нового источника — переписки — потребовало специального издательского предисловия. Его подготовку А.С.Лаппо-Данилевский в апреле 1915 г. с одобрения ИФО поручил И.А.Линниченко. Однако после того как переписка и предисловие к ней были готовы к изданию, А.С.Лаппо-Данилевский в феврале 1917 г. предложил печатать их отдельно. Причина задержки выпуска сборника в целом заключалась в том, что А.С.Лаппо-Данилевский работал над очерком жизни и трудов С.А.Гедеонова. Его он планировал поместить в приложение к сборнику. Таким образом, сборник, редактировавшийся в течение многих лет, так и не был издан.³²⁵

Другой труд из числа начатых А.А.Куником и так и не увидевших свет, несмотря на все усилия А.С.Лаппо-Данилевского, — работа самого А.А.Куника «Düna und Nawa». Статья, содержащая систематическое собрание аргументов в поддержку норманистских взглядов автора, заинтересовала как А.С.Лаппо-Данилевского, так и ИФО. Поскольку полностью текст предполагаемого издания набран не был, в феврале 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевский указал в своей «Записке» о трудах А.А.Куника, что оно может быть закончено лишь после предварительных разысканий в бумагах покойного академика. В марте того же года по поручению ИФО он обратился за содействием к профессору Санкт-Петербургского университета Ф.А.Брауну.³²⁶ В октябре 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевский доложил его записку по поводу возможного издания «Düna und Nawa» на заседании ИФО. Ф.А.Брауну удалось установить, что сохранившиеся в корректуре отрывки статьи являются вариантами второй, незаконченной, ее редакции, первую же — вполне законченную — редакцию следует искать в бумагах А.А.Куника. Ф.А.Браун предлагал отложить работу над статьей до окончания разбора бумаг покойного автора — с тем, чтобы в случае обнаружения первой редакции выпустить ее, допуская возможность вставки в нее отрывков из второй редакции.³²⁷ А.С.Лаппо-Данилевский, согласившись с тем, что публикацию статьи следует отложить до разбора бумаг А.А.Куника, отметил, что он «не признает возможным вставками изменять тот вид ее, который сам автор придал своему произведению».³²⁸ Произвольная контаминация в издании любых текстов (источников или авторских рукописей) была для А.С.Лаппо-Данилевского абсолютно недопустима, поскольку нарушала «психическое единство» текста и делала невозможным его дальнейшую интерпретацию и критику.

Что касается разбора бумаг А.А.Куника, то он затянулся на долгие годы и так и не был завершен при жизни А.С.Лаппо-Данилевского. Здесь следует, правда, отметить, что такого рода работа не входила в сферу ответственности А.С.Лаппо-Данилевского, так как всеми работами в библиотеке I отделения Академии (а именно там находился архив А.А.Куника) руководил ее заведующий академик А.А.Шахматов. На одном из заседаний Отделения весной 1917 г. А.С.Лаппо-Данилевский с сожалением замечал: «До последнего времени собрание рукописей А.А.Куника, его собственноручных трудов, заметок и выписок, а также поступивших на его рассмотрение сочинений, документов и т.п. не было приведено в порядок». В связи с этим А.С.Лаппо-Данилевский добился специального решения отделения, обязавшего библиотекаря А.А.Петерса составить под его наблюдением опись бумаг А.А.Куника.³²⁹

Вообще к изучению личности и научного наследия своего предшественника А.С.Лаппо-Данилевский обращался многократно на протяжении своей академической деятельности. Для него было важно все, что имело отношение к биографии А.А.Куника. На наш взгляд, это было не просто служебной обязанностью, но пониманием А.С.Лаппо-Данилевским важности преемственности в науке. Итогом этой работы стало издание А.С.Лаппо-Данилевским в 1914 г. научно-биографического очерка, посвященного А.А.Кунику. В нем автор, с одной стороны, описал

методику работы своего предшественника, а с другой — попытался реконструировать картину отношений А.А.Куника с рядом ученых его поколения.

Для А.С.Лаппо-Данилевского прежде всего было близко то понимание сути профессии историка, которого придерживался А.А.Куник: наука должна «исследовать и изображать, как думали, чему веровали и что испытывали в своей душе люди прежних столетий». Подробно разбирая методику работы своего предшественника, А.С.Лаппо-Данилевский показал, что историософские и историко-теоретические взгляды А.А.Куника (развитие и своеобразный пересмотр философии истории Г.В.Ф.Гегеля) никак не были связаны с применявшейся им методикой (историко-филологической) конкретно-исторического исследования. Это обусловило его чрезвычайную научную шепетильность и, как следствие, большое количество незавершенных исследовательских работ и изданий.

А.С.Лаппо-Данилевский показал, какое значение покойный академик придавал таким деталям своих изданий, как формат, шрифт, правописание, система указателей, составление карт и пр. С этой точки зрения уместно говорить и о влиянии научной традиции предшественника А.С.Лаппо-Данилевского на его собственную работу.³³⁰ Во всяком случае, С.Ф.Ольденбург справедливо проводил параллель между причинами незаконченности многих академических работ А.А.Куника и А.С.Лаппо-Данилевского. На его взгляд, ими были чрезвычайно строгие научные требования к результатам своей работы и «глубокое участие в чужих трудах».³³¹

Другим примером редакторской деятельности А.С.Лаппо-Данилевского, затем переросшим в самостоятельное научное исследование, стало издание «Доимочной книги мостового и решеточного сборов», подготовленной к печати И.Н.Миклашевским. На заседании ИФО 8 ноября 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевский представил составленную по его просьбе записку И.Н.Миклашевского об этом издании. И в этом случае для А.С.Лаппо-Данилевского большую роль играл фактор исторической значимости публикуемого источника. Анализ «Доимочной книги...» стал одним из аргументов, призванных обосновать положение государственнo-юридической школы о вотчинном характере городского владения в Москве в XVII в. Отделение согласилось с А.С.Лаппо-Данилевским и включило «Доимочную книгу...» в число академических изданий. К марту 1901 г. текст книги был почти полностью напечатан в академической типографии. Тогда же А.С.Лаппо-Данилевский внес в отделение предложение о дополнении издания образцом отписи о приеме мостового и решеточного сборов, хранившейся в его личной коллекции, на что получил согласие. Включение в сборник нового вида источников побудило А.С.Лаппо-Данилевского к специальным, связанным с этим, историко-ведческим изысканиям. Летом 1901 г. он предпринял поездку в Москву для работы в Румянцевском музее. В коллекции И.Д.Беляева А.С.Лаппо-Данилевский обнаружил и скопировал 10 аналогичных расписок в приеме мостового и решеточного сборов. В сентябре 1901 г. ИФО по его просьбе включило их в состав издания. Постепенно, в ходе редакторской

работы над публикацией «Книги» и расписок летом – осенью 1901 г. А.С.Лаппо-Данилевский формулировал основные положения исследования, посвященного истории «мостового и решеточного» налогов в Московской Руси. В сентябре 1901 г. отделение согласилось включить его в сборник.³³² Еще одна, теперь уже последняя, задержка издания была связана со смертью И.Н.Миклашевского. Он не успел оставить описание внешнего вида публикуемой рукописи, а для А.С.Лаппо-Данилевского отсутствие такого описания в научно-критическом издании было невозможным. По его просьбе это описание было подготовлено А.И.Успенским,³³³ с которым с этого времени А.С.Лаппо-Данилевский начал активно сотрудничать. Сборник вышел в «Записках» ИФО в 1902 г.³³⁴ Основной и большей его частью является именно исследование А.С.Лаппо-Данилевского, которое вскоре было издано в виде отдельной монографии.³³⁵

Совместная работа с И.Н.Миклашевским вероятно, была одним из факторов, который побудил А.С.Лаппо-Данилевского к разбору бумаг, оставшихся после его смерти в конце 1901 г. На заседании ИФО в октябре 1902 г. А.С.Лаппо-Данилевский сообщил о рассмотренной им в числе бумаг И.Н.Миклашевского статье «Древнерусские поземельные кадастры». Он предложил ИФО напечатать статью в «Записках» отделения. Аргументируя это предложение, А.С.Лаппо-Данилевский заметил, что И.Н.Миклашевский, «опровергая теорию П.Н.Милюкова, приходит к остроумному объяснению “четвертей сеvu” и превращении сохи в определенную геометрическую площадь, а также установления податного значения». Таким образом, И.Н.Миклашевский подтверждал выводы А.С.Лаппо-Данилевского, подвергнутое критике П.Н.Милюковым,³³⁶ о значении «четверти» и «сохи» как единиц обложения в средневековой Руси.³³⁷ С согласия ИФО А.С.Лаппо-Данилевский добавил к статье И.Н.Миклашевского несколько примечаний, написал к ней вступительную заметку и издал в «Записках» отделения.³³⁸

Одним из первых изданий актового материала под редакцией А.С.Лаппо-Данилевского стало «Собрание актов по истории делопроизводства Поместного приказа», подготовленное к печати В.Н.Сторожевым. Эта публикация была передана в Академию управляющим Московским архивом Министерства юстиции Д.Я.Самоковасовым в 1899 г. и больше года ждала своего рассмотрения. А.С.Лаппо-Данилевский, обратившийся к ней в сентябре 1900 г., дал ей высокую оценку. На заседании ИФО в ноябре 1900 г. он пояснил, чем его привлекло «Собрание...» В.Н.Сторожева. По словам А.С.Лаппо-Данилевского, подготовка этой публикации предусматривала детальное изучение документов Поместного приказа за весь XVII в. в отношении одного (Вологодского) уезда. «Собрание...» было способно пролить свет не только на историю землевладения в данном уезде, но и на решение вопроса о том, что вообще может предоставить для русской истории изучение данного комплекса источников. Однако А.С.Лаппо-Данилевский отметил, что не может быть и речи о том, чтобы материал по Вологодскому уезду был напечатан полностью. «Необходим строгий выбор, – подчеркнул он, – благодаря которому возможно будет ограничиться главным типическим материалом и делами особенно слож-

ными». А.С.Лаппо-Данилевский внес предложение разбить и сократить представленные В.Н.Сторожевым материалы. Писцовую книгу (7136–7138 гг.) предлагалось печатать в выдержках, исходя из целей издания, приказные же дела разбить на группы по юридическому принципу, придерживаясь внутри групп хронологической последовательности. Отделение согласилось с этой схемой издания материалов В.Н.Сторожева. В октябре 1901 г. оно утвердило предложения А.С.Лаппо-Данилевского относительно научного аппарата издания: в него вошли два указателя (именной, включавший в себя личные имена и географические названия, и предметный), а также карта уезда XVII в.³³⁹ К 1906 г. редакторская работа В.Н.Сторожева и А.С.Лаппо-Данилевского над изданием, именовавшимся теперь уже «Материалами для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду», была завершена,³⁴⁰ и их первая часть появилась в «Записках» ИФО в том же году.³⁴¹

Как видим, в редактировании этого академического издания А.С.Лаппо-Данилевский придерживался определенной археографической иерархии: главенствовал принцип исторической значимости материала (с точки зрения задач исторического исследования), из которого следует принцип тематического подбора материала и затем – уже в нем – отбора типического. Одновременно материал располагался в хронологическом порядке и группировался по топографической принадлежности.

Одним из наиболее значительных академических предприятий А.С.Лаппо-Данилевского стала подготовка к изданию грамот Коллегии экономии.³⁴² Она сопровождалась ученой полемикой, а по выходе в свет стала предметом последующей историографической рефлексии.³⁴³ В первые месяцы своей работы в Академии А.С.Лаппо-Данилевский поднял вопрос о состоянии дел в издании архивных материалов в России. В мае 1900 г. он получил от нее официальное поручение подготовить план изданий архивных документов XVI–XVII веков.³⁴⁴ Первую его часть под названием «Какое из изданий архивных документов стоит на очереди в современной русской историографии?»³⁴⁵ А.С.Лаппо-Данилевский доложил историко-филологическому отделению в октябре 1900 г.³⁴⁶ Для российской науки это выступление стало поворотным. А.С.Лаппо-Данилевский указал на недостаточное внимание русской археографии к частным актам, в то время как они являются важнейшим источником для нового направления в науке – исследования быта и хозяйственных отношений. С этой точки зрения его не удовлетворяли существующие издания актов. По словам А.С.Лаппо-Данилевского, основные их сборники, то есть «Акты юридические» и «Акты, относящиеся до экономической истории, хозяйственной деятельности юридического быта древней России», являются лишь подбором разновидностей частных актов, учеными хрестоматиями, «полезными для... ознакомления с формальными особенностями каждого вида, но совсем не достаточные для исследования самих явлений, нуждающихся в систематическом собрании подобного рода материалов». На этом основании А.С.Лаппо-Данилевский предлагал, во-первых, отложить дальнейшее печатание издаваемых Академией «Актов Московского государства» (ссылаясь на произвольный характер отбора

актов или выписок из актов издателем) и, во-вторых, приступить к изданию корпуса актов Коллегии экономии, которые древнее, разнообразнее и имеют большое значение для хозяйственной истории и истории быта. Выступление А.С.Лаппо-Данилевского произвело сильное впечатление на членов историко-филологического отделения, которые согласились с его доводами.³⁴⁷

В реализации своего плана А.С.Лаппо-Данилевский встретил серьезное противодействие со стороны Д.Я.Самоковасова. Первое столкновение мнений А.С.Лаппо-Данилевского и Д.Я.Самоковасова произошло во второй половине 1890-х гг. Дело в том, что Д.Я.Самоковасов рецензировал по просьбе Академии в 1895 г. работу Н.Н.Оглоблина «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа». Однако вторую часть этой работы, представленную автором в Академию уже в 1898 г., рецензировал А.С.Лаппо-Данилевский. При этом в основных положениях он разошелся с Д.Я.Самоковасовым.³⁴⁸

Публичный конфликт между А.С.Лаппо-Данилевским и Д.Я.Самоковасовым произошел в 1902 г. после утверждения постановления Академии наук о порядке издания архивных документов в соответствии с замыслом А.С.Лаппо-Данилевского. Печатную полемику начал Д.Я.Самоковасов, дав в книге «Архивное дело в России» нелестную оценку планам Академии и предложениям А.С.Лаппо-Данилевского.³⁴⁹ Об этой книге к заседанию историко-филологического отделения 13 ноября 1902 года А.С.Лаппо-Данилевский подготовил специальную записку «Разбор мнения г. Самоковасова о научном значении некоторых изданий, предпринятых Академией Наук».³⁵⁰ Суть разногласия заключалась в следующем. В соответствии с «Планом издания архивных документов...» А.С.Лаппо-Данилевский намечал публикацию коллекции грамот Коллегии экономии в 10 томах. Она должна была заменить издание «Актов юридических», отстаиваемое Д.Я.Самоковасовым. Новый принцип пофондового издания корпуса актов хозяйственного и частноправового характера должен был прийти на смену тем устаревшим принципам издания, основанным на субъективно-избирательном подходе, связанном с произвольно-юридической классификацией актов издателем.³⁵¹ «План...» А.С.Лаппо-Данилевского открывал новые исследовательские возможности для анализа истории России XIV–XVII вв.³⁵² Этим объясняется поддержка, оказанная плану крупнейшими деятелями тогдашней исторической науки, — В.О.Ключевским, П.Н.Миллюковым, М.А.Дьяконовым, Н.П.Лихачевым, И.Н.Миклашевским, А.А.Шахматовым и С.В.Рождественским.³⁵³ Показательно, однако, что эта поддержка не была безусловной. Например, П.Н.Миллюков, И.Н.Миклашевский, С.В.Рождественский и В.О.Ключевский предлагали печатать акты не по уездам (в отличие от А.С.Лаппо-Данилевского), а в общем хронологическом порядке.³⁵⁴ В.О.Ключевский, например, замечал в письме А.С.Лаппо-Данилевскому: «<...> расположение актов Коллегии экономии в архиве юстиции по уездам было вызвано, можно думать, специаль[ными] практическими нуждами учреждения... В целях общего научного изучения представляется наиболее пригодным издание всех актов коллегии, древнейших и позд-

нейших в хронологическом порядке без дальнейшего их подразделения». Одновременно В.О.Ключевский предлагал составить к изданию географический указатель с распределением актов по уездам.³⁵⁵ П.Н.Миллюков вслед за Д.Я.Самоковасовым называл грамоты Коллегии экономии «случайной группой актов» и считал необходимым «издание всех грамот до XVII в.».³⁵⁶ Научно-теоретический подход А.С.Лаппо-Данилевского к археографии требовал предварительного исследования издаваемых источников, поэтому реализация замысла П.Н.Миллюкова была для него невозможной. Против ряда положений «Плана...» выступил и С.А.Шумаков, архивист, которого А.С.Лаппо-Данилевский имел в виду привлечь в качестве одного из основных исполнителей своего проекта, но его мнение не было учтено, что послужило впоследствии одной из причин выхода этого ученого из числа публикаторов грамот Коллегии экономии³⁵⁷ и начала его работы над параллельным изданием грамот с 1911 г.³⁵⁸ Показательно, что, обратившись за советом ко всем крупным историкам России того времени, А.С.Лаппо-Данилевский явно обошел С.Ф.Платонова.³⁵⁹

Первоначально А.С.Лаппо-Данилевский предполагал придерживаться выборочного принципа и при подготовке к печати грамот Коллегии экономии (аналогичный подход применен в издании «Собрания...» В.Н.Сторожева). Однако к началу 1910-х гг. он определенно пришел к решению полностью печатать весь фонд, что вело к увеличению объема предполагаемого издания, по крайней мере, в два раза.³⁶⁰ Таким образом, можно констатировать факт эволюции археографических взглядов А.С.Лаппо-Данилевского в отношении издания массового актового материала.

В середине 1900-х гг. свои академические занятия, связанные с подготовкой издания грамот Коллегии экономии, А.С.Лаппо-Данилевский переносит в университет: в 1904/05 учебном году в университете под его руководством начал работу семинар по дипломатике частного акта. В подготовке издания грамот Коллегии экономии этот семинар сыграл важнейшую роль. Его участники со временем включились в работу, проводимую с начала 1900-х гг. А.С.Лаппо-Данилевским и С.А.Шумаковым. Но еще до непосредственного привлечения своих учеников к этому важному делу А.С.Лаппо-Данилевский постарался ввести деятельность семинара в круг интересов Академии. Уже с апреля 1905 г. по его просьбе ИФО включило в план своих занятий работы над составом сборника актов Кирилло-Белозерского монастыря, которые проводились под руководством А.С.Лаппо-Данилевского его учениками А.А.Шиловым и Н.И.Сидоровым.³⁶¹

Семинар по дипломатике частного акта, выросший из работ А.С.Лаппо-Данилевского по изданию грамот Коллегии экономии, к 1911 г. постепенно превратился в научное сообщество, занимающееся дипломатикой частного акта. Организационно это выразилось в формальном отделении семинара от университета и все большем оформлении его деятельности при ИФО. В феврале 1911 г. А.С.Лаппо-Данилевский проинформировал отделение о том, что он «уже давно занимается вместе с некоторыми из своих учеников подготовкой каталога всех частных актов, напечатанных в различных изданиях». Он попросил у ИФО технической

поддержки этой работы в виде печатания в академической типографии бланков для каталога, что с этого момента регулярно осуществлялось по запросам семинара. С ноября 1911 г. А.С.Лаппо-Данилевский обратился к ИФО с просьбой оплачивать проводимые работы по составлению каталога, аргументируя это тем, что данная работа «имеет значение и для составления библиографических примечаний к грамотам бывшей Коллегии экономии, печатаемых Академией». С этого момента работа участников семинара А.С.Лаппо-Данилевского оплачивалась,³⁶² что, на наш взгляд, способствовало как ее более быстрому продвижению, так и консолидации семинара, перераставшего в кружок единомышленников. Финансирование работ Академией потребовало регулярных отчетов А.С.Лаппо-Данилевского, которые он предоставлял ИФО с 1913 г. В одном из них в феврале 1915 г. он отмечал, что «долголетние работы по составлению каталога частных актов, предпринятые мной вместе с моими учениками, в настоящее время приближаются к концу». Действительно, в эти годы членами кружка была проделана большая по объему работа. Для составления каталога было просмотрено огромное количество столичных и провинциальных изданий почти за столетие. Работы продолжались и в кризисные 1917–1919 гг. Финансовый кризис, сказавшийся на всех предприятиях Академии наук, по всей вероятности сильно ударил и по финансированию составления каталога частных актов. В марте 1918 г. А.С.Лаппо-Данилевский все же добился на заседании ИФО получения кредита для окончания работ, которые по его предложению ИФО поручило А.И.Андрееву.³⁶³ Это решение (наряду с последующим назначением его ученым секретарем Археографической комиссии) предопределило положение А.И.Андреева как ответственного редактора ряда академических изданий, начатых А.С.Лаппо-Данилевским.

Одновременно с работой над каталогом в начале 1910-х гг. А.С.Лаппо-Данилевским и его учениками было начато составление «Терминологического словаря частных актов», но финансирование у Академии было запрошено только на его печатание, которое началось в 1917 г.

Таким образом, с одной стороны, академическая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в области археографии послужила толчком для складывания археографической школы его учеников и русской школы дипломатики частного акта. С другой же стороны, формирование научного сообщества его учеников служило базой для развития археографической деятельности академика и историко-филологического отделения Академии.³⁶⁴ В 1900–1910-е гг. А.С.Лаппо-Данилевским и его учениками был создан целый ряд работ по дипломатике.³⁶⁵ Базовым теоретическим трудом стал подготовленный А.С.Лаппо-Данилевским незадолго до смерти «Очерк русской дипломатики частных актов»,³⁶⁶ являющийся, по сути, изложением основных принципов методологии источниковедения применительно к актовому материалу.³⁶⁷

В ходе работ над изданием грамот Коллегии экономии А.С.Лаппо-Данилевским и его учениками были разработаны «Правила издания сборника грамот Коллегии экономии».³⁶⁸ Эти «Правила...» стали наиболее полным выражением методологических принципов А.С.Лаппо-Данилев-

ского в отношении археографии.³⁶⁹ С.Н.Валк показал, что «система “Правил” послужила несомненным образцом для всех последующих... работ по составлению правил издания документов».³⁷⁰

В 1920-х гг. после смерти А.С.Лаппо-Данилевского работу по составлению каталога частных актов продолжил созданный им кружок исследователей дипломатики частного акта.

Наиболее крупномасштабным археографическим проектом А.С.Лаппо-Данилевского стала подготовка с 1902 г. серии «Памятники старинного русского законодательства». Перед официальной постановкой вопроса об этом проекте в Академии он поделился его планами с рядом историков России и уже получил предварительное согласие принять участие в издании О.И.Остроградского, Н.Д.Чечулина и М.А.Дьяконова. С идеей новой серии академических изданий А.С.Лаппо-Данилевский выступил в ИФО в октябре 1902 г. Необходимость ее подготовки А.С.Лаппо-Данилевский аргументировал наличием пробела в археографии. Он указал на то, что в то время как существуют научно-критические издания «Русской правды» и «Судебников», отсутствуют критические издания памятников русского законодательства более позднего времени – XVII–XVIII вв.³⁷¹ Получив поддержку Академии, А.С.Лаппо-Данилевский с конца 1902 г. начал работу по подготовке плана и археографических правил для новой издательской серии, а также активно искал редакторов будущих публикаций. Конечно, на выбор предмета для такого обширного проекта оказали влияние собственные научные интересы А.С.Лаппо-Данилевского, связанные с историей русского права XVII–XVIII вв.

Среди изданий серии, редакторскую работу по которым вел А.С.Лаппо-Данилевский, были «Уложение 1649 г.», «Новоторговый устав», «Наказ императрицы Екатерины II» (с 1902 г.), «Городовое положение 1785 г.» (с 1903 г.), «Воеводские инструкции Петра Великого», «Учреждение о губерниях 1775 г.» (с 1904 г.), «Кормчая книга 1653 г.», «Устав народным училищам 1786 г.» (с 1905 г.), «Духовный регламент Петра Великого» (с 1907 г.), «Устав Воинский Петра Великого» (с 1908 г.), «Жалованная грамота дворянству 1785 г.» (с 1909 г.), «Табель о рангах» (с 1912 г.), «Устав Благочиния 1782 г.», «Цеховой устав 1799 г.» (с 1916 г.), «Учреждение императорской фамилии» (с 1917 г.), «Проекты императрицы Екатерины II касательно уголовного права и процесса» (с 1918 г.).³⁷² Первоначально очередность выхода в свет выпусков серии строго определена не была, и только через несколько лет (в 1906 г.), сообразуясь с ходом работ по разным изданиям, А.С.Лаппо-Данилевский установил этот порядок: вып. 1. – «Уложение царя Алексея Михайловича» (редактор М.А.Дьяконов, при участии В.Н.Бенешевича); вып. 2. – «Наказ императрицы Екатерины II» (редактор Н.Д.Чечулин); вып. 3. – «Учреждение о губерниях 1775 г.» (редактор – А.С.Лаппо-Данилевский, при участии барона А.Э.Нольде и М.В.Клочкова); вып. 4. – «Кормчая книга 1653 г.» (редактор В.Н.Бенешевич).³⁷³

В 1909 г. А.С.Лаппо-Данилевский пришел к выводу о необходимости подготовки параллельной «Памятникам...» серии «Материалы для истории русского законодательства», которые должны были выходить отдель-

ными выпусками к соответствующим изданиям «Памятников...». Таким образом, планировалось опубликовать «Материалы для истории Новоторгового устава», «Материалы для составления Учреждения о губерниях» и другие. А.С.Лаппо-Данилевский аргументировал необходимость параллельного дополнительного издания тем, что в работе над серией «Памятники...» исследователи встречаются многочисленные материалы, которые представляют интерес, во-первых, для истории возникновения текста и, во-вторых, по правоприменительной практике, а также тем, что будет невозможно использовать весь этот комплекс источников при издании «Памятников...».³⁷⁴

С нашей точки зрения, идея публикации «Материалов...» отражала, таким образом, важную научно-методологическую установку А.С.Лаппо-Данилевского об источнике как историческом факте. Научно-критический анализ источника (в данном случае памятника законодательства) требовал, в свою очередь, анализа источников его происхождения, т.е. «материалов составления».

Изданием, отнявшим у А.С.Лаппо-Данилевского много времени и сил, но так и не увидевшим свет, стало «Соборное уложение». К нему А.С.Лаппо-Данилевским с самого начала был привлечен М.А.Дьяконов. Договоренность об этом была достигнута в феврале 1902 г.,³⁷⁵ а совместная работа над памятником началась в 1903 г. К работе над «церковными» статьями «Соборного уложения» А.С.Лаппо-Данилевский в начале 1904 г. (по предложению М.А.Дьяконова³⁷⁶) пригласил В.Н.Бенешевича как специалиста в области истории канонического права. Как и в других подобных случаях, А.С.Лаппо-Данилевский обеспечил своим сотрудникам возможность знакомства со всеми архивными материалами, касающимися «Уложения», которые либо высылались М.А.Дьяконову в Юрьев, а В.Н.Бенешевичу в Санкт-Петербург, либо предоставлялись им в московских и петербургских архивах. Первоначально А.С.Лаппо-Данилевский был весьма удовлетворен ходом работ, о чем свидетельствует то, что готовившееся издание «Уложения» он предполагал сделать возможным образцом для последующих публикаций серии. Между прочим, участие М.А.Дьяконова в этом проекте было одним из аргументов А.С.Лаппо-Данилевского в 1905 г. при выдвижении М.А.Дьяконова в адъюнкты Академии. Уже после избрания М.А.Дьяконова в состав Академии между редакторами намечалось разногласие. В начале 1906 г., когда основные материалы были собраны, М.А.Дьяконов представил А.С.Лаппо-Данилевскому как редактору серии план издания. Суть разногласий заключалась в том, что издание, подготовленное М.А.Дьяконовым, не содержало, с точки зрения А.С.Лаппо-Данилевского, объяснения, почему в нем использованы те или иные списки «Уложения». В письме М.А.Дьяконову он замечал: «В наборе и выборе списков Уложения Вы конечно более компетентны, чем я; но едва ли можно решить вопрос, какие именно списки стоят того, чтобы править их к изданию, не сделавши предварительно краткой описи всех списков и не установивши какого-нибудь критерия выбора. В предисловии к Ул[ожению] вероятно следовало такую опись напечатать и объяснить основания, в силу которых во внимание Вы при-

няли такие-то, оговариваясь, что мелкие орфографические и стилистические различия (не нарушающие смысла) не приняты во внимание».³⁷⁷ В качестве третейского судьи А.С.Лаппо-Данилевский, по-видимому, избрал А.А.Шахматова. С этой целью в начале февраля 1906 г. он пригласил А.А.Шахматова к себе на квартиру: «Дьяконов и я очень просим Вас зайти ко мне, если можете, в воскресенье (15 февраля) в 9 часов вечера; нам очень нужно было бы выслушать Ваше мнение относительно приемов издания Уложения А[лексея] М[ихайловича], над текстом которого сейчас работает М[ихаил] А[лександрович] вместе с Бенешевичем».³⁷⁸ Неизвестно, состоялась ли эта встреча, но к единому мнению редакторы серии и издания, по всей видимости, не пришли. М.А.Дьяконов, хотя и уклонился от выражения открытого несогласия с позицией А.С.Лаппо-Данилевского, работу над «Уложением» вскоре прекратил. Поэтому, несмотря на то, что его ответственным редактором оставался М.А.Дьяконов, для реализации своего варианта научно-критического издания А.С.Лаппо-Данилевский привлек к работе над «Уложением» сначала (в 1907 г.) Н.Я.Озерцковского, а затем, в 1912 г., А.Я.Лихтермана. Однако «Уложение» так и не вышло в свет.³⁷⁹

Единственный памятник русского законодательства, подготовка которого была доведена до выхода издания в свет, был «Наказ императрицы Екатерины II», намечавшийся в качестве второго выпуска серии. А.С.Лаппо-Данилевский предложил быть редактором «Наказа...» Н.Д.Чечулину. Представляя кандидатуру этого ученого на утверждение ИФО в октябре 1902 г., академик указал, что он «специально занимается историей императрицы Екатерины II и Наказа». Несмотря на то, что между А.С.Лаппо-Данилевским и Н.Д.Чечулиным (активным членом кружка С.Ф.Платонова) существовали определенные научные и научно-методологические разногласия, А.С.Лаппо-Данилевский поручил именно ему издавать памятник, с которым сам много работал. Вообще только способность ради профессиональных интересов подниматься над своими пристрастиями дала ему возможность столь широко поставить организацию научных работ в Академии.

Н.Д.Чечулин представил подготовленный к печати текст «Наказа...» и критический комментарий к нему в ноябре 1903 г. По предложению А.С.Лаппо-Данилевского в издание был включен ряд дополнительных материалов, прежде всего снимки с автографов императрицы Екатерины II. Работы над снятием снимков и корректурой существенно задержали появление издания, но к началу 1907 г. они были завершены. «Наказ...» вышел в свет в марте 1907 г.³⁸⁰ В январе 1907 г. ИФО, учитывая, что «Наказ императрицы Екатерины II» станет первым по времени выпуском «Памятников русского законодательства», решило поместить в издание в качестве предисловия записку о целях серии, написанную А.С.Лаппо-Данилевским.³⁸¹ В этой записке А.С.Лаппо-Данилевский повторил основные аргументы в поддержку этой серии, высказанные им еще в 1902 г.³⁸²

Вопрос о степени участия А.С.Лаппо-Данилевского в подготовительных работах по изданию «Наказа...» требует специального исследования. Н.Д.Чечулин счел себя обязанным поблагодарить А.С.Лаппо-Данилев-

ского как за внимание к его работе, так и за «деятельное и крайне ценное участие» в ней.³⁸³ По всей вероятности, именно А.С.Лаппо-Данилевскому принадлежит разработка общей структуры издания, которая должна была стать типовой для всей серии. Перед текстом памятника были помещены все рукописные материалы, «имеющие отношение к “Наказу”» и не вошедшие в текст, давался подробный обзор источников «Наказа...», а также «материалы для суждения о “Наказе” как источнике русского права». Публикуемый текст памятника Н.Д.Чечулин сверил с подлинником, собственноручно подписанным императрицей. Завершал издание указатель собственных имен. Это издание не лишено было недостатков. К ним можно отнести произвольный характер подстрочных примечаний (в них издатель указывал не все изменения вариантов текста, а лишь наиболее характерные с его точки зрения) и отсутствие указаний на нумерацию листов подлинника. Отсутствовал в издании и предметный указатель.³⁸⁴

В эту серию в качестве третьего выпуска должно было входить издание «Учреждения о губерниях 1775 г.». Еще в 1900 г. А.С.Лаппо-Данилевскому удалось разыскать подлинник этого памятника в коллекции дел стат-секретарей Екатерины II (в Государственном архиве).³⁸⁵ С этого момента в его планы входило издание этого закона. Первоначально всей работой по подготовке его к публикации и редактированию А.С.Лаппо-Данилевский занимался сам. Ее реальным результатом было составление им к октябрю 1904 г. образца предметного указателя к этому изданию, который и был принят ИФО в качестве образчика для всей серии, начиная с третьего выпуска.³⁸⁶ Составление предметных указателей было новым для российской археографии. По-видимому, недостаток времени мешал А.С.Лаппо-Данилевскому сосредоточиться на дальнейшей работе над «Учреждением о губерниях», поэтому в 1907 г. он привлек к ней своих коллег по университету барона А.Э.Нольде и М.В.Клочкова. В 1910 г. академик фактически передал последнему общее руководство изданием, которое, однако, так и не вышло в свет.³⁸⁷

Для редактирования четвертого выпуска серии («Кормчая книга 1653 г.») А.С.Лаппо-Данилевский в начале 1905 г. пригласил В.Н.Бенешевича.³⁸⁸ При этом по предложению А.С.Лаппо-Данилевского наблюдение над этим изданием было разделено между ним и академиком В.В.Латышевым. Дело в том, что по замыслу А.С.Лаппо-Данилевского было абсолютно необходимым параллельное воспроизведение двух текстов «Кормчей книги»: греческого и славянского. При этом В.В.Латышев должен был осуществлять наблюдение за подготовкой к печати и печатанием греческой, а А.С.Лаппо-Данилевский — славянской частей издания. Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевский предложил новаторский для российской археографической практики принцип, который, хотя и не был реализован в данном случае, вошел затем в арсенал российской археографии.³⁸⁹

Анализ архивных материалов и протоколов ИФО показывает, что кроме этих предполагаемых четырех первых выпусков серии, активная работа велась и по другим изданиям серий «Памятники старинного законодательства» и «Материалы для истории русского законодательства». Среди них следует назвать «Городовое положение 1785 г.» (редактор А.А.Кизе-

веттер), «Устав народным училищам 1786 г.» (редактор С.В.Рождественский), «Духовный регламент Петра Великого» (редакторы А.В.Карташев, П.В.Верховский), «Устав Воинский Петра Великого» (редакторы А.А.Жижиленко, А.В.Бородин), «Устав Благочиния» (редактор Ф.В.Тарановский), «Указатель “чиновных особ” XVIII в. по месяцесловам Екатерины II (1765–1796)» (редактор Г.В.Вернадский), «Проекты императрицы Екатерины II касательно уголовного права и процесса» (редактор П.И.Люблинский).

Со времени работы над книгой «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» А.С.Лаппо-Данилевский поддерживал тесные научные контакты с А.А.Кизеветтером. Аргументируя в сентябре 1903 г. выбор кандидатуры этого ученого на должность ответственного редактора «Городового положения», А.С.Лаппо-Данилевский отметил высокое значение его трудов по истории городского населения XVIII в. С небольшими перерывами работа над «Городовым положением» велась около пятнадцати лет. По регулярным отчетам А.А.Кизеветтера, предоставляемым в ИФО А.С.Лаппо-Данилевским, видно, что для ответственного редактора его работа стала кропотливым исследованием истории составления памятника, его источников, истории введения «Положения» в действие. Через десять лет работы (в 1913 г.) А.А.Кизеветтер представил подготовленный к печати текст «Положения». В целом план издания, предложенный им, получил у А.С.Лаппо-Данилевского высокую оценку. Он предусматривал детальное исследование истории «Городового положения» («Введение»); текст (последний вариант, получивший силу закона) с подведением в подстрочных примечаниях всех разночтений черновых редакций; тексты всех черновых редакций «Городового положения» и «Жалованной грамоты городам», синоптическая таблица номеров однородных статей по различным изданиям «Положения», алфавитный и предметный указатели («Приложения»). После положительного заключения А.С.Лаппо-Данилевского по решению ИФО началось печатание текста, которое продолжалось до 1916 г. К 1917 г. издание было почти готово, оставалось напечатать «Приложения».³⁹⁰ Революционные события, круто изменившие судьбу ответственного редактора, прервали работу по завершению пятнадцатилетнего труда.

Решение о привлечении к изданию «Устава народных училищ» С.В.Рождественского было принято А.С.Лаппо-Данилевским в 1905 г. Очень скоро выяснилась первоочередная задача, стоящая перед С.В.Рождественским и А.С.Лаппо-Данилевским, — отыскание подлинника «Устава...». Протоколы заседаний ИФО свидетельствуют о многочисленных, но безуспешных попытках редакторов издания и серии обнаружить подлинник в московских и петербургских библиотеках и архивах — вплоть до 1912 г. Параллельно С.В.Рождественский начал поиск в российских и австрийских архивах материалов, касающихся источников памятника.³⁹¹ Прекращение (приостановление) работ над этим изданием, по-видимому, было связано с началом Первой мировой войны, сделавшей их временно невозможными.

Работу над изданием «Духовного регламента Петра Великого» (которая планировалась еще с 1902 г.) А.С.Лаппо-Данилевский начал осенью 1907 г., когда по его просьбе ИФО поручило редактирование памятника А.В.Карташеву. Выбор редактора А.С.Лаппо-Данилевский аргументировал высокой оценкой работ А.В.Карташева по истории русской церкви XVIII в. Однако уже в 1910 г. их сотрудничество прервалось. В начале 1913 г. А.С.Лаппо-Данилевский привлек к этому изданию другого известного историка церкви, профессора Варшавского университета П.В.Верховского. Предварительно вступив в переписку с этим ученым, А.С.Лаппо-Данилевский получил от него соображения по поводу критического издания памятника, которые полностью соответствовали его представлениям.³⁹² По замыслу П.В.Верховского и А.С.Лаппо-Данилевского, будущая публикация должна была прояснить весь комплекс вопросов, связанных с происхождением «Духовного регламента» (источники, процесс составления), с его правоприменением и воздействием на последующее законодательство. Были определены и обязательные требования – перечень всех изданий и переводов, сверка текста по подлиннику. Однако последнее археографическое требование обернулось, так же как и в случае с «Уставом народных училищ», трудной проблемой. Сложность здесь заключалась в том, что четыре разных черновика расходились с печатным текстом, в который (как предположили издатели) составители вносили последние изменения уже в ходе набора. В этой ситуации в конце 1913 г. А.С.Лаппо-Данилевский и П.В.Верховский приняли решение об издании «Духовного регламента» по первому печатному тексту.³⁹³ Однако по каким-то причинам П.В.Верховский самостоятельно опубликовал «Духовный регламент» и все сопутствующие материалы.

В ноябре 1908 г. А.С.Лаппо-Данилевский впервые поднял на заседании ИФО вопрос о необходимости издания «Устава Воинского Петра Великого». В качестве ответственного редактора издания им был предложен профессор А.А.Жижиленко. Однако после принятия решения о начале этих работ дело не двигалось почти десять лет. Только в 1918 г. А.С.Лаппо-Данилевский привлек к работе нового редактора – приват-доцента А.В.Бородину. С последним А.С.Лаппо-Данилевский сотрудничал в многочисленных комиссиях по реорганизации архивного дела и весьма ценил его как архивиста. Судя по протоколам ИФО, осенью 1918 – зимой 1919 г. дело заметно продвинулось вперед, и только смерть А.С.Лаппо-Данилевского оборвала работу.³⁹⁴

В январе 1916 г. на заседании ИФО А.С.Лаппо-Данилевский зачитал записку о необходимости издания «Устава Благочиния 1782 г.». Предварительно он связался с профессором Юрьевского университета Ф.В.Тарановским и получил его согласие возглавить эту работу. Судя по переписке А.С.Лаппо-Данилевского и Ф.В.Тарановского и протоколам ИФО, в 1916 – начале 1917 гг. она шла полным ходом. Война и революция, как и в других случаях, прервали ее.³⁹⁵

В 1916 г. в связи с изданием «Материалов для истории русского законодательства» А.С.Лаппо-Данилевский при посредстве ИФО поручил Г.В.Вернадскому составление «Указателя “чиновных особ” XVIII в. по ме-

сящесловам Екатерины II». К маю 1917 г. под руководством Г.В.Вернадского был составлен каталог, включавший более шестидесяти тысяч карточек с росписью чиновников эпохи Екатерины II по месяцам. Каталог должен был стать основой составляемого указателя. И хотя в 1917 г. возникли трудности с надлежащим финансированием Академией этого издания, однако до конца года работа над подготовкой «Указателя...» к печати продолжалась и прекратилась только в 1918 г. в связи с отъездом Г.В.Вернадского из Петрограда.³⁹⁶

Последним изданием, по подготовке которого А.С.Лаппо-Данилевский и его коллеги успели проделать значительную работу, были «Проекты императрицы Екатерины II касательно уголовного права и процесса». Работал над ним А.С.Лаппо-Данилевский с 1916 по 1918 гг. Ответственное редактирование издания им было поручено профессору П.И.Люблинскому. В феврале 1918 г. они представили в ИФО совместную записку, в которой отчитывались о проделанной работе. В подготовке издания редакторы исходили из необходимости наиболее полного содержательного охвата проблемы. Материал отбирался по направлениям, выделенным на основании строгого юридического критерия: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, тюремное законодательство. Для этого понадобился просмотр всех архивных материалов по теме. Из отчета следовало, что работа была фактически завершена. Однако, как заметил А.С.Лаппо-Данилевский, «окончательная отделка труда невольно тормозится вследствие эвакуации соответственных частей Архива Академии наук и Государственного архива».³⁹⁷

В рамках серий «Памятники старинного русского законодательства» и «Материалы для истории русского законодательства» под руководством А.С.Лаппо-Данилевского была начата работа еще над целым рядом изданий. Однако их подавляющее большинство было только формально объявлено А.С.Лаппо-Данилевским на заседаниях ИФО. Иногда дело заканчивалось лишь назначением ответственного редактора. Среди только начатых были «Новоторговый устав» (с 1902 г. – ответственный редактор профессор Юрьевского университета О.И.Остроградский); «Воеводские инструкции Петра Великого» (с 1904 г. – приват-доцент Московского университета М.М.Богословский); «Жалованная грамота дворянству 1785 г.» (с 1909 г. – В.Н.Сторожев, с 1916 г. – приват-доцент Новороссийского университета А.В.Флоровский); «Табель о рангах» (с 1912 г. – Ф.В.Тарановский); «Цеховой устав 1799 г.» (с 1916 г. – П.Б.Струве); «Литовский статут 1588 г.» (с 1916 г. – профессор Юрьевского университета И.И.Лаппо); «Учреждение императорской фамилии» (с 1917 г. – Я.Л.Барсков); «Архивные материалы, касающиеся законодательной деятельности императрицы Екатерины II и проекты основных законов» (Я.Л.Барсков); «Сельское положение» (И.А.Стратонов).³⁹⁸

План А.С.Лаппо-Данилевского по изданию законодательных актов русской истории XVII–XVIII вв. был для своего времени одним из наиболее крупных археографических проектов. Однако этим масштабным замыслам и далеком идущим планам не суждено было осуществиться.

Кроме основных издательских проектов А.С.Лаппо-Данилевский вел и другие академические издания. С апреля 1903 г. он начал редактирование сборника «Материалы для истории царской библиотеки в XVII и XVIII вв.». Инициатором его публикации был А.И.Успенский, в то время хранитель Московского дворцового архива. Важность опубликования сборника А.С.Лаппо-Данилевский видел прежде всего в том, что он содержал интересные материалы о технике книжного дела и описи царских библиотек. С точки зрения ученого, они представляли ценность для определения круга литературных источников, влиявших на культурный кругозор русских самодержцев. Общее руководство работой А.И.Успенского над сборником А.С.Лаппо-Данилевский осуществлял более трех лет — до конца 1906 г. Для участия в подготовке этого издания (подготовка к публикации описей библиотек императора Петра III и императрицы Екатерины II) А.С.Лаппо-Данилевский привлек также своих учеников В.П.Денисова и Н.И.Сидорова.³⁹⁹ Хотя подготовка сборника к печати так и не была полностью завершена (из-за желания А.И.Успенского его доработать), материалы его первого отдела вышли в «Записках» ИФО в конце 1906 г.⁴⁰⁰

Специального рассмотрения требует деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в рамках Постоянной исторической комиссии (ПИК) ИФО, образованной в 1903 г. Вообще его работа в этой комиссии в первое время заключалась главным образом в том, что он с октября 1903 г. от имени Академии курировал многотомное издание «Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией». Ответственным редактором этого проекта являлся ученый корреспондент Академии в Риме Е.Ф.Шмурло.

С.Н.Валк, а вслед за ним А.И.Копанев и В.С.Брачев рассматривали ПИК как орган, осуществлявший издательскую деятельность ИФО и до некоторой степени противостоявший Археографической комиссии.⁴⁰¹ Однако история возникновения и начальной деятельности ПИК не дает веских оснований в пользу таких утверждений. С 1895 г. по предложению А.П.Извольского (в то время министр-резидент в Риме) в многочисленных комиссиях ИФО обсуждались планы создания русского научного учреждения в Италии. Первоначально предполагалось, что это будет целый Русский археологический институт в Риме, однако в начале 1902 г. С.Ю.Витте (бывший тогда министром финансов) решительно отказал Академии в финансировании проекта, указав на недостаток средств в Государственном казначействе, и предложил для начала учредить в Риме только должность ученого корреспондента. В январе 1902 г. ИФО образовало очередную комиссию во главе с вице-президентом Академии П.В.Никитиным для обсуждения этого вопроса. В нее вошел и А.С.Лаппо-Данилевский. Согласившись в целом с идеей С.Ю.Витте, комиссия тем не менее не желала отказываться от учреждения постоянного органа, курирующего деятельность Академии в Италии. Тогда и было принято решение об учреждении ПИК. По замыслу комиссии, постоянный представитель Академии в Италии должен был стать, таким образом, секретарем создаваемого органа.⁴⁰² Летом 1902 г. А.С.Лаппо-Данилевский по поручению ИФО предпринял поездку в Рим с тем, чтобы «ознакомиться

с условиями, в какие ныне может быть поставлена будущая деятельность ученого секретаря Исторической комиссии». В 1902 г. в его отчете Академии по существу была сформулирована программа работы для комиссии и ученого секретаря, которая последовательно реализовывалась до 1918 г. По мнению А.С.Лаппо-Данилевского, в центр работы комиссии должны были быть поставлены археографические задачи — описание итальянских архивов, имеющих отношение к русской истории, и издание памятников культурных сношений России с Италией.⁴⁰³

Однако бюрократический механизм учреждения должности «ученого корреспондента» уже был запущен, и в середине января 1903 г. непреременный секретарь Академии сообщил ИФО, что эта должность создана. В конце января 1903 г. А.С.Лаппо-Данилевский, выступая на заседании отделения, предложил все же вернуться к идее создания ПИК, «которая могла бы предложить Отделению кандидата для занятия должности ученого корреспондента, выработать ему инструкцию и руководить общим ходом ученых работ, предпринимаемых им в итальянских архивах по поручению Академии». ИФО согласилось с ним и сформировало ПИК во главе с П.В.Никитиным (члены Н.Ф.Дубровин, А.С.Лаппо-Данилевский). Затем по поручению комиссии А.С.Лаппо-Данилевский приступил к поиску кандидата на должность ученого корреспондента.⁴⁰⁴ По-видимому, он заранее имел в виду кандидатуру Е.Ф.Шмурло, поскольку сразу обратился к нему с соответствующим запросом. Е.Ф.Шмурло и А.С.Лаппо-Данилевского связывали многолетние товарищеские отношения с 1880-х годов. В то время они оба начинали преподавательскую деятельность, оба были в Кружке русских историков, а потом отошли от него из-за соперничества с лидером этого кружка С.Ф.Платоновым. Е.Ф.Шмурло, рассчитывавший занять кафедру русской истории в Санкт-Петербургском университете, после назначения на эту должность С.Ф.Платонова уехал в Дерпт, но контактов с А.С.Лаппо-Данилевским не прерывал.⁴⁰⁵ Е.Ф.Шмурло был одним из немногих русских ученых, который в то время уже специально занимался историей русско-итальянских связей.⁴⁰⁶ В 1900 г. он включился в дискуссию относительно планов учреждения русской исторической комиссии в Риме,⁴⁰⁷ образовать которую, правда, предполагал не при Академии, а «под непосредственным начальством Министерства народного просвещения». ⁴⁰⁸ В феврале 1903 г. А.С.Лаппо-Данилевский получил положительный ответ Е.Ф.Шмурло. В марте 1903 г. ПИК представила на рассмотрение ИФО кандидатуру Е.Ф.Шмурло на должность ученого корреспондента, сопроводив это представление запиской об ученых трудах кандидата.⁴⁰⁹

В октябре 1903 г. ИФО утвердило «Предварительную инструкцию ученому корреспонденту в Риме», авторство которой также, по всей вероятности, принадлежит А.С.Лаппо-Данилевскому. Она содержит масштабный план археографических работ Академии наук в Италии и его теоретическое обоснование. В инструкции перед ученым корреспондентом был поставлен ряд задач: системный просмотр фондов и краткая опись бумаг, имеющих отношение к русской истории, краткая характеристика их значения как источника и как материала для исторической реконст-

рукции, оценка отдельных важных рукописей. В инструкции отмечалось: «<...> для того, чтобы придать занятиям ученого корреспондента единство, которого нельзя найти в разнородном и разбросанном архивном материале... его работу можно было бы приурочить или к истории отдельных миссий и посольств из Италии в Россию, или к истории общих им международных планов и мероприятий». Автор инструкции предполагал, руководствуясь изложенными принципами, начать издание двух периодических сборников — «Памятники культурных и дипломатических отношений между Россией и Италией» и «Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией».⁴¹⁰

В конце 1903 г. Е.Ф.Шмурло приступил к исполнению своих обязанностей в Риме. Ученый корреспондент регулярно посылал в ПИК отчеты о работе, которые представлялись А.С.Лаппо-Данилевским на рассмотрение ИФО. За пятнадцать лет работы (с 1903 по 1918 гг.) в Италии Е.Ф.Шмурло подготовил под наблюдением А.С.Лаппо-Данилевского шесть выпусков сборника «Россия и Италия», которые и были изданы. В их состав вошли материалы различного характера, в том числе описания крупнейших итальянских и испанских архивов, описи собраний документов, имеющих отношение к русской истории, отдельные документы по истории итальянско-русских отношений, небольшие исследования Е.Ф.Шмурло на темы, связанные с публикуемыми источниками.⁴¹¹ А.С.Лаппо-Данилевский в целом одобрял деятельность ученого корреспондента и трижды (в 1908, 1913, 1917 гг.) предлагал его кандидатуру к переизбранию на следующие пять лет. Тем не менее А.С.Лаппо-Данилевский был более заинтересован в издании другого запланированного сборника — «Памятники дипломатических сношений между Россией и Италией», — вопрос о котором он многократно поднимал на заседаниях ИФО. С 1908 г. он даже начал поиск других, помимо Е.Ф.Шмурло, ученых, которых можно было бы привлечь к этому изданию. Однако уже в 1909 г. Е.Ф.Шмурло разработал и представил ПИК подробные правила публикации этого сборника. Они предусматривали использование всех европейских архивных материалов по теме; указание на все опубликованные документы и краткое их изложение; строго хронологический порядок размещения материала; внешнюю критику всех рукописей; легенду, включающую указание на авторство, время и место составления документа; комментарий.⁴¹² Но первая мировая война сорвала планы Е.Ф.Шмурло и А.С.Лаппо-Данилевского по изданию сборника, который увидел свет только в 1925 г.⁴¹³

Вообще ПИК изначально ставила задачи развития русской научно-исторической деятельности в Риме, выходящие за рамки издательских программ. Поэтому по просьбе А.С.Лаппо-Данилевского Е.Ф.Шмурло периодически наводил всевозможные справки в итальянских архивах, делал обширные выписки и обзоры итальянского законодательства в области охраны архитектурных памятников. В связи с тем, что А.С.Лаппо-Данилевский рассчитывал в будущем на расширение деятельности Академии в Италии, предполагалась организация подготовки лиц, которых

Академия могла бы в будущем командировать в Рим. С этой целью по его просьбе с 1903 по 1908 гг. Е.Ф.Шмурло составил две коллекции фотографических снимков с важнейших в палеографическом отношении образцов итальянского средневекового письма.⁴¹⁴ Кроме выполнения прямых обязательств перед Академией Е.Ф.Шмурло подготовил и опубликовал еще целый ряд исследований по истории российско-итальянских отношений.⁴¹⁵

Хотя формальным председателем ПИК был вице-президент Академии П.В.Никитин, реально подготовка всех решений комиссии находилась в руках заведующего ее делами, которым был А.С.Лаппо-Данилевский. С 1916 г. он стал также и формальным ее председателем.⁴¹⁶ А.С.Лаппо-Данилевский довольно ревниво относился к попыткам помимо комиссии, влиять на деятельность ученого корреспондента. Так, уже в 1918 г. после выполнения одной просьбы, исходившей от посторонних лиц, Е.Ф.Шмурло был официально уведомлен, что все поручения даются ему только через ПИК.⁴¹⁷

Представление о том, что ПИК с самого начала была издательским органом ИФО, закрепившееся в литературе, имеет определенные причины. Поскольку ПИК была единственной постоянно действующей издательской комиссией отделения, на нее возлагались иногда и издательские поручения, напрямую не связанные с ее профилем. Наиболее крупным из них была передача в 1909 г. под наблюдение ПИК издания «Писем и бумаг Петра Великого». От имени ПИК его также курировал А.С.Лаппо-Данилевский. Передача издания именно ПИК как комиссии ИФО объясняется тем, что, с одной стороны, она с самого начала находилась в ведении Академии и, с другой — существовала как бы независимо от ее учреждений, будучи напрямую подчиненной ее президенту. К началу XX в. комиссия по изданию «Писем и бумаг...», сформированная в 1872 г. и руководившая работами по подготовке издания, уже давно прекратила существование, и вся тяжесть археографической работы легла на плечи И.А.Бычкова, продолжавшего работу после смерти в 1899 г. его отца, академика А.Ф.Бычкова. Она шла очень медленно, и в 1907 г., в преддверии празднования 200-летия Полтавской битвы, президент Академии великий князь Константин Константинович стремился ускорить ход издания и, возможно, снять с себя персональную ответственность за его медленное продвижение. Сложная бюрократическая процедура передачи издания «Писем и бумаг...» в ведение ПИК продолжалась около двух лет и завершилась только в 1909 г. С этого момента А.С.Лаппо-Данилевский активно включился в редактирование «Писем и бумаг...», начиная с подготовки к изданию шестого тома. Но требовательный подход А.С.Лаппо-Данилевского к археографической обработке документов не только не ускорил дела (что было главной целью передачи издания в ПИК), но скорее замедлил его. Так, выход в свет VI тома был задержан из-за того, что А.С.Лаппо-Данилевский настоял на обязательной сверке ряда копий писем с вновь обнаруженными подлинниками и помещении в виде «Добавления» в него ряда неизвестных ранее писем.⁴¹⁸ В то же время он не стал кардинальным образом менять принципы издания, установленные еще для первого тома.⁴¹⁹

В ходе многолетней совместной работы между А.С.Лаппо-Данилевским и И.А.Бычковым установились хорошие деловые отношения. А.С.Лаппо-Данилевский вплоть до 1918 г. продолжал вникать в проблемы издания, но с 1910-х гг. в основном ограничивался лишь техническим содействием в подготовке соответственно седьмого и восьмого томов. С выпуском в свет восьмого тома сложилась тяжелая ситуация. Он был подготовлен к печати в 1917 г., и в условиях жестокого финансового кризиса, который испытывала Академия, его издание оказалось под вопросом. А.С.Лаппо-Данилевский и И.А.Бычков обращались в различные инстанции с просьбой о помощи в печатании тома. И.А.Бычков предложил разбить том на два выпуска и вначале издать первый, листы которого уже были напечатаны. Но А.С.Лаппо-Данилевский возражал против того, чтобы примечания оказались отделенными от текста, хотя в конце концов ему пришлось пойти на этот вариант. Возможно, на это решение повлияло сообщение о том, что Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов решил конфисковать бумагу той типографии, где печаталось издание.⁴²⁰ Первый выпуск восьмого тома, таким образом, увидел свет в 1919 г., а второй — только в конце 1940-х гг.⁴²¹

Сотрудничество А.С.Лаппо-Данилевского с А.И.Успенским, начавшееся в апреле 1903 г. с подготовки к изданию «Материалов для истории царской библиотеки в XVII и XVIII вв.», с апреля 1904 г. упрочилось в ходе их совместной работы еще над одной публикацией — «Представления профессора Десницкого об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». Этот документ, обнаруженный А.И.Успенским в Московском Дворцовом архиве, показался А.С.Лаппо-Данилевскому интересным памятником екатерининской эпохи, достойным опубликования. Издание вполне укладывалось в программу публикации юридических памятников, разработанную А.С.Лаппо-Данилевским. По его предложению ИФО постановило опубликовать «Представления...» в «Записках» отделения,⁴²² что и было сделано в 1905 г.⁴²³

После смерти Н.Ф.Дубровина в 1904 г. А.С.Лаппо-Данилевский занялся разбором бумаг покойного академика. Видимо поэтому именно ему было поручено продолжить работу над одним из основных изданий Н.Ф.Дубровина — «Бумагами князя Меншикова». Сам Н.Ф.Дубровин подготовил лишь первый том. Ознакомившись с его материалами, А.С.Лаппо-Данилевский представил ИФО ряд рекомендаций, направленных на усовершенствование принципов публикации. Он предложил отказаться от издания всех бумаг А.Д.Меншикова, с тем чтобы, исходя из выборочного принципа, печатать только исторически значимые документы, остальные же бумаги должны были бы приводиться лишь в виде кратких регест. По мнению А.С.Лаппо-Данилевского, ранее опубликованные документы не должны были печататься, следовало отказаться и от беспорядочного правописания подлинников. С точки зрения А.С.Лаппо-Данилевского, необходимо было включать датировку документов в легенды. Предусматривались и упорядочение написания заголовков, введение

единообразия в составление легенд. Предложение о столь значительном пересмотре принципов издания наглядно демонстрирует различие археографических подходов А.С.Лаппо-Данилевского и представителей старшего поколения академической школы. Если Н.Ф.Дубровин был приверженцем старого историко-филологического метода публикации, диктовавшего необходимость следования правописанию подлинников, то в основе критериев А.С.Лаппо-Данилевского было требование строгой научной целесообразности, предельной определенности каждого элемента издания. Показательно, что при издании «Бумаг...» А.С.Лаппо-Данилевский вновь предложил выборочный принцип издания, уже примененный им в ходе работ над «Собранием...» В.Н.Сторожева и на первом этапе подготовки к печати грамот Коллегии экономии. ИФО приняло все предложения А.С.Лаппо-Данилевского. В 1906 г. он передал дальнейшее редактирование издания М.А.Дьяконову.⁴²⁴ Как и большинство изданий ИФО, начатых в предреволюционные десятилетия, публикация «Бумаг князя Меншикова» так и не была завершена.

С 1909 г. А.С.Лаппо-Данилевский начал крупный археографический проект — издание мемуаров С.А.Понятовского. Его инициатором выступил директор Государственного архива при Министерстве иностранных дел С.М.Горяинов, который в феврале 1909 г. обратился с соответствующим запросом к А.С.Лаппо-Данилевскому. Считая мемуары ценным источником для реконструкции российской и европейской истории второй половины XVIII в., А.С.Лаппо-Данилевский рекомендовал ИФО принять предложение С.М.Горяинова и тем самым возложил на себя общее руководство изданием. Первоначально эти мемуары предполагалось выпустить в двух томах, но после начала работы с рукописью стало ясно, что ее объем требует разделения издания на три тома. Кроме этого обстоятельства, задержавшего его выпуск в свет, было и другое, связанное с соображениями цензуры. В мае 1909 г. А.С.Лаппо-Данилевский обратился к ИФО с запросом, следует ли печатать ряд мест из мемуаров С.А.Понятовского «ввиду их содержания». Речь, по-видимому, шла о фрагментах, связанных с тем, что С.А.Понятовский был фаворитом Екатерины II. ИФО постановило не печатать их с указанием в издании на пропуски, а 25 экземпляров напечатать без купюр. А.С.Лаппо-Данилевский даже составил список тех, кому следовало вручить такие экземпляры. Однако в январе 1914 г., когда первый том «Мемуаров» был уже готов к выходу в свет, последовало распоряжение Николая II на доклад президента Академии великого князя Константина Константиновича — печатать «Мемуары» без изъятий. В результате пришлось перепечатывать часть первого тома, который все же вышел в свет в 1915 г. Работа же над вторым томом, по свидетельству А.С.Лаппо-Данилевского, шла медленно ввиду болезни С.М.Горяинова. По инициативе А.С.Лаппо-Данилевского в ноябре 1918 г. дальнейшую редакторскую работу ИФО передало Я.Л.Барскову.⁴²⁵

В апреле 1910 г. по предложению А.С.Лаппо-Данилевского ИФО решило опубликовать «Реестр книг князя М.М.Щербатова». Исходя из своих методологических принципов, он рассматривал этот источник и как факт и как показание о факте. Значение «Реестра...» А.С.Лаппо-Данилевский

видел в том, что по нему можно судить и о круге литературных интересов князей И.А.Щербатова и М.М.Щербатова, и о тех изданиях, которыми последний пользовался для своих литературных трудов, и о ряде других данных, касающихся истории книжного дела в России.⁴²⁶ С идеей опубликования этого памятника к А.С.Лаппо-Данилевскому обратился князь Д.И.Шаховской, дружкой с которым А.С.Лаппо-Данилевский был связан со времен Ольденбургского кружка (1880–1890-е гг.). «Реестр...» был вскоре напечатан под наблюдением А.С.Лаппо-Данилевского и М.А.Дьяконова.⁴²⁷

В ноябре 1910 г. А.С.Лаппо-Данилевский представил вниманию ИФО труд профессора Санкт-Петербургской духовной академии П.Н.Жуковича «Материалы для истории Киевского и Львовского соборов 1629 года». По его рекомендации отделение решило напечатать эту работу в своих «Записках». А.С.Лаппо-Данилевский аргументировал свое предложение тем, что эти материалы существенно дополняли известные сведения об отношениях православной и униатской церквей и были снабжены соответствующими научно-критическими примечаниями. Труд П.Н.Жуковича под наблюдением А.С.Лаппо-Данилевского вышел в «Записках» ИФО в 1911 г.⁴²⁸

В рамках ИФО в 1912–1913 гг. проводилось обсуждение программы изданий Академии, приуроченных к ее будущему 200-летию (1925 г.). Одним из наиболее деятельных его участников был А.С.Лаппо-Данилевский. Обсуждение началось с записки Е.Ф.Шмурло, направленной на имя неперменного секретаря Академии С.Ф.Ольденбурга в феврале 1912 г. Он предлагал подготовить «ряд капитальных работ, имеющих целью облегчение и упрочение дальнейшего исследования личности и эпохи императора Петра Великого», которому Академия обязана своим существованием. Е.Ф.Шмурло, специально занимавшийся историей Петра Великого,⁴²⁹ считал такую подготовку важной и необходимой. По решению ИФО С.Ф.Ольденбург передал записку на рассмотрение А.С.Лаппо-Данилевскому. В письме к Е.Ф.Шмурло А.С.Лаппо-Данилевский просил разъяснить основные положения предложенной программы. Судя по ответу Е.Ф.Шмурло, можно восстановить отношение академика к этим планам. А.С.Лаппо-Данилевский не возражал против масштабных археографических работ, посвященных первой четверти XVIII в., но тем не менее сомневался в их реальной осуществимости из-за «недостатка подходящих людей и отсутствия необходимых сумм» (как излагал его мнение Е.Ф.Шмурло в своем ответном письме). Из этого эпизода видна сложность положения А.С.Лаппо-Данилевского как организатора археографической деятельности Академии в области национальной истории. Начав к 1912 г. подготовку большого количества изданий, возможности для скорого выхода в свет которых он не видел, А.С.Лаппо-Данилевский не решался приступить к новому и столь масштабному проекту, хотя эта идея и была ему близка. Все же в ноябре 1912 г. он предложил образовать комиссию (В.В.Радлов, А.С.Лаппо-Данилевский, М.А.Дьяконов) «для ближайшего рассмотрения вопроса о выпуске Академией в свет к 200-летию ее существования ряда изданий, относящихся к эпохе Петра Великого».

Существование этой комиссии, специально обсуждавшей вопрос о ряде изданий, относящихся к эпохе Петра Великого, позволило А.С.Лаппо-Данилевскому в 1914 г. запросить дополнительное финансирование для публикации «Писем и бумаг Петра Великого» как издания уже давно начатого Академией. Проект же организации серии изданий, предложенный Е.Ф.Шмурло, по существу, был заброшен.

По просьбе Н.И.Кареева А.С.Лаппо-Данилевский способствовал публикации ряда его работ в изданиях Академии. Несмотря на глубокие теоретические и методологические разногласия, А.С.Лаппо-Данилевский и Н.И.Кареев долгое время плодотворно сотрудничали в Историческом обществе при Санкт-Петербургском университете и его печатном органе – «Историческом обозрении». В какой-то степени ученых объединяли и общие либеральные взгляды, и «оппозиция» к декану факультета С.Ф.Платонову. В январе 1912 г. А.С.Лаппо-Данилевский представил для напечатания труд Н.И.Кареева «Неизданные документы по истории Парижских секций 1790–1795 гг.», как обычно, дав характеристику публикуемым источникам и указав на ценность материала для характеристики деятельности парижских секций и событий начала реакции.⁴³⁰ По предложению А.С.Лаппо-Данилевского этот труд был напечатан в «Записках».⁴³¹

В 1914 г. по просьбе А.С.Лаппо-Данилевского ИФО постановило печатать следующую часть материалов, подготовленных Н.И.Кареевым («Неизданные протоколы Парижских секций 9 термидора II года»). При этом А.С.Лаппо-Данилевский допустил отступление от обычного для него принципа издания – либо целиком, либо в виде регест – и не возражал против печатания части протоколов в выдержках.⁴³² Это было, конечно, связано с нежеланием А.С.Лаппо-Данилевского каким-либо образом править представленную публикацию.⁴³³

В декабре 1912 г. по просьбе И.М.Гревса А.С.Лаппо-Данилевский представил ИФО для печатания в «Записках» Отделения работу О.А.Добиаш-Рождественской «Церковная жизнь Франции в XIII в.». В данном случае рекомендация И.М.Гревса послужила единственным и достаточным для ИФО аргументом в пользу печатания труда, которое продолжалось около двух лет – до 1914 г.⁴³⁴ На примере этого издания видно, какое значение А.С.Лаппо-Данилевский придавал строгой упорядоченности системы шрифтов. По этому поводу в конце 1913 г. А.С.Лаппо-Данилевский замечал в письме О.А.Добиаш-Рождественской: «Я не решаюсь подписать 2-й лист, не спросивши Вас вот о чем: выписки из источников (и при том в одном и том же издании) набраны в примечаниях то прямым шрифтом, то курсивом (напр., СС. 24, 30 и др.). Верно ли это?»⁴³⁵ В ответ О.А.Добиаш-Рождественская писала: «Действительно, во втором листе, присланном Вами, имеется целый ряд тех же самых погрешностей, какие были отмечены Вами в 1 листе. Это так и должно быть. Ведь второй лист не доставлялся мне с тех пор, как я видела и исправила прокомментированный Вами первый лист... Мне хотелось сказать Вам, если позволите, несколько слов по этому вопросу, Александр Сергеевич. Я не знала, что академические издания проходят через ответственную редакцию одного

из членов, а тот большой труд, который Вы даете себе над моим произведением, вызывает во мне глубокую признательность, но с другой стороны сильно смущает меня и тревожит... Я возьму, с Вашего разрешения, свою рукопись на время и проведу в ней отчетливее в духе Ваших указаний систему шрифтов».⁴³⁶

В 1913 г. А.С.Лаппо-Данилевский представил для напечатания в «Записках» ИФО подготовленное Б.Д.Грековым «Дело, возбужденное строителем Маркеллом по поводу «затеснения Розважского монастыря»». Этот документ показался А.С.Лаппо-Данилевскому, как и автору публикации, интересным и как факт (иллюстрирующий изданные Археографической комиссией писцовые книги по Новгороду), и как показание о факте (топографии Новгорода XVII в.).⁴³⁷

В отдельное исследование вылилась публикация А.С.Лаппо-Данилевским «Грамоты царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича шведскому королю Карлу XI». Первоначально он планировал издать ее в сборнике «Нева и Ниеншанц», поскольку таков был замысел А.А.Куника и А.Ф.Бычкова, обнаружившего в свое время этот документ. Однако в январе 1915 г. А.С.Лаппо-Данилевский отметил, что грамота представляет особый интерес для изучения религиозной борьбы в Ингерманландии конца XVII в., и потому было бы опророчливо печатать ее в этом сборнике, не предназначавшемся к продаже. В связи с этим ИФО постановило опубликовать грамоту, а вместе с ней и специальную статью А.С.Лаппо-Данилевского сначала в «Известиях», а потом, с увеличением объема статьи, в «Записках» ИФО.⁴³⁸ Впрочем, издать статью он так и не успел.

А.С.Лаппо-Данилевский был одним из первых, кто поднял вопрос о необходимости публикации массовых источников нового времени. По его инициативе в мае 1915 г. ИФО постановило печатать «Собрание документов, относящихся до крепостного права в вотчинах графа Дмитриева-Мамонова в Ярославской и Владимирской губерниях (1763—1861)» в виде отдельного сборника. Получив эти документы от их владельца, К.В.Сивкова, А.С.Лаппо-Данилевский посчитал необходимым заручиться поддержкой авторитетного специалиста в этой области и направил их А.А.Кизеветтеру, с которым активно сотрудничал в подготовке издания «Городового положения». А.А.Кизеветтер ответил, что издание таких документов важно и нужно для решения очередного вопроса исторической науки о социальном строе и о роли крепостного права в первой половине XIX в. А.С.Лаппо-Данилевский вполне солидаризировался только с другим указанием А.А.Кизеветтера, связанным с необходимостью показать этим изданием «несколько типических образцов того материала, массовое соби́рание и изучение которого должно составить задачу» будущих историков крепостного хозяйства. Академик согласился с этим, отметив, что собрание представляет интерес именно потому, что «содержит образцы различных видов вотчинного делопроизводства в крупном крепостном хозяйстве».⁴³⁹ Хотя дальше решения опубликовать сборник дело не продвинулось, сама по себе постановка вопроса о таком издании несомненно была новаторской.

В последние годы жизни А.С.Лаппо-Данилевский начал активно работать над еще одним обширным издательским проектом — изданием «Собрания бумаг, сочинений и писем М.М.Сперанского».⁴⁴⁰ Первоначально (с 1909 г.) этот проект был им предпринят в рамках секции русской истории Исторического общества при Санкт-Петербургском университете.⁴⁴¹ Но уже в апреле 1916 г. А.С.Лаппо-Данилевский обратился к ИФО с просьбой о содействии в его реализации, и с этого момента подготовка издания проходила уже в рамках Академии.⁴⁴² Работой руководила специальная комиссия секции русской истории Исторического общества. В комиссию входили И.А.Бычков, А.В.Васильев, князь Н.В.Голицын, А.А.Корнилов, А.С.Лаппо-Данилевский (председатель), барон С.А.Корф, барон А.Э.Нольде, барон Б.Э.Нольде, С.В.Рождественский, В.И.Семевский, В.Н.Строев. Впоследствии в состав комиссии были включены К.Я.Здравомыслов и А.А.Сиверс (с ноября 1918 г.). На постоянной основе с комиссией сотрудничали и принимали участие в ее заседаниях С.А.Панчулидзева, И.А.Блинов, А.С.Лыкошин, Д.В.Цветаев, А.Н.Филиппов, А.И.Тотоцкий, П.О.Морозов, Г.П.Георгиевский, Е.И.Тарасов, С.В.Вознесенский, В.Я.Адарюков. Целью комиссии было соби́рание и публикация бумаг М.М.Сперанского — как еще не изданных, так и появившихся в печати, но не снабженных надлежащим научно-критическим аппаратом. В начале работы над этим изданием комиссия выработала специальные правила, в том числе «Образец бланка для описи бумаг М.М.Сперанского» и «Инструкцию для снятия копий с рукописей Сперанского». «Образец бланка» был подготовлен А.С.Лаппо-Данилевским в марте 1916 г. и включал в себя стандартный набор его требований к описанию исторического источника. При описи бумаг графа М.М.Сперанского было необходимо заполнить следующие графы: 1) местонахождение документа; 2) фонд, шифры (старые и новые); 3) заголовки дела и документа; 4) состояние подлинника (оригинал или копия, собственноручный или нет, белой или черновой, с поправками или без таковых); 5) начальные слова дела или документа; 6) место и время написания; 7) формат и число страниц; 8) наличие (отсутствие) заметок на полях; 9) связь данной бумаги с другими; 10) примечания; 11) указание на предыдущее издание (издания) документа. «Инструкция по снятию копий с рукописей графа М.М.Сперанского» была выработана специальной подкомиссией, в которую кроме А.С.Лаппо-Данилевского вошли И.А.Бычков, князь Н.В.Голицын и А.Н.Макаров. По сути, эта инструкция отражала и более широкую археографическую задачу — подготовку документов к печати.

Как показал А.А.Александров, работа, проведенная комиссией по изданию сочинений М.М.Сперанского, подготовила почву для последующих изданий работ этого государственного деятеля и, с другой стороны, поставила перед наукой задачи, не утратившие своего значения по сей день.⁴⁴³ С одним из сотрудников комиссии по изданию сочинений Сперанского — Д.В.Цветаевым (директором Московского архива Министерства юстиции) — А.С.Лаппо-Данилевский приступил в это время к разработке обширных планов издания исторических документов по новой истории России.⁴⁴⁴

Последний большой проект, которым руководил А.С.Лаппо-Данилевский, носил общеакадемический характер. По поручению общего собрания Академии А.С.Лаппо-Данилевский возглавлял комиссию по изданию серии сборников «Русская наука». ⁴⁴⁵ Ориентация сборника в значительной степени была гуманитарной, поскольку к участию в нем А.С.Лаппо-Данилевский привлек многих из тех, с кем уже вел работу по ранее начатым проектам. Среди них были Н.Н.Глубоковский, Н.И.Карев, Б.А.Тураев, барон А.Э.Нольде, М.И.Ростовцев, С.А.Жебелев, Э.Л.Радлов и другие. Однако в состав участников комиссии и сборника входили и крупнейшие представители негуманитарных наук. Для А.С.Лаппо-Данилевского это издание имело важное значение, связанное, с одной стороны, с демонстрацией единства научного знания, с другой же стороны, с представлением достижений русской науки, которая вступила в период зрелости. ⁴⁴⁶ Первое заседание комиссии состоялось 25 февраля 1917 г. На нем А.С.Лаппо-Данилевский сделал доклад о характере и общем плане проектируемого сборника, тогда же большинство его глав было распределено между членами комиссии. Несмотря на сложные условия революционного времени, с мая 1917 г. работа комиссии приняла систематический характер. Под руководством А.С.Лаппо-Данилевского были подготовлены общие правила проектируемого издания. Оно должно было состоять из серии очерков по разным научным дисциплинам, снабженных библиографическими справками в соответствующей области. Первоначально планировалась подготовка 25 очерков, впоследствии комиссия многократно принимала решения о пополнении состава сборника. К январю 1918 г. к А.С.Лаппо-Данилевскому поступили уже первые очерки, которые стали печататься с июня 1918 г. Всего к январю 1919 г. был представлен 21 очерк по различным дисциплинам. ⁴⁴⁷ Сам А.С.Лаппо-Данилевский приготовил обширный очерк, посвященный русской историографии. ⁴⁴⁸ Хотя сборник и не вышел в свет, работа над ним стала важной рефлексией состояния отечественной науки учеными разных областей знания.

Несмотря на большое число проектов (более шестидесяти), работу над которыми вел А.С.Лаппо-Данилевский, именно «Сборник грамот Коллегии экономии» и две серии памятников русского законодательства XVII–XVIII вв. стали основными в его археографической деятельности в рамках Академии. Особое значение А.С.Лаппо-Данилевский придавал изданию источников и научных трудов, связанных с историей права и идей и историей культурных контактов России с Европой, т.е. посвященных наиболее важным, с его точки зрения, сторонам исторического процесса.

Археографическая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского основывалась на базовых установках его методологии и историософской концепции. Прежде всего, это выразилось в выборе предмета основных археографических предприятий. Основопологающим для него был принцип исторической значимости источника, устанавливаемой путем культурно-исторического синтеза. Относительно новой истории России А.С.Лаппо-Данилевскому представлялось необходимым издание документов,

связанных с историей основного эволюционного ряда «ключевого периода», т.е. памятников государственного права XVII–XVIII вв. С точки зрения задач исторического синтеза А.С.Лаппо-Данилевский пришел к выводу о необходимости изучения, а следовательно, и издания корпуса русских средневековых актов (грамот Коллегии экономии). В ходе работы над ним А.С.Лаппо-Данилевский принял решение о полном издании этого собрания актов и отошел от выборочного принципа публикации по отношению к массовым источникам. Установки методологии источниковедения предусматривали ряд обязательных методологических процедур при интерпретации и критике источников. В задачу археографа, как ее определял А.С.Лаппо-Данилевский, входило создание адекватной информационной базы для исторического исследования. Он считал, что необходимы единообразные правила издания частных актов.

В центр археографической работы А.С.Лаппо-Данилевский ставил исследование издаваемого источника как факта. Такой подход неизбежно подводил археографа к необходимости специального его исследования в широком историческом контексте. Выше было показано, что издательско-редакторская деятельность А.С.Лаппо-Данилевского и его ближайших сотрудников (Н.Д.Чечулина, А.А.Кизветтера, участников дипломатического семинария) неизбежно перерастала в исследовательскую, и только такие издательские проекты заканчивались выходом издания в свет или приближались к завершению. Исключительная строгость методологических требований, которые А.С.Лаппо-Данилевский предъявлял к подготовке своих публикаций, служит объяснением того факта, что их абсолютное большинство не было завершено.

4. «Присяжный оценщик»

Важная сфера академических занятий А.С.Лаппо-Данилевского – характеристика по поручению Академии научных трудов и деятельности ученых. С.Ф.Ольденбург выделил несколько типов оценок, данных А.С.Лаппо-Данилевским трудам и научной деятельности своих коллег: характеристика деятельности ученых, которых Академия привлекала в свою среду; некрологи; анализ трудов, представляемых на академические премии. ⁴⁴⁹ По выражению В.Г.Васильевского, А.С.Лаппо-Данилевский был «присяжным оценщиком» Академии.

Характеристики научной деятельности ученых традиционно готовились академиками для представления ИФО своих кандидатов. Как правило, для привлечения того или иного ученого к выполнению единичных поручений ИФО или Академии от рекомендовавшего его академика не требовались специальные характеристики. Другое дело – оформление постоянных научных связей между Академией и ученым. К этому виду сотрудничества можно отнести занятие любых должностей в системе Академии, связанных с научной деятельностью, или избрание в члены-корреспонденты. По неписаному правилу перед официальным выдвижением кандидатуры неформально согласовывались со всеми членами ИФО. Поэтому случаев выдвижения нескольких кандидатур на одну ва-

кансию или отклонения выдвинутых кандидатур голосованием в период работы А.С.Лаппо-Данилевского в Академии не было. Под характеристикой научной деятельности кандидата должны были стоять подписи не менее двух (как правило, не менее трех) действительных членов отделения. Поэтому необходимо отличать их авторов от тех, кто их просто подписывал.⁴⁵⁰

Первый вид характеристик связан с рекомендацией в действительные члены Академии. К ним примыкали записки о деятельности действительных членов Академии при выдвижении их на очередную академическую должность (экстраординарного и ординарного академиком). Эти характеристики уже подробно разбирались нами выше. А.С.Лаппо-Данилевский придавал большое значение и подбору кандидатур на замещение вакансий членов-корреспондентов Академии. Большинство членов-корреспондентов по историко-политическому разряду, избранных во второй половине 1900–1910 гг., были рекомендованы А.С.Лаппо-Данилевским. Среди них были Д.А.Корсаков, И.В.Лучицкий, Н.И.Кареев и А.А.Кизеветтер.

Кандидатура профессора Казанского университета Д.А.Корсакова была выдвинута А.С.Лаппо-Данилевским на должность члена-корреспондента в ноябре 1905 г. Особую заслугу Д.А.Корсакова он видел в том, что этот ученый одним из первых обратился к монографическому изучению истории второй трети XVIII века. А.С.Лаппо-Данилевский высоко оценил работы кандидата, посвященные проблеме воцарения Анны Иоанновны, научно-критический разбор шляхетских проектов 1730 г. В числе трудов Д.А.Корсакова, заслуживающих внимания, А.С.Лаппо-Данилевский назвал также серию биографий деятелей XVIII века, подготовленную кандидатом.⁴⁵¹ Нетрудно заметить, что основные исследования казанского профессора (действительно одного из первых серьезных специалистов по XVIII в.)⁴⁵² непосредственно пересекались с проблематикой работ самого А.С.Лаппо-Данилевского и способствовали восполнению пробела в изучении ключевого периода русской истории, каким представлялся А.С.Лаппо-Данилевскому XVIII век.

Кандидатуру профессора Университета св. Владимира (Киев), известного исследователя новой истории Западной Европы И.В.Лучицкого, А.С.Лаппо-Данилевский выдвинул в 1909 г., отметив ряд достоинств научных трудов кандидата. В их числе были научно-критическая обработка большого архивного материала, внимание ученого к различным факторам исторического процесса — классовый борьбе и социально-экономической структуре общества в сочетании с анализом хода и значения религиозной борьбы в Европе в начале нового времени. А.С.Лаппо-Данилевский, вероятно, подразумевал, что между работами И.В.Лучицкого и его собственными исследованиями той же эпохи, но на российском материале усматривается параллель: социально-экономические отношения тесно переплетались с историей идей.⁴⁵³

Н.И.Кареев был выдвинут А.С.Лаппо-Данилевским в члены-корреспонденты Академии в конце 1910 г. В его записке отмечены заслуги Н.И.Кареева как историка Франции и особо — как автора работ по тео-

рии и философии истории и социологии.⁴⁵⁴ Однако известно, что А.С.Лаппо-Данилевский принципиально расходился с Н.И.Кареевым в подходе к методу исторического исследования. В терминологии науки того времени номотетический подход к историческому знанию Н.И.Кареева был противоположен идиографическому подходу А.С.Лаппо-Данилевского.⁴⁵⁵ На наш взгляд, здесь уместно провести параллель с избранием в члены-корреспонденты С.Ф.Платонова, которое состоялось за год до избрания Н.И.Кареева. Хотя автором записки, в которой перечислялись ученые достоинства С.Ф.Платонова, тогда был М.А.Дьяконов,⁴⁵⁶ под ней стоит подпись и А.С.Лаппо-Данилевского.⁴⁵⁷ Для него, учитывавшего, какую роль играли в то время эти крупнейшие историки в отечественной науке, избрание их членами-корреспондентами (но даже не сверхштатными или почетными академиками) было скорее соблюдением приличий, чем признанием в них научных единомышленников.

В 1913 г. по предложению А.С.Лаппо-Данилевского на должность члена-корреспондента был избран профессор Новороссийского университета И.А.Линниченко.⁴⁵⁸ А.С.Лаппо-Данилевский сотрудничал с И.А.Линниченко с середины 1900-х гг. и высоко ценил его работы, посвященные отношениям Руси и Польши и истории сословий Юго-Западной Руси, которые опять-таки перекликались с собственными исследованиями академика.

Еще одним русским ученым, выдвинутым А.С.Лаппо-Данилевским на должность члена-корреспондента Академии, был А.А.Кизеветтер. Несмотря на расхождения в ряде конкретных вопросов, А.С.Лаппо-Данилевский в целом высоко оценивал работы А.А.Кизеветтера по истории XVIII века. Его заслугу А.С.Лаппо-Данилевский видел в том, что этот ученый «в соответствии с более строгими [чем у его предшественников. — *Е.Р.*] научно-критическими требованиями... занялся выяснением действительной жизни русской городской общины XVIII века». В ходе совместной с А.С.Лаппо-Данилевским работы над изданием «Городового положения» А.А.Кизеветтер написал и напечатал монографию, посвященную исследованию этого памятника законодательства.⁴⁵⁹ Характеризуя политическую деятельность А.А.Кизеветтера как активного члена кадетской партии, А.С.Лаппо-Данилевский не без удовлетворения заметил, что она не мешает ученому в его работах «сохранять академическое спокойствие».⁴⁶⁰ Четко определенная грань между наукой и политикой всегда оставалась для академика безусловной.

Факторы, влиявшие на выдвижение А.С.Лаппо-Данилевским иностранных ученых в члены-корреспонденты Академии наук, были различными. Многие из тех, кого он рекомендовал в члены-корреспонденты, были ему знакомы по международным научным конгрессам и переписке. Неслучайным представляется, что выдвижение иностранных ученых на должности членов-корреспондентов А.С.Лаппо-Данилевский начинает только в 1910 г., после целого ряда зарубежных поездок, в которых он лично познакомился с ведущими представителями европейской исторической науки. Примечательно, что большинство характеристик, данных им кандидатам из числа зарубежных ученых, заостряли внимание ИФО

на тех сторонах их научной деятельности, которые так или иначе были связаны с научными воззрениями самого академика. Среди иностранных ученых, выдвинутых в члены-корреспонденты А.С.Лаппо-Данилевским, были Э.Мейер, О.Гирке, П.Виоллэ, Э.Лависс, Э.Бутру, А.В.Дайси, А.Пиренн.

Первым иностранным ученым, выдвинутым А.С.Лаппо-Данилевским в 1910 г. в члены-корреспонденты, был известный немецкий историк и теоретик исторического знания Э.Мейер. Они познакомились на историческом конгрессе в Берлине в 1908 г. и вместе работали в секции конгресса, посвященной методологии истории. Второй раз ученые встретились в 1913 г. в Лондоне уже после избрания Э.Мейера членом-корреспондентом. Последний оказал важную поддержку предложению А.С.Лаппо-Данилевского провести следующий конгресс в 1918 г. в Санкт-Петербурге.⁴⁶¹ В записке, представлявшей кандидатуру Э.Мейера, А.С.Лаппо-Данилевский указал на отличительные черты научного творчества кандидата: «всемирно-историческая точка зрения» на основной предмет занятий — историю древности, комплексное изучение различных сторон истории древних народов (политика, культура, экономика и пр.), широкое применение методов различных дисциплин (в том числе филологии и этнографии). А.С.Лаппо-Данилевский высоко оценивал «приемы строго научного исследования», которые демонстрировал немецкий ученый в своих работах.⁴⁶² В своей «Методологии истории» А.С.Лаппо-Данилевский указал на значение историко-теоретических работ Э.Мейера. Он представлен А.С.Лаппо-Данилевским как сторонник родственного ему идиографического направления. Одно из ключевых понятий своей методологии — «действенность факта»⁴⁶³ — А.С.Лаппо-Данилевский заимствовал из теории истории Э.Мейера.⁴⁶⁴

В 1912 г. А.С.Лаппо-Данилевский рекомендовал в члены-корреспонденты Академии другого берлинского профессора, О.Гирке. По-видимому, с О.Гирке, так же как и с Э.Мейером, А.С.Лаппо-Данилевский познакомился на берлинском конгрессе. Работы этого ученого оказались близки А.С.Лаппо-Данилевскому прежде всего с точки зрения их направленности на изучение истории религиозных и правовых идей в средневековой Германии.⁴⁶⁵

Еще один кандидат, французский ученый П.Виоллэ, выдвинутый в 1912 г., был знаком А.С.Лаппо-Данилевскому по работе в Международном союзе академий. А.С.Лаппо-Данилевский дал высокую оценку его трудам по истории гражданского права и государственных учреждений в Европе.⁴⁶⁶

По политическим причинам с началом Первой мировой войны в поисках кандидатов в члены-корреспонденты все отделения Академии обращались, главным образом, к ученому миру Великобритании и Франции. В 1914 г. А.С.Лаппо-Данилевский рекомендовал к избранию еще одного французского историка — Э.Лависса. В характеристике этого ученого А.С.Лаппо-Данилевский особо подчеркивал его заслуги в организации крупных предприятий французской исторической науки, в частности начало работы над знаменитой «Историей XIX века».⁴⁶⁷

В 1916 г. по предложению А.С.Лаппо-Данилевского Академия избрала своим членом-корреспондентом по ИФО французского философа и историка философии Э.Бутру. Основной предмет его исследований — история философии нового времени (прежде всего философия Б.Паскаля, Г.В.Лейбница и О.Конта) — находился в сфере исторических и социологических интересов А.С.Лаппо-Данилевского. Характеризуя работы Э.Бутру, он отметил в них «характерные особенности французской философской мысли — ее ясность и тесную связь с положительным знанием, результаты которого подвергаются рассмотрению в самой изящной и вместе с тем простой форме». Здесь можно отметить совпадение подходов А.С.Лаппо-Данилевского и французского ученого к философии как основе положительного (т.е. научного) знания.⁴⁶⁸

В том же году А.С.Лаппо-Данилевский рекомендовал известного английского юриста и историка права А.В.Дайси. В его работах академик обнаружил ценный анализ взаимодействия разных областей права, в частности столкновения гражданского и государственного права в английской юридической практике. Различные системы права исторически возводились А.В.Дайси к идеям либерализма и социализма.⁴⁶⁹ Разработка же механизма взаимодействия «идей» и правовых систем в истории была центральной в методологических штудиях А.С.Лаппо-Данилевского.

Еще одним иностранным ученым, рекомендованным А.С.Лаппо-Данилевским к избранию в члены-корреспонденты, был бельгийский историк средневековья Анри Пиренн. В его работах он ценил «удачное сочетание строго научного критического отношения к литературным и документальным текстам с умением использовать их для исторических построений».⁴⁷⁰

Другой тип оценок научной деятельности, посмертный, которые приходилось составлять А.С.Лаппо-Данилевскому, как и другим членам ИФО, содержался в некрологах. В течение почти двадцати лет работы в Академии он написал значительное их количество в связи с кончинами российских и иностранных ученых. Естественно, что в них говорилось о достоинствах ушедшего из жизни ученого. Положение академика по историко-политическому разряду вынуждало А.С.Лаппо-Данилевского писать некрологи, в том числе и на тех скончавшихся членов и членов-корреспондентов по этому разряду, от которых в научном плане он был далек. Но и жанр некролога академик использовал, чтобы подчеркнуть те стороны деятельности и те работы почивших, которые способствовали развитию науки в близком ему направлении.

Один из первых некрологов, составленных А.С.Лаппо-Данилевским, был посвящен памяти Н.Ф.Дубровина. В нем А.С.Лаппо-Данилевский подробно проанализировал методику работы этого историка. В частности, он отметил, что Н.Ф.Дубровин «не конструировал исторического процесса, а довольствовался изображением важнейших эпох и моментов нашей истории. При таких условиях в его изложении исторических событий анализ мотивов человеческих действий или их научная оценка часто заменялись живым рассказом о том, что было; но вместе с тем он получил возможность объективно относиться к историческим фактам и индиви-

дуализировать их».⁴⁷¹ Из приведенных слов видно, что А.С.Лаппо-Данилевский дал оценку творчеству покойного академика в контексте собственной методологии. Являясь последовательным критиком подмены исторического построения по правилам строгой науки художественным повествованием («живым рассказом») о событиях прошлого, А.С.Лаппо-Данилевскому в то же время импонировал «индивидуализирующий» подход к изучению исторических фактов.

Характеризуя работы Г.А.Леера, скончавшегося в 1904 г., А.С.Лаппо-Данилевский указал, прежде всего, на роль «исторического метода» в его трудах, посвященных военной тактике, на значение его военно-исторических исследований о Петре, о военной истории XVIII–XIX вв.⁴⁷²

С большим уважением А.С.Лаппо-Данилевский отзывался в некрологе 1905 г. о другом члене-корреспонденте Академии, немецком профессоре Якобе Каро, занимавшемся исследованием истории Речи Посполитой. О методе Я.Каро, которому он следовал, А.С.Лаппо-Данилевский замечал: «Каро казалось, что он призван объяснять факты и заниматься только теми из них, которые находятся в причинно-следственном отношении друг к другу и могут быть охвачены разумной мыслью историка; а оценку их он проводил лишь с точки зрения того времени и места, в которых они происходили». А.С.Лаппо-Данилевский отмечал, что покойный ученый пытался, таким образом, основываясь на критическом анализе исторических источников, изобразить культурно-исторический процесс во всех его проявлениях.⁴⁷³

В связи с кончиной А.Сореля в 1906 г. А.С.Лаппо-Данилевский выступил в ИФО со специальной речью, посвященной его памяти. В методологии работы А.Сореля А.С.Лаппо-Данилевскому импонировало сочетание «умеренного детерминизма» и «признания свободы воли человека». Путь Сореля в изложении А.С.Лаппо-Данилевского рисовался как развитие творчества историка, который «ушел от чрезмерных увлечений абстрактной теорией и от излишеств чисто конкретного описания исторического процесса». Он оценил плюсы и минусы подобной позиции А.Сореля, в сравнении с работами другого французского историка – И.Тэна. А.С.Лаппо-Данилевский писал о том, что «Сорель уступал... Тэну в глубине философской концепции: но он и не увлекался, подобно ему, изучением самых отдаленных причин явлений... он чаще и строже Тэна подчинял свое творчество требованиям исторической критики и лучше его изображал и конкретные условия, в которых данные факты возникали».⁴⁷⁴ Тем самым А.С.Лаппо-Данилевский указал на задачу установления связи между теоретическим и эмпирическим уровнями исторического исследования, решение которой было основной задачей и его «Методологии истории».

В некрологе скончавшегося в 1908 г. члена-корреспондента Академии В.Б.Антоновича А.С.Лаппо-Данилевский особо отметил его работы, посвященные взаимодействию русской и литовской культур. Он отметил положительную сторону творчества покойного ученого: «<...> в лице Антоновича антрополог соединялся с археологом и этнограф с историком».⁴⁷⁵ А.С.Лаппо-Данилевский придавал большое значение сочетанию методик этих наук в исследовательской работе.

В 1909 г. в некрологе в связи с кончиной почетного члена Академии И.Е.Забелина А.С.Лаппо-Данилевский указал на основное, с его точки зрения, достоинство научного творчества этого историка: объектом изучения была история русской культуры и русского быта. Отметив, что у И.Е.Забелина не было «строгой научной школы», А.С.Лаппо-Данилевский тем не менее обратил внимание на перспективность примененного И.Е.Забелиным метода выявления исторических типов («государя», «купца», «крестьянина»)⁴⁷⁶ Такой подход содержал прямые переклички с соответствующими позициями «Методологии истории».

Оценивая в некрологе (1910 г.) заслуги чешского ученого Г.Ирчека в области истории древнеславянского права, А.С.Лаппо-Данилевский особо отметил попытки проследить взаимодействие между различными его системами в Восточной Европе.⁴⁷⁷ В своих печатных выступлениях А.С.Лаппо-Данилевский подчеркивал важнейшую роль права как «эволюционного ряда». Заслугой чешского ученого А.С.Лаппо-Данилевский считал и «научно-критическое издание памятников древнеславянского права».

На творчество французского ученого Г.Моно, писал А.С.Лаппо-Данилевский в некрологе (1912 г.), положительное влияние оказало то, что он прошел не французскую, а строгую научно-критическую немецкую школу. В то же время, на его взгляд, поддержки заслуживал синтетический подход Г.Моно к историческому знанию как к «реконструкции серии времен жизни человечества во всей его совокупности».⁴⁷⁸

В 1918 г. был опубликован некролог А.С.Лаппо-Данилевского в связи с смертью бывшего директора Публичной библиотеки Д.Ф.Кобеко. В нем дана высокая оценка Д.Ф.Кобеко как «просвещенному сановнику», человеку, каким, по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, должен быть организатор науки. Автор некролога отметил и достижения Д.Ф.Кобеко как ученого, обратившегося к истории русского просвещения. Особое внимание А.С.Лаппо-Данилевский обратил на методологию работ покойного ученого по генеалогии: он «стремился дать систематическую и точную обработку источников и таким образом сделать «безопасными» ссылки на наши мало надежные родословные сборники».⁴⁷⁹ В условиях прихода во власть после Октябрьской революции людей абсолютно чуждых науке и культуре появление некролога на кончину Д.Ф.Кобеко можно рассматривать как демонстрацию общественной и культурной позиции А.С.Лаппо-Данилевского.

Наиболее важным видом оценок научной деятельности ученых, которые А.С.Лаппо-Данилевский выполнял по поручению Академии, была работа по рецензированию трудов, представленных к ее наградам. По большей части именно от его мнения зависело принятие того или иного решения. Много времени у А.С.Лаппо-Данилевского отнимал и труд по характеристике рукописей, представляемых авторами на отзыв в Академию.⁴⁸⁰ Такой тип работы, возможно, был одним из побуждающих мотивов методологических занятий А.С.Лаппо-Данилевского.

К 1917 г. существовало 17 различных периодически выдаваемых наград Академии за исследования в области истории и смежных дисциплин.

лин, присуждение которых было или целиком возложено на ИФО, или в котором ИФО было обязано участвовать.⁴⁸¹ Кроме того, в течение двух первых десятилетий XX века возникало значительное количество единовременных наград и премий, обязанность присуждения которых также ложилась на ИФО. А.С.Лаппо-Данилевский был единственным академиком ИФО, который фактически участвовал во всех комиссиях отделения, создаваемых для этого.⁴⁸² Пожалуй, можно провести параллель между А.С.Лаппо-Данилевским и академиком А.А.Шахматовым, который также участвовал почти во всех комиссиях, создаваемых при участии отделения русского языка и словесности (ОРЯС).

Работа комиссий Академии обычно строилась следующим образом. На первом этапе определялось число поступивших на конкурс сочинений. На втором — устанавливалось их соответствие условиям конкурса. На третьем — намечались рецензенты; после получения их согласия на предоставление отзыва им направлялись сочинения конкурсантов. Четвертый этап был связан с их обсуждением в комиссиях на основании полученных рецензий и подведением итогов конкурса. Оценка рецензента, таким образом, имела важнейшее значение. Работы, получившие отрицательную оценку, почти никогда не имели шансов быть удостоенными награды, а сочинения, отзыв на которые по какой-либо причине не был предоставлен, переносились на следующий конкурс. Как правило, на получение престижных премий конкурс был высок, но положительной оценки рецензентов удостоивалось большое количество сочинений, намного превышающее число присуждаемых на конкурсе премий. Следовательно, резко возрастало значение личных пристрастий и мнений членов комиссий. Председателем большинства комиссий по премиям Академии был непреременный секретарь или исполняющий его обязанности академик. Во второй половине 1910-х гг. положение постепенно изменялось, и это привело к тому, что такие комиссии мог возглавлять и один из старших академиков соответствующего отделения. Несколькими из них руководил и А.С.Лаппо-Данилевский.

Наиболее престижными наградами, вручаемыми ИФО или при его участии, были премии графа Уварова, митрополита Макария, А.М.Сибирякова и М.Н.Ахматова. Эти премии присуждались наиболее часто (ежегодно или раз в два года) и были наиболее крупными: размер первых премий колебался от 800 до 1500 рублей.⁴⁸³ Как правило, отзывы на сочинения, победившие на этих конкурсах, печатались в изданиях Академии.

На первом месте среди конкурсов, проводимых Академией, был конкурс на получение Уваровских премий. Они присуждались ежегодно, конкурсная комиссия формировалась под председательством непреременного секретаря из представителей ИФО и ОРЯС. Предметом конкурсных сочинений могли быть работы по истории России и русского языка. Особенностью Уваровских конкурсов было то, что отзывы зачастую превращались в отдельные монографии по теме рецензируемого труда. На протяжении тридцати лет А.С.Лаппо-Данилевский принимал участие в этом конкурсе — сначала как участник (1892 г.), затем как рецензент (1898, 1899, 1901, 1905, 1908, 1913 гг.) и член конкурсной комиссии (1900—1919 гг.).

Конкурсные комиссии по Уваровским премиям состояли не менее чем из пяти человек. Большую часть их членов, как правило, составляли представители ИФО. Обычно академики других специальностей, по-видимому, оказывали специалистам по русской истории безусловное доверие в вопросах их компетенции, в данном случае — в оценке трудов по русской истории. Первые четыре года участия А.С.Лаппо-Данилевского в работе комиссии решающее слово оставалось за непреременным секретарем Н.Ф.Дубровиным, который, впрочем, по всей вероятности, прислушивался к мнению А.С.Лаппо-Данилевского. После его смерти в 1904 г. мнение А.С.Лаппо-Данилевского в принятии окончательных решений относительно сочинений по русской истории стало определяющим.

Материалы отчетов Академии по присуждению Уваровских премий 1900—1916 гг. позволяют утверждать, что предпочтение отдавалось работам по русской истории XVII и особенно XVIII вв. На наш взгляд, это может свидетельствовать о сознательном поощрении сочинений, связанных с исследованием «ключевого», по мнению А.С.Лаппо-Данилевского, периода в российской истории. В пользу этого предположения также свидетельствует то, что в этот период Уваровскую премию получили многие участники академических предприятий А.С.Лаппо-Данилевского, упоминавшиеся выше, — А.А.Кизеветтер (1902 г.), В.Н.Бенешевич (1902 г.), Н.Д.Чечулин (1908 г.), С.М.Горяинов (1908 г.), П.В.Верховский (1910 г.), И.И.Лаппо (1912 г.), С.В.Рождественский (1913 г.) и другие. Показательно, что среди рецензентов трудов по русской истории число сотрудников А.С.Лаппо-Данилевского не менее значительно: М.А.Дьяконов (1902 г.), Е.Ф.Шмурло (1902, 1907 гг.), Д.А.Корсаков (1906 г.), К.Я.Здравомыслов (1908, 1914 гг.), П.Н.Жукович (1908, 1909 гг.), Д.В.Цветаев (1909 г.), А.А.Кизеветтер (1912 г.), М.М.Богословский (1911 г.), А.А.Кауфман (1911 г.), С.М.Середонин (1911 г.), А.К.Байлов (1913, 1914 гг.), П.Б.Струве (1914 г.), В.Н.Бенешевич (1914 г.), Б.Б.Голицын (1914 г.) и другие.⁴⁸⁴ Можно предположить, что конкурсы на присуждение Уваровских премий способствовали расширению сферы влияния А.С.Лаппо-Данилевского и его ближайших сотрудников в исторической науке.

Будучи действительным членом Академии, А.С.Лаппо-Данилевский и сам написал четыре положительных отзыва на сочинения, представленные к присуждению Уваровской премии. На примере этих рецензий наиболее четко проступают основные принципы, которыми он руководствовался.

Первый из представленных им отзывов (1901 г.) — на работу П.М.Майкова «Иван Иванович Бецкой: Опыт биографии» — получил название «И.И.Бецкой и его система воспитания» и вышел в качестве отдельной монографии, в то время как рецензируемый труд остался в рукописи. Основные замечания А.С.Лаппо-Данилевского последовательно отражают его представления об обязательных исследовательских процедурах, применяемых при работе историка. Первый вопрос, который поднял рецензент, был связан с выяснением цели сочинения П.М.Майкова. На взгляд А.С.Лаппо-Данилевского, она вряд ли установлена автором, по-

чему в исследовании «нет полного единства темы» и «строгости изложения». ⁴⁸⁵ А это, в свою очередь, затрудняет и уяснение автором оснований исторического синтеза, который он должен применить в исследовании, а именно: выяснить «много сложную зависимость планов Бецкого от просветительской философии его времени». ⁴⁸⁶ Отсутствие четкой цели работы, писал А.С.Лаппо-Данилевский, помешало автору правильно отобрать факты для исторического построения: «<...> в некоторых случаях чрезмерное обилие фактов даже вредит изложению... главные черты деятельности Бецкого нередко утопают во множестве подробностей». ⁴⁸⁷ Для решения задачи построения биографии Бецкого, по утверждению рецензента, необходимо было уяснить тот «дух среды», в котором развивалась его деятельность, и, с другой стороны, «выяснить его индивидуальность». Только при соблюдении этих принципов, считал он, значение деятельности Бецкого может быть представлено со всей ясностью. ⁴⁸⁸ Решение этой проблемы и стало основной содержательной частью отзыва А.С.Лаппо-Данилевского. Рецензент последовательно выявил элементы «национальной традиции» в идеях и проектах реформ Бецкого (идеи Ф.Прокоповича, А.Миславского, законодательство Петра Великого об организации воспитания русского юношества и т.д.) и указал на косвенное и прямое влияние конкретных элементов идей европейского Просвещения (Д.Локка, Ж.Ж.Руссо, Вольтера, К.А.Гельвеция и др.). Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевский наглядно продемонстрировал эклектизм работы Бецкого и тем самым показал, что автор рецензируемого труда преувеличил значение личности своего героя. ⁴⁸⁹ А.С.Лаппо-Данилевский попытался восполнить и другой недостаток рецензируемого исследования — соотнести деятельность Бецкого с общими началами политики Екатерины II в области просвещения и, таким образом, ввести приведенный автором материал в исторический контекст. ⁴⁹⁰ Несмотря на столь строгий разбор сочинения П.М.Майкова, А.С.Лаппо-Данилевский рекомендовал поощрить его премией, что и было сделано конкурсной комиссией.

В 1905 г. А.С.Лаппо-Данилевский подготовил отзыв о труде казанского историка Н.Н.Фирсова «Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II». ⁴⁹¹ Основной критический пафос рецензента вновь был связан с проблемой цели исследования. По поводу существенного методологического недостатка работы Н.Н.Фирсова А.С.Лаппо-Данилевский писал: «<...> автор слишком мало выяснил ту точку зрения, с которой он исследует их [явления, имевшие большое значение в истории русской торговли XVIII в. — *Е.Р.*], что отразилось на его методологических приемах и содержании его сочинения». ⁴⁹² Рецензент связал отсутствие общей точки зрения автора в том числе и со слабой источниковой основой разбираемого труда. Он высказался за необходимость систематического просмотра всего архивного материала по теме, что не было сделано Н.Н.Фирсовым. Отметив нерешенность проблемы исторического синтеза, А.С.Лаппо-Данилевский указал на невыясненность им природы «либеральных начал русской торговой политики XVIII века». По существу, рецензент провел свое собствен-

ное исследование генезиса русского торгового либерализма в XVIII в., показав влияние на него элементов различных течений европейской мысли, прежде всего доктрины естественных прав и учения физиократов. Другим недостатком труда Н.Н.Фирсова А.С.Лаппо-Данилевский считал то, что автор, исследовав правительственную политику в области внешней торговли, не показал ее результатов. Этот пробел рецензируемого исследования А.С.Лаппо-Данилевский также попытался восполнить. ⁴⁹³ Так же как и в случае с сочинением П.М.Майкова, работа Н.Н.Фирсова была признана А.С.Лаппо-Данилевским заслуживающей премии и была ею отмечена.

В 1908 г. А.С.Лаппо-Данилевский рецензировал представленный на конкурс труд Н.Д.Чечулина «Очерки истории русских финансов в царствование Екатерины II». ⁴⁹⁴ Автор отзыва отметил, что достоинство труда Н.Д.Чечулина «состоит преимущественно в цифровых показаниях и их подсчете, но он имеет менее значения для исторического их понимания... Г. Чечулин не столько исследует генезис нашей финансовой системы в XVIII веке и ее историческое значение, сколько дает обозрение важнейших элементов нашего бюджета». ⁴⁹⁵ Упрек в отсутствии синтеза и невыясненности «основных начал» финансовой политики в труде Н.Д.Чечулина не случаен. Н.Д.Чечулин — видный деятель Кружка русских историков и сторонник «платоновского» направления петербургской школы. Высоко ценя профессиональные качества этого ученого и приглашая его к участию в предприятиях Академии, А.С.Лаппо-Данилевский подчеркивал недостатки его эмпирического подхода в исследовательской практике. Указав на отсутствие исторического синтеза в работе Н.Д.Чечулина, А.С.Лаппо-Данилевский сосредоточил внимание на анализе источниковедческой части рецензируемой работы. Он последовательно указал на несовершенство исторической критики ряда используемых источников. ⁴⁹⁶ Тем не менее в целом оценка труда Н.Д.Чечулина рецензентом была высокой, и автор сочинения получил первую Уваровскую премию. В благодарственном письме А.С.Лаппо-Данилевскому Н.Д.Чечулин отметил: «<...> горжусь благоприятным отзывом человека столь глубоко знающего — и, позвольте сообщить Вам общее мнение, — рецензента, очень серьезного». ⁴⁹⁷

В 1913 г. по поручению конкурсной комиссии А.С.Лаппо-Данилевский оценивал работу Н.Я.Новомбергского «Ветеринарное дело в России в половине XVIII столетия» ⁴⁹⁸ и заключил, что «труд автора заслуживает некоторого поощрения». Как обычно, отзыв А.С.Лаппо-Данилевского перерос в специальное исследование проблемы, однако в этот раз ему пришлось обращаться к изучению совершенно нового для себя предмета, в частности архивным изысканиям. ⁴⁹⁹ В отзыве А.С.Лаппо-Данилевский указал на целый корпус неиспользованных источников, отметив, что нельзя ставить изложение темы в зависимость от найденных материалов. Основным недостатком труда он видел в том, что автор «довольствуется скорее обозрением того положения, в каком находилось тогда ветеринарное дело... и не пытается выяснить те факторы, которые повлияли на его возникновение и развитие». Со своей стороны, А.С.Лаппо-Данилевский постарался последовательно выделить эти факторы, связанные

с государственными потребностями и эволюцией хозяйства, и связать их с материалами, собранными Н.Я.Новомбергским.⁵⁰⁰

В целом участие А.С.Лаппо-Данилевского в процедуре присуждения премий митрополита Макария, А.М.Сибирякова и М.Н.Ахматова было похоже на его роль в Уваровских конкурсах. Другое дело, что эти премии были менее престижны и не велики по объему по сравнению с Уваровскими наградами. Поэтому часто во время присуждения таких премий складывалась ситуация, при которой реальный конкурс отсутствовал или был минимальным. В этих условиях роль конкурсных комиссий сводилась к выдаче наград в соответствии с отзывами рецензентов. Может быть, поэтому тенденции, отмеченные нами относительно присуждения Уваровских премий, в этих случаях менее заметны.

На наш взгляд, ход научно-рецензионной работы и работы по составлению записок о научной деятельности историков показывает, как А.С.Лаппо-Данилевский спланировал вокруг Академии близких ему по духу ученых и сотрудников по академическим предприятиям. Очевидно, что представляя Академию (одно из авторитетных научных учреждений страны) и вынося от ее имени вердикты исследованиям в области русской истории и ученой деятельности своих коллег, А.С.Лаппо-Данилевский располагал также возможностью для утверждения своих методологических принципов в широких кругах российской науки. С нашей точки зрения, большинство рецензий, характеристик научной деятельности, иных суждений, сделанных А.С.Лаппо-Данилевским как «присяжным оценщиком» Академии, не только отражали его методологические и историософские взгляды, но и в значительной мере способствовали их распространению.

5. «Борьба за культуру»

Кроме организации научной работы в области русской истории, А.С.Лаппо-Данилевский принимал участие в целом ряде ученых и культурных предприятий Академии, а также в ее общественно-политической деятельности.

С начала 1900-х гг. он принялся за сбор материалов по истории Академии наук, о чем свидетельствует его переписка со старейшиной историко-филологического отделения академиком К.С.Веселовским. Можно сказать, что последний передал А.С.Лаппо-Данилевскому обязанности историографа академической науки.⁵⁰¹ Однако большая часть материалов по истории Академии, собранных ученым за двадцать лет его академической деятельности, так и не стала доступной читателям.

Своеобразный итог работ А.С.Лаппо-Данилевского по изучению ранней истории Академии был подведен им в речи «Петр Великий — основатель императорской Академии наук в Петербурге», произнесенной на торжественном заседании общего собрания Академии в 1913 г. по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых.⁵⁰² В обширной речи (изданной также в виде отдельной монографии⁵⁰³) А.С.Лаппо-Данилевский подробно рассмотрел деятельность первых академиков, приглашенных в

Россию из Западной Европы, — Г.Б.Бюльфингера, К.Ф.Вольфа, Д.Бернулли, И.Лейтмана, Г.З.Байера, Л.Эйлера, Г.В.Крафта, Г.Ф.Миллера и других. Она была представлена А.С.Лаппо-Данилевским в контексте его концепции об определяющем влиянии западноевропейских идей на духовное развитие России в XVIII в. Автор пришел к выводу о том, что эти иностранные ученые «оставили более или менее глубокий след в истории наук и упрочили у нас те научные традиции, которые легли в основу современной нашей цивилизации».⁵⁰⁴

С самого начала своей академической деятельности А.С.Лаппо-Данилевский способствовал тесному сотрудничеству представителей различных отраслей гуманитарного знания в рамках Академии. Прежде всего, это касалось совместных научных предприятий представителей исторической и филологической наук. А.С.Лаппо-Данилевский был активным участником (а зачастую основным инициатором) совместных академических предприятий ИФО и ОРЯС.

Одним из них стал организованный Академией в 1903 г. съезд русских славистов. Он был созван с целью «подвергнуть некоторые вопросы славянской филологии обсуждению ученых специалистов».⁵⁰⁵ На съезде А.С.Лаппо-Данилевский возглавлял секцию «по вопросу о славянской энциклопедии». Задачей секции стало формулирование программы этого издания. В ходе дискуссии столкнулись две противоположные позиции, высказанные А.Н.Ясинским (автором основного проекта программы) и П.Н.Милюковым. А.Н.Ясинский предлагал положить в основу издания предметный принцип размещения материала — общий для всего славянского мира.⁵⁰⁶ П.Н.Милюков настаивал на изложении всего материала энциклопедии по отдельным славянским народам.⁵⁰⁷ А.С.Лаппо-Данилевский предложил компромиссное решение, которое и было принято секцией. По его замыслу, издание должно было строиться следующим образом: 1) введение и вспомогательные исторические дисциплины; 2) древняя история славянства; 3) история отдельных народов; 4) сравнительные историко-литературные очерки славянской культуры.⁵⁰⁸ Таким образом, используя терминологию А.С.Лаппо-Данилевского, в проектируемой энциклопедии история славянства должна была быть представлена как в виде «эволюционных рядов», так и «систематического целого».

На протяжении почти двадцати лет он вел активную работу, направленную на то, чтобы сделать Академию центром формирования архивной политики в России. Как вспоминал С.Ф.Ольденбург, ее начало относится к ноябрю 1903 г. Выступая на заседании Отделения, А.С.Лаппо-Данилевский указал, что от директора Археологического института в Академию не поступают отчеты о работе губернских архивных комиссий, как того требует «Положение» об их деятельности. ИФО поручило ему исправить ситуацию.⁵⁰⁹ С этого момента А.С.Лаппо-Данилевский по существу курировал работы архивных (археографических) губернских комиссий. Начало этой работы совпало, таким образом, с упадком деятельности комиссий в середине 1900-х гг., который сам А.С.Лаппо-Данилевский связывал не в последнюю очередь с «тяжелыми политическими условия-

ми» и с «общественным движением».⁵¹⁰ Своей задачей ученый видел возрождение и усиление значения этого культурного института. Из целого ряда его записок, посвященных этой проблематике, можно выделить основные предложения о совершенствовании их работы, с которыми он выступал. Начиная с середины 1900-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский многократно предлагал выработать единую инструкцию для работы комиссий, подготовить для каждой комиссии научно разработанную программу действий, организовать соответствующее материальное обеспечение работы комиссий (предоставление помещений и регулярное финансирование из государственного бюджета). Он считал необходимым также охватить сеть губернских комиссий всю территорию империи и существенно расширить сферу их деятельности. Среди направлений работ, которыми они могли бы заниматься, он указывал на составление археологических карт, ведение библиографических работ по истории местной жизни, музееведение, охрану памятников старины и разработку местного законодательства в этой сфере, издание архивных материалов, пополнение архивов не только из государственных, но и частных собраний, археологические и этнографические исследования, библиотечное дело, сооружение памятников. Таким образом, А.С.Лаппо-Данилевский считал, что комиссии должны стоять в центре губернской культурной жизни. Он был уверен в необходимости перестройки всего архивного дела в губерниях, которая включала бы в себя обязательное составление всеми ведомствами описей дел, сдаваемых в архив, по единому образцу; обязательный просмотр дел не по описи, а по содержанию перед принятием решения об их уничтожении; составление и хранение подробных описей дел, предназначенных к уничтожению.⁵¹¹

Своими публичными выступлениями относительно необходимости реорганизации работы губернских архивных комиссий и внесения соответствующих изменений в «Положение о деятельности архивных комиссий» А.С.Лаппо-Данилевскому удалось привлечь внимание к их деятельности. Работой архивных комиссий заинтересовалось имп. Русское историческое общество (РИО)⁵¹² и его глава великий князь Николай Михайлович. В 1911 г. была образована Особая комиссия РИО по сохранению местных архивов, а в феврале 1912 г. было высочайше утверждено положение о ее деятельности. Председателем комиссии был назначен помощник председателя РИО А.Н.Куломзин, секретарем — С.М.Середонин, членом комиссии был избран и С.Ф.Платонов. Основной задачей комиссии была забота о сохранении местных архивов. Она получила право привлечения к своей работе представителей центральных и местных государственных учреждений. До 1914 г. деятельность комиссии, заключавшаяся прежде всего в разборе отчетов губернских архивных комиссий, по сути, дублировала работу, проводимую А.С.Лаппо-Данилевским в Академии. Однако в марте 1914 г. А.С.Лаппо-Данилевский был избран в состав РИО и вскоре подключился к архивной деятельности Общества. В мае 1914 г. он участвовал в съезде представителей «губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений».⁵¹³ По словам А.С.Лаппо-Данилевского, целью съезда была выработка мер, «которые

дали бы им [архивным комиссиям. — *Е.Р.*] возможность правильно и систематично работать по охране письменных памятников нашей истории». Съезд принял ряд предложений, которые уже давно высказывал А.С.Лаппо-Данилевский. В их числе были положения о необходимости охвата сетью архивных комиссий всей территории империи и регулярного финансирования, общих правил работы с архивными документами. Реальным результатом съезда стало выделение Министерством финансов единовременной помощи комиссиям и открытие нескольких новых.⁵¹⁴ Что касается выработки общих правил работы, то она была поручена Особой комиссии РИО.

В начале 1915 г., после кончины С.М.Середонина, А.С.Лаппо-Данилевский был избран секретарем Особой комиссии РИО. Таким образом, в его руках сосредоточилось научное руководство деятельностью местных архивных комиссий. Но и по линии Академии, и как секретарь Особой комиссии РИО А.С.Лаппо-Данилевский не обладал распорядительными функциями, а учреждения, деятельность которых он координировал, так и не получили регулярного государственного финансирования. Поэтому административная деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в архивной области сводилась к консультациям как самих комиссий, так и властей. Он периодически выступал от имени комиссий в качестве ходатая перед центральными и местными властями по поводу предоставления им помещений для работы, финансирования, сохранения того или иного архивного собрания, предоставления им той или иной справки, доводил до сведения общественности и центральных властей случаи нарушения архивного законодательства на местах. В то же время Особая комиссия РИО последовательно проводила в жизнь решения съезда 1914 г., направленные на упорядочение деятельности комиссий. В числе ее мероприятий 1915—1917 гг. были составление сборника законоположений и циркуляров по архивному делу в России,⁵¹⁵ составление сводного проекта общей инструкции для работы комиссий, рассылка им «общих указаний, касательно просмотра дел и соблюдения архивных фондов». В 1916 г. комиссия добилась от Министерства финансов важного обязательства о выделении по предоставлению РИО единовременных пособий на финансирование той или иной архивной губернской комиссии. Однако, по-видимому, этим своим правом Общество воспользоваться не успело.⁵¹⁶

В 1917 г. положение губернских комиссий, как и других культурных учреждений, резко усложнилось. В мае 1917 г. А.С.Лаппо-Данилевский был избран председателем Союза российских архивных деятелей (РАД) и в его качестве предложил Академии созвать межведомственное совещание по вопросу о положении губернских архивных комиссий. Это совещание проходило в июле 1917 г. под председательством А.С.Лаппо-Данилевского и наметило основные меры к преодолению их тяжелого положения. Там же была образована под его же председательством комиссия для обсуждения положения губернских ученых архивных комиссий. Таким образом, в течение непродолжительного времени А.С.Лаппо-Данилевский оказался в положении координатора архивной политики. Его выступления и записки по архивному делу в 1917 и первой половине

1918 г. рисуют широкую программу реформ. А.С.Лаппо-Данилевский отстаивал переход к системной политике в архивной сфере, которая включала в себя общее руководство по устройству и управлению архивами, меры по охране документов и архивных материалов, общее руководство по описанию архивов, программу подготовки архивных работников, защиту профессиональных интересов архивных деятелей и другие направления. Т.И.Хорхордина показала исключительную роль РАД и его председателя в спасении отечественных архивов в условиях катастрофы 1917 г. РАД формально руководил архивным делом в России вплоть до апреля 1918 г. Однако все попытки получить официальные полномочия и законодательно обеспечить выполнение поставленных задач со стороны сначала Временного правительства, а затем и СНК не увенчались успехом. В марте 1918 г. РАД вступил в переговоры с уполномоченным СНК Д.Б.Рязановым, в ходе которых было достигнуто соглашение о формировании нового органа по руководству архивным делом — Центрального комитета по управлению архивами (ЦКУА). Председателем комитета стал Д.Б.Рязанов. А.С.Лаппо-Данилевский был избран в этот комитет от РАД и Академии наук, но вскоре отошел от активной работы в нем, когда стало понятно, что принцип «непартийности архивов», на котором он упорно настаивал, игнорируется новой властью.⁵¹⁷ Возможно, что другой причиной отхода А.С.Лаппо-Данилевского от работы в ЦКУА было нежелание сотрудничать с С.Ф.Платоновым.⁵¹⁸

В 1916–1917 г. А.С.Лаппо-Данилевский принимал активное участие в организации «Русского исторического журнала». Идея этого издания объединила лучшие силы отечественной исторической науки. Объявление об основании журнала подписали кроме А.С.Лаппо-Данилевского А.Л.Бем, В.Н.Бенешевич, С.Б.Веселовский, Э.Д.Гримм, М.А.Дьяконов, Л.П.Карсавин, Н.К.Никольский, М.А.Полиевктов, М.Д.Приселков, А.Е.Пресняков, С.В.Рождественский, В.И.Срезневский и А.А.Шахматов.⁵¹⁹ В апреле 1916 г. академик М.А.Дьяконов сообщил об основании журнала ИФО. По его предложению, отделение решило ходатайствовать о выделении субсидии на издание журнала Министерством народного просвещения. Форму ходатайства ИФО поручило выработать ПИК, т. е., по существу, доверило решение этой задачи А.С.Лаппо-Данилевскому.⁵²⁰ Возможно, именно его активное участие в делах журнала было основной причиной того, что С.Ф.Платонов оказался вне круга организаторов нового издания. Неизвестно, удалось ли А.С.Лаппо-Данилевскому добиться выделения субсидии министерства, но два отделения Академии (ИФО и ОРЯС) оказали журналу единовременную финансовую помощь, благодаря чему его первый номер вышел в свет в начале 1917 г.⁵²¹

В 1916–1919 г. А.С.Лаппо-Данилевский был заведующим нумизматического кабинета Академии. Им он стал в 1916 г. после смерти прежнего заведующего, академика К.Г.Залемана. Таким образом, в последние годы деятельности в сферу его профессиональных интересов попала еще одна специальная историческая дисциплина — нумизматика. А.С.Лаппо-Данилевский отчасти перестроил работу вверенного ему кабинета, в

частности, стал активно расширять его коллекции за счет «монет нового времени» (эпохи Екатерины II), а в 1918–1919 гг. приступил к систематизации его фондов.⁵²²

Общественная деятельность А.С.Лаппо-Данилевского связана с пониманием им научной работы как культурной и общественной деятельности в широком смысле слова. Академия воспринималась А.С.Лаппо-Данилевским как важный социальный институт государства, задачей которого было не только развитие национальной культуры, но и просвещение общественного сознания.

Академическое звание дало А.С.Лаппо-Данилевскому возможность реализовывать на практике свои культурные идеалы. В 1904 г. от лица Академии он возглавил работу по подготовке национального законодательства в области охраны памятников старины. За основу было принято итальянское законодательство. Ученый корреспондент в Риме Е.Ф.Шмурло по просьбе А.С.Лаппо-Данилевского сделал для него обширные переводы из итальянских законов по охране памятников.⁵²³ Они были в 1904–1905 гг. им тщательно изучены наряду с обширной литературой на итальянском и немецком языках.⁵²⁴ Но революционные события оборвали эту работу. Вернулся А.С.Лаппо-Данилевский к ней уже во время мировой войны. В 1914 г. в числе других академиков он участвовал в «частном совещании», где обсуждался вопрос об охране памятников в условиях военного времени. Оно разработало программу, которую вынесло на утверждение общего собрания Академии. Последнее согласилось с предложениями совещания, в результате чего была создана комиссия с широкими полномочиями по охране памятников, определены источники ее финансирования. В комиссию кроме А.С.Лаппо-Данилевского вошли академики И.П.Бородин, В.И.Вернадский, М.А.Дьяконов, Н.П.Кондаков, В.М.Истрин, Ф.И.Успенский, Н.В.Насонов и А.А.Шахматов. Во время войны она направляла своих представителей для организации охраны памятников силами армии в зоне боевых действий.⁵²⁵ А.С.Лаппо-Данилевский принимал участие и в многочисленных текущих общественных акциях Академии. Характерен, например, эпизод, связанный с защитой Новгорода академиками Н.П.Кондаковым и А.С.Лаппо-Данилевским от строительства железной дороги, срочно возводившейся в военных целях в 1916 году.⁵²⁶

Весной — летом 1917 г. А.С.Лаппо-Данилевский по поручению общего собрания состоял в целом ряде комиссий и совещаний, к участию в которых Временное правительство привлекало Академию: от совещания по подготовке университетской реформы (май) до комиссии по приемке имущества Петроградского дворцового управления (август).⁵²⁷ В течение 1917 г. А.С.Лаппо-Данилевский участвовал и в разработке закона о воспрещении вывоза за границу художественных произведений.⁵²⁸

В 1918 г. А.С.Лаппо-Данилевский стал одним из основных инициаторов создания Российского союза ученых учреждений и высших учебных заведений. По определению А.С.Лаппо-Данилевского, целью союза должно было стать объединение сил ученых для «защиты их чисто научных внепартийных интересов, для обеспечения их автономии и нормальной работы от всяких случайностей».⁵²⁹

Важное место в деятельности А.С.Лаппо-Данилевского заняли междисциплинарные научные проекты. В сферу его научно-административной деятельности входило значительное число проектов в разных областях гуманитарного знания – истории, археологии, этнографии, музееведения, философии. Из наиболее значительных следует отметить попытку организации Института социальных наук.

Этот проект относился к 1917–1918 гг. На наш взгляд, он был ответом на тот колоссальный вызов, который предъявляла гуманитарной науке культурная и общественно-политическая ситуация. Идея заключалась в организации на базе Академии отдельного исследовательского центра по ряду направлений – социально-экономическому, социологии, права, государства и финансов. А.С.Лаппо-Данилевский в своем обращении к общему собранию Академии отметил, что такой институт «должен быть, прежде всего, чисто научным учреждением и иметь целью исследование социальных проблем, в особенности тех, которые выдвинуты... современной жизнью во всей их полноте и исторической связи». Таким образом, предлагая создать новую структуру, А.С.Лаппо-Данилевский, с одной стороны, подчеркивал ее внепартийность, с другой же стороны, надеялся на то, что будущий институт послужит принесению общественной пользы, преобразованию жизни посредством научной и культурной работы. В своем выступлении он подчеркнул, что «без научного руководства, без свечка знания ни общество, ни государственная власть не будут в силах найти правильные пути к решению самых насущных и неотложных практических задач, которые стоят на очереди».⁵³⁰

К организации института А.С.Лаппо-Данилевский привлек многих своих прежних сотрудников по различным научным предприятиям – Ф.И.Успенского, М.А.Дьяконова, Э.Д.Гримма, М.Я.Пергамента, В.М.Гессена, барона А.Э.Нольде, В.В.Степанова.⁵³¹

Для А.С.Лаппо-Данилевского реализация идеи организации Института социальных наук была важна не только для решения задачи сохранения российской научной культуры в годы потрясений, но и потому, что давала возможность утверждать его методологические идеи. Однако, как заметил С.Ф.Ольденбург, предложение А.С.Лаппо-Данилевского не было поддержано «комиссариатом».⁵³² Власть не была заинтересована в создании не подконтрольного ей научного института, тем более претендовавшего на то, чтобы предлагать ей «решения... практических задач».

А.Е.Пресняков отмечал, что А.С.Лаппо-Данилевский тяготился политической деятельностью.⁵³³ С.Ф.Ольденбург, описывая некоторые ее стороны, также посчитал необходимым указать, что А.С.Лаппо-Данилевский не был политиком.⁵³⁴ Общественно-политическая деятельность виделась ему, так же как и научная, как реализация выработанных им культурных идеалов.⁵³⁵ В то же время вряд ли могут быть сомнения в либеральных политических взглядах А.С.Лаппо-Данилевского. В круг близких знакомых А.С.Лаппо-Данилевского входил и опальный В.И.Семевский, которому А.С.Лаппо-Данилевский, пользуясь своим академическим званием, многократно оказывал административную поддержку.⁵³⁶

Революционные события 1905 г. подтолкнули А.С.Лаппо-Данилевского, как и многих других ученых, к участию в политической жизни страны. Вместе с большинством либеральных историков, начавших в это время свою политическую деятельность, А.С.Лаппо-Данилевский примкнул к кадетской партии, но в число ее видных деятелей никогда не входил. Возможно, это связано не только с его явным нежеланием заниматься политико-организационной деятельностью, но и с его непростыми отношениями с лидером партии П.Н.Милюковым, подвергшимся серьезному испытанию в начале 1890-х гг. после выхода книги последнего «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства».⁵³⁷

Начало политической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского связано с его участием в январе 1905 г. в составлении записки по вопросу о высшей школе.⁵³⁸ В записке, подписанной 342 ведущими отечественными учеными, была подвергнута резкой критике правительственная политика в области просвещения за ее «полицейский характер».⁵³⁹ С.Ф.Ольденбург отметил работу А.С.Лаппо-Данилевского в феврале 1905 г. в комиссии по вопросу о малорусском языке.⁵⁴⁰ В докладе, подготовленном комиссией и одобренном общим собранием, отстаивалось право украинского народа «говорить публично и печатать на родном языке».⁵⁴¹ В числе основных общественно-политических мероприятий, в которых в годы первой русской революции принимал участие А.С.Лаппо-Данилевский, следует назвать и составление в марте 1905 г. от имени Академии записки о свободе слова. В докладе по этому вопросу, подготовленном А.С.Лаппо-Данилевским совместно с академиком А.А.Шахматовым для общего собрания, говорилось: «Наша печать нуждается не в облегчениях, она нуждается в точном определении своих прав и отношений к закону. Это может быть достигнуто только коренным пересмотром всего цензурного устава, а прежде всего признанием главного, неотъемлемого права печати, права на свободу».⁵⁴²

Пиком политической карьеры А.С.Лаппо-Данилевского было его избрание от Академии в Государственный совет в 1906 г., где он выступал как последовательный сторонник либеральных идей, которые были связаны с его представлениями о культурно-этических задачах, стоящих перед русским и европейским обществом. С этих позиций он настаивал на раскрепощении малорусского языка, требовал отмены смертной казни и полной амнистии участникам революционных событий 1905–1906 гг.⁵⁴³ Уже современники воспринимали деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в Государственном совете не столько как политическую, сколько как общественно-культурную. В 1906 г. Н.Д.Чечулин в письме к нему замечал: «Вы знаете, я думаю, что программе к[онституционно]-д[емократической] партии я не сочувствую и что иные приемы ее как партии не вполне одобряю. Но это несколько не мешает мне питать твердое убеждение, что участие в [политических. – Е.Р.] делах людей как Вы, Ключевский или Шахматов принесут большую пользу нашей... несчастной и истерзанной... родине».⁵⁴⁴

Добровольно покинув в 1906 г. Государственный совет, А.С.Лаппо-Данилевский на десять лет отошел от прямого участия в политике и вновь

оказался вовлеченным в нее только в 1917 г. с началом второй русской революции. В августе 1917 г. он был избран от Академии членом Государственного совещания в Москве и Особого совещания для изготовления положения о выборах в Учредительное собрание.⁵⁴⁵ А.С.Лаппо-Данилевский был одним из основных организаторов движения протеста против октябрьского переворота в Петрограде, которое развернулось в стенах Академии осенью 1917 г. 18 ноября 1917 г. было созвано экстраординарное заседание общего собрания. Поясняя причину его созыва, президент Академии А.П.Карпинский указал на то, что «происшедшие события угрожают стране гибелью, и необходимо, чтобы Российская Академия наук не молчала в такое время». Дискуссия, развернувшаяся затем, выявила разные точки зрения относительно того заявления, которое Академия намеревалась принять. Собранием была избрана комиссия с тем, чтобы подготовить к следующему заседанию согласованный проект. В эту комиссию вошли А.А.Шахматов, А.С.Лаппо-Данилевский, С.Ф.Ольденбург, М.А.Дьяконов, Н.С.Курнаков и М.И.Ростовцев.⁵⁴⁶ Подготовленный ими текст постановления был зачитан на следующем заседании А.С.Лаппо-Данилевским (по практике, принятой в Академии, текст таких совместных проектов обычно представлял основной автор) и одобрен общим собранием. Текст заявления начинался словами: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, Русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства». Выдержанное в таком духе заявление заканчивалось обещанием Академии «всеми своими силами содействовать той великой творческой работе, которую Свободная Россия возлагает на Учредительное собрание».⁵⁴⁷ Через несколько дней А.С.Лаппо-Данилевский стал инициатором и автором⁵⁴⁸ аналогичного по духу «Воззвания ученых Петрограда».⁵⁴⁹ Несмотря на столь категоричную позицию по отношению к новому режиму, уже в марте 1918 г. А.С.Лаппо-Данилевский стал сотрудничать с представителями СНК в РАД и Главном управлении архивным делом, подчинив политические пристрастия задачам культурной работы.

В 1918 г. А.С.Лаппо-Данилевский предпринимал усилия для освобождения из заключения в ЧК великого князя Николая Михайловича.⁵⁵⁰ С ним А.С.Лаппо-Данилевского связывали долгие личные и профессиональные отношения, почти 20 лет совместной работы в историко-филологическом отделении Академии и несколько лет научного сотрудничества в РИО. Именно А.С.Лаппо-Данилевский, не занимая административных должностей в Академии, выступил от ее имени в защиту великого князя. Он написал в СНК письмо⁵⁵¹ от имени Академии с просьбой освободить «одного из ее почетных членов», «давно известного своими плодотворными трудами на пользу русской науки».⁵⁵² Из письма видно, что А.С.Лаппо-Данилевский специально собирал сведения о тех испытаниях, которые выпали на долю великого князя после прихода к власти большевиков, в письме подробно излагается «тюремная эпопея» великого князя Николая Михайловича. В то же время тон письма политически нейтрален, все внимание привлечено к научным заслугам арестованного, письмо составлено не в виде протеста, а скорее как деловая записка с обо-

снованием необходимости освобождения великого князя и с приложением списка его научных трудов.

А.Е.Пресняков отмечал, что А.С.Лаппо-Данилевский был «носителем высоких культурных ценностей» и посвятил жизнь борьбе за их воплощение.⁵⁵³ Действительно, разные сферы его общественной деятельности объединяет борьба за культуру. При этом научная работа органически воспринималась академиком как часть этой борьбы. Как и другие либеральные историки, А.С.Лаппо-Данилевский полагал, что в конце XIX в. Россия вошла в эпоху торжества «идеи личности», с этой точки зрения политические выступления ученого были логическим выражением его культурной позиции и историософских взглядов. Поэтом Октябрь 1917 г. и последовавшие за ним события были восприняты ученым как катастрофа, разрушившая национальную культуру и науку. Академик М.И.Ростовцев писал об А.С.Лаппо-Данилевском: «Он умер гордый и замкнутый, в глубокой тоске по гибнущей родине».⁵⁵⁴ До последних дней А.С.Лаппо-Данилевский продолжал жить в мире высоких культурных ценностей. П.А.Сорокин, навестивший академика за день до смерти, вспоминал: «<...> лежа в больничной койке, этот умирающий человек читал “Феноменологию духа” Гегеля. “Никогда не было времени внимательно протудировать ее, — прошептал он. — Начну сейчас”. На следующий день он скончался».⁵⁵⁵

6. «Русский европеец»

Важной сферой академической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского была его активность на международном поприще с целью интеграции сил европейской исторической науки. Международное научное общение он воспринимал как важный элемент культурной интеграции, которая, с точки зрения его историософской концепции, должна была стать будущим Европы. Для А.С.Лаппо-Данилевского было исключительно важным общение с зарубежными коллегами как для того, чтобы оставаться в курсе последних научных достижений, так и для доведения своих собственных идей до мировой научной аудитории. А.С.Лаппо-Данилевский взял на себя организацию участия русских историков в международных исторических конгрессах, а также выдвинул идею и возглавил работу по организации такого конгресса в Санкт-Петербурге.

Хотя А.С.Лаппо-Данилевский и отсутствовал на Римском историческом конгрессе 1903 года, он был одним из тех, кто поднял в Академии вопрос о реализации важного предложения, прозвучавшего на конгрессе, — об организации непосредственного обмена книгами и рукописями между крупнейшими мировыми библиотеками и научными учреждениями.⁵⁵⁶

А.С.Лаппо-Данилевский возглавлял делегации российских историков на конгрессах в Берлине в 1908 г. и в Лондоне в 1913 г.⁵⁵⁷ Свой отчет о берлинском конгрессе А.С.Лаппо-Данилевский использовал для оценки современного состояния европейской исторической науки. С точки зрения А.С.Лаппо-Данилевского, конгресс показал «связь истории культу-

ры с детальными филологическими исследованиями», зависимость общей истории от истории юридических институтов, рост значения исторической географии, дипломатики и других вспомогательных исторических дисциплин. Он также солидаризировался с рядом историко-теоретических идей Р.Эйслера, К.Брейзинга и К.Лампрехта, которые были созвучны отдельным положениям его «Методологии истории».⁵⁵⁸ Тем самым А.С.Лаппо-Данилевский в международном научном общении находил аргументы в подтверждение развиваемого им и его школой научного направления.

На лондонском конгрессе⁵⁵⁹ в апреле 1913 г. ведущей мыслью, высказанной руководителем российской делегации, была идея универсальности и призыв к объединению научной мысли. Это была не просто парадная фраза,⁵⁶⁰ она отражала понимание А.С.Лаппо-Данилевским цели таких форумов. Он был избран почетным вице-президентом лондонского конгресса⁵⁶¹ и сделал доклад, в котором кратко сформулировал свою концепцию национальной истории⁵⁶² и тем самым привлек к ней внимание мировой научной элиты.

В 1913 г. было решено, хотя и не без колебаний, проводить следующий конгресс (IV) в 1918 г. в Санкт-Петербурге; заслуга А.С.Лаппо-Данилевского состояла в том, что он сумел их преодолеть.

А.С.Лаппо-Данилевский, по сути, формировал по поручению Академии состав российских делегаций на международные конгрессы. Хотя они и не были «академическими», последнее слово оставалось за Академией. Делегации включали в себя в основном специалистов по всеобщей истории, представлявших школу В.Г.Васильевского, поэтому школа С.Ф.Платонова на конгрессах представлена не была. Так, от русистов в конгрессе 1913 г. участвовали только Н.П.Лихачев, С.М.Середонин и сам А.С.Лаппо-Данилевский. Не исключено, что это вызвало недовольство не приглашенного С.Ф.Платонова. Показательно, что П.Г.Виноградов, отвечавший при проведении Лондонского конгресса за приглашение русских историков, полагался на мнение А.С.Лаппо-Данилевского, прося его перечислить «ученые организации», которые должны быть представлены от России на съезде.⁵⁶³ Естественным результатом этого обращения стало то, что делегацию составили в основном представители Академии (русская история) и Санкт-Петербургского университета (всеобщая история).

Особый интерес с точки зрения отношений в среде петербургских историков представляют материалы о подготовке IV Международного конгресса историков в Санкт-Петербурге.⁵⁶⁴ Распределение обязанностей по его организации на годы вперед проводилось осенью 1913 года на созываемых А.С.Лаппо-Данилевским «частных совещаниях» петербургских историков. На первое совещание (17 ноября 1913 г.) он пригласил В.В.Бартольда, графа А.А.Бобринского, А.А.Васильева, И.М.Гревса, Э.Д.Гримма, М.А.Дьяконова, С.А.Жебелева, Н.И.Кареева, М.М.Ковалевского, Н.Я.Марра, П.П.Митрофанова, С.Ф.Ольденбурга, М.И.Ростовцева, Б.А.Тураева, Б.В.Фармаковского.⁵⁶⁵ Задачами таких совещаний были прежде всего выработка решений предстоящего предварительного исторического съезда, который должен был определить программу и состав

органов международного конгресса.⁵⁶⁶ На самих совещаниях был определен еще более узкий круг организаторов — А.С.Лаппо-Данилевский, Н.И.Кареев, М.И.Ростовцев.⁵⁶⁷ Они подготовили для частного совещания проекты основных решений — о руководителях предварительного съезда (А.С.Лаппо-Данилевский, А.Е.Пресняков, Л.П.Карсавин), о составе исполнительного, финансового и приемного комитетов, причем отдельно было оговорено, кто из присутствующих с кем вступит в «соглашение» с целью привлечения к работе конгресса. На совещании 1 декабря 1913 г., в частности, был зафиксирован отказ «профессора Платонова [сославшегося на занятость. — *Е.Р.*], намеченного в члены Исполнительного комитета», участвовать в нем.⁵⁶⁸ А.С.Лаппо-Данилевским, возможно при участии Н.И.Кареева и М.И.Ростовцева, был составлен список организаций и лиц, в будущем намеченных для участия в организации международного конгресса.⁵⁶⁹ В первой половине декабря 1913 г. ход будущего предварительного съезда русских историков детально прорабатывается указанной группой. Работа принесла плоды: на съезде (18–20 декабря 1913 г.), представляющем историков со всех концов страны, был избран исполнительный комитет в составе, определенном на частных совещаниях 17 ноября и 1 декабря 1913 г. В число членов комитета были избраны А.К.Байлов, В.В.Бартольд, Н.Н.Глубоковский, И.М.Гревс, М.А.Дьяконов, Н.И.Кареев, М.М.Ковалевский, А.С.Лаппо-Данилевский (председатель), С.Ф.Ольденбург, А.Е.Пресняков (секретарь), С.В.Рождественский, М.И.Ростовцев.⁵⁷⁰

Составленная А.С.Лаппо-Данилевским программа намечавшегося международного конгресса отличалась от программы Лондонского и отражала, в частности, и его личные методологические и историософские взгляды на содержание исторической науки. Она состояла из шести основных пунктов: I. Теория и техника исторической науки. II. Антропология. Этнология. Доисторическая археология. III. Древний Восток и Греко-Римский мир. IV. История Западной Европы с ее колониями. V. История Восточной Европы (с подсекцией по русской истории). VI. История духовной культуры. VII. История права и хозяйства.⁵⁷¹ Вплоть до середины 1917 г. А.С.Лаппо-Данилевский продолжал деятельность по организации конгресса, не оставляя надежды на его проведение. Огромная работа, переписка с иностранными учеными, русскими научными и правительственными учреждениями свидетельствует о том, что это была одна из основных задач ученого в последние годы жизни.

С середины 1900-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский активно участвовал в деятельности Международного союза академий. Весной 1910 г. он вместе с К.Г.Залеманом представлял ИФО на общем собрании Международного союза академий в Риме.⁵⁷² В 1913 г. А.С.Лаппо-Данилевский был одним из организаторов подобного собрания в Санкт-Петербурге. Будучи его секретарем, он руководил и исторической секцией съезда.⁵⁷³ В рамках Союза академий А.С.Лаппо-Данилевский представлял Россию и в ряде международных научных издательских проектов. Наиболее крупными из них были издание полного собрания сочинений Г.В.Лейбница и издание списка судов, проходивших через Зунд в XV–XVII вв. Их подготовка (ос-

новными центрами которой были академии Германии и Дании) шла много лет, на протяжении которых А.С.Лаппо-Данилевский наводил справки в русских архивах по темам этих изданий и организовывал участие Российской Академии наук в их финансировании.⁵⁷⁴ В годы Первой мировой войны ученый не поддавался волне национализма — А.С.Лаппо-Данилевский в числе других академиков протестовал против исключения «неприятельских подданных» из ее состава в 1914 г.⁵⁷⁵

А.С.Лаппо-Данилевский был представителем Академии на юбилеях Женевского и Берлинского университетов. В приветственной речи от имени Академии, произнесенной на 350-летнем юбилее Женевского университета (июль 1909 г.),⁵⁷⁶ он, по-видимому, пытался развивать одно из своих ключевых теоретических положений о том, что «методология науки конструируется с теоретико-познавательной, а не с психогенетической точки зрения».⁵⁷⁷ В выступлении на столетнем юбилее Берлинского университета (сентябрь 1910 г.)⁵⁷⁸ А.С.Лаппо-Данилевский основное внимание обратил на влияние немецкой исторической науки на становление науки в России.⁵⁷⁹

В 1910-х гг. А.С.Лаппо-Данилевский как представитель Академии был участником еще нескольких международных мероприятий: например, он участвовал в организации Французского института,⁵⁸⁰ Общества Английского флага,⁵⁸¹ председательствовал в отделе культурных связей Русско-Английского общества,⁵⁸² начал подготовку издания по русской истории на английском языке.⁵⁸³ Он стал довольно известной фигурой в западном научном мире. В 1916 г. А.С.Лаппо-Данилевский возглавил группу русских историков, отправившихся читать цикл лекций в Кембриджском университете, где ему в числе других была присвоена докторская степень (*honoris causa*).⁵⁸⁴ В это время на Западе стали печататься его концептуальные статьи по русской истории, получает известность его «Методология истории».

Значение имели и многочисленные личные контакты А.С.Лаппо-Данилевского с западными коллегами. По словам Г.В.Вернадского, «А.С.Лаппо-Данилевский был живой связью с русской исторической наукой» для ученых Европы и Америки. «Когда кто-либо из иностранных ученых приезжал в Россию для занятий в архивах и библиотеках, — писал Г.В.Вернадский, — он прежде всего обращался в Академию наук к Лаппо-Данилевскому, и тот налаживал нужные ему знакомства с русскими коллегами и учеными учреждениями».⁵⁸⁵ О впечатлении, которое А.С.Лаппо-Данилевский произвел на одного из своих гостей — американского историка Ф.А.Голдера, можно судить по записи в его дневнике (1914 г.): «Профессор Лаппо-Данилевский один из редких ученых в мире. Он необычайно хорошо подготовлен лингвистически для своих исторических штудий; и он не только говорит на ряде современных языков, но и пишет на них. Он очень много читал мировой литературы, он знает музыку и приветствует искусство. Быть в его компании — это образование и восхищение».⁵⁸⁶

Таким образом, можно указать на несколько основных задач, решаемых А.С.Лаппо-Данилевским в ходе его международной деятельности.

Во-первых, организация участия представителей русской науки в ряде важных европейских научных мероприятий, что способствовало усилению ее влияния. Во-вторых, интеграция международной научной деятельности (организация совместных научных работ, упрощение обмена научной информацией и укрепление международного научного общения). В-третьих, утверждение своих научно-методологических взглядов на международном научном уровне. Поэтому можно предположить, что и деятельность на международном поприще была для А.С.Лаппо-Данилевского в какой-то мере частью того строительства системы исторического знания, которому он посвятил себя.

Итак, в основе парадигмы, отстаиваемой А.С.Лаппо-Данилевским, было стремление представить историческое знание как строгую науку со строгой системой методов и четкой структурой. Органичной частью методологии истории является система источниковедения А.С.Лаппо-Данилевского, которая, в свою очередь, выступает как теоретическая основа для разработки специальных дисциплин. «Методология источниковедения» стала основой для работ А.С.Лаппо-Данилевского и его школы в области дипломатики, сфрагистики и археографии. Методологические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского предопределили формулирование им концепции национальной истории России, во многом даже характер его научно-организационной и административной деятельности.

Организационной основой «теоретического направления» петербургской школы стала корпорация учеников А.С.Лаппо-Данилевского, а материальной базой историко-филологическое отделение Академии наук. В этой связи закономерным выглядит постоянное расширение А.С.Лаппо-Данилевским сферы своей академической деятельности. Если на первом этапе (до 1903 г.) она ограничивалась издательской, археографической и рецензионной работой, то затем ее границы стали расширяться. С 1903—1904 гг. стала активно развиваться архивная деятельность ученого. Революционный подъем 1905—1907 гг. способствовал началу общественно-политической активности А.С.Лаппо-Данилевского. Со второй половины 1900-х гг. для академика все большее значение имела международная научная работа.

Расширение общего горизонта академической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского шло параллельно с углублением работы ученого по ее отдельным направлениям. С каждым годом все большее число ведущих представителей российской исторической науки и других социальных наук принимали участие в его академических проектах.

Постепенно в орбиту своих академических занятий А.С.Лаппо-Данилевский включал научные предприятия, начатые в других учреждениях (семинар по дипломатике в Санкт-Петербургском университете, Комиссия по изданию трудов графа Сперанского — в Историческом обществе). Таким образом, значение Академии в научной судьбе ученого возрастало.

А.С.Лаппо-Данилевский последовательно решал задачи того научно-го направления, о принадлежности к которому заявил, вступая в Акаде-

мию в 1900 г. Его главной целью было конструирование истории как строгой науки. Созданию теоретической основы такой науки А.С.Лаппо-Данилевский посвятил свои работы по методологии исторического знания. Академия наук стала центром становления школы А.С.Лаппо-Данилевского, распространения и утверждения его подходов в науке и той материальной базой, которая была необходима для воплощения в жизнь его идей и планов. Утверждение и распространение методологических подходов А.С.Лаппо-Данилевского протекало в различных формах его академической деятельности: составление археографических правил, рецензирование работ, представленных в Академию, записки о научной деятельности русских и зарубежных ученых, даже составление некрологов. Важно подчеркнуть, что методологические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского находились в прямой связи с его историософской концепцией. А.С.Лаппо-Данилевский в полной мере использовал возможности Академии как для «пропаганды» своей методологии, так и для активизации изучения «ключевых», с его точки зрения, периодов национальной истории.

Работа над созданием материальной базы «строгой науки» включала в себя следующие основные направления: 1) организация архивоведения и архивного дела как необходимого фундамента исторической науки; 2) на основе конкурсно-премиальной системы Академии поддержка и поощрение работ, методологически близких А.С.Лаппо-Данилевскому, поощрение исследований по предметам, важным, с его точки зрения, для развития науки; 3) подготовка научно-критических изданий юридических памятников русской истории «ключевого периода»; 4) организация серии работ по актовым источникам и институционализация школы А.С.Лаппо-Данилевского при Академии; 5) институционализация социологии и поощрение междисциплинарных исследований; 6) международная научная интеграция на базе Академии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Состав публикаций «Методологии истории»: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1910. Ч.1. Издание включает в себя введение и два отдела первой части: 1) Построение теории исторического знания с номотетической точки зрения, 2) Построение теории исторического знания с идиографической точки зрения. *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1913. Вып. II. Издание включает в себя третий отдел первой части (Объект исторического познания) и первый отдел второй части (Методология источниковедения). *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории // ЖМНП. 1917. № 11-12. Издание включает в себя переработанный и расширенный вариант начала первого отдела первой части (Построение теории исторического знания с номотетической точки зрения). *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. I. Принципы и методы исторического знания. II. Главнейшие направления в теории исторического знания // ИАН. 1918. VI серия. Т. XII, № 5; *он же.* Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом // ИАН. 1919. VI серия. Т. XII, № 6, 7, 9, 11, 13; *он же.* Методология истории. Пг., 1923. Вып. I. Издание включает в себя переработанный и расширенный вариант начала первого отдела первой части (Введение; Построение теории исторического знания с номотетической точки зрения). *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908-1909 акад. году. Литография. [СПб., 1909]. Издание включает в себя второй отдел второй части (Методология исторического построения). В данный перечень не вошли литографированные публикации курсов лекций, кроме последнего раздела «Методологии истории», не увидевшего свет в типографском варианте.

² *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С. 338-342.

³ Там же. С. 348.
⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1923. Вып. I. С. 6.
⁵ Там же. С. 16.
⁶ Там же. С. 22-24.
⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1910. Ч. I. С. 290-294.
⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1923. Вып. I. С. 27.
⁹ Там же. С. 28.
¹⁰ См. главу 3.
¹¹ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1910. Ч. I. С. 69-111, 178-220; *он же.* Методология истории. 1923. Вып. I. С. 30-269.
¹² Там же. С. 31.
¹³ Там же. С. 94-95.
¹⁴ Там же. С. 105-106.
¹⁵ Там же. С. 113-119.
¹⁶ Там же. С. 119.
¹⁷ Там же. С. 130-132.
¹⁸ Там же. С. 155-157.
¹⁹ Там же. С. 158-162.
²⁰ Там же. С. 163-167.
²¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1910. Ч. I. С. 112-167.
²² Там же. С. 113-114.
²³ Там же. С. 114-118.
²⁴ Там же. С. 118-119.
²⁵ Там же. С. 119-127.
²⁶ Там же. С. 128-129.
²⁷ Там же. С. 128-135.
²⁸ Там же. С. 136.
²⁹ Там же. С. 139-158.
³⁰ Там же. С. 139.
³¹ Там же. С. 140-144.
³² Там же. С. 144-148.
³³ Там же. С. 173.
³⁴ Там же. С. 155.
³⁵ Там же. С. 176.
³⁶ Там же. С. 165-173.
³⁷ Там же. С. 178-291.
³⁸ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1923. Вып. I. С. 30-269; *он же.* Методология истории. 1910. Ч. I. С. 69-111, 178-220.
³⁹ Там же. С. 189-190.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ Там же. С. 201.
⁴² Там же. С. 203.
⁴³ См.: Там же. С. 209-222.
⁴⁴ Там же. С. 214-215.
⁴⁵ Там же. С. 218.
⁴⁶ Там же. С. 226.
⁴⁷ Там же. С. 231.
⁴⁸ Там же. С. 233-238.
⁴⁹ Там же. С. 239.
⁵⁰ Там же. С. 242.
⁵¹ Там же. С. 244-247.
⁵² См.: *Риккерт Г.* Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1903; *он же.* Философия истории. СПб., 1908.
⁵³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1910. Ч. I. С. 253.
⁵⁴ Там же. С. 276-277.
⁵⁵ Там же. С. 278.
⁵⁶ Там же. С. 279-281.
⁵⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С. 293-335.
⁵⁸ Там же. С. 315-318.
⁵⁹ Там же. С. 322.
⁶⁰ Там же. С. 329-331.
⁶¹ Там же. С. 338-342.
⁶² Там же. С. 347.
⁶³ Там же. С. 357-358.
⁶⁴ Там же. С. 375.

- ⁶⁵ Там же. С.409.
⁶⁶ Там же.
⁶⁷ Там же. С.411-414.
⁶⁸ Там же. С.424-429.
⁶⁹ См.: Там же. С.437-442,453-454.
⁷⁰ Там же. С.443-453.
⁷¹ Там же. С.464.
⁷² Там же. С.488.
⁷³ См.: Там же. С.493-502.
⁷⁴ Там же. С.503.
⁷⁵ Там же. С.521.
⁷⁶ Там же. С.524.
⁷⁷ Там же. С.531.
⁷⁸ Там же. С.555-558.
⁷⁹ Там же. С.563-572.
⁸⁰ Там же. С.588-595.
⁸¹ Там же. С.580-584.
⁸² Там же. С.600.
⁸³ Там же. С.610-617.
⁸⁴ См.: Там же. С.648-653.
⁸⁵ См.: Там же. С.676-748.
⁸⁶ См.: Там же. С.765-796.
⁸⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения.
⁸⁸ ПФА РАН. Ф.113. Оп.1. Д.268 («Методология истории». Отд.2. Методология исторического построения факта); Д.271 («Методология истории». Отд.2. Построение причинно-следственных связей); Д.286 («Методология истории». Отд.2. О методологии исторического построения); Д.272 («Методология истории». Построение исторических групп и группировка исторических фактов); Д.274 («Методология истории». Построения исторического ряда); Д.275 («Методология истории». Построение исторического целого); Д.287 («Методология истории». Построение состояния культуры. Статистический метод понятия об историческом целом).
⁸⁹ ПФА РАН. Ф.113. Оп.1. Д.268. Л.3,31.
⁹⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. С.8-9.
⁹¹ Там же. С.37-64.
⁹² *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С.319-330.
⁹³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. С.54-64.
⁹⁴ Там же. С.64-65.
⁹⁵ Там же. С.66-70.
⁹⁶ Там же. С.73-78.
⁹⁷ Там же. С.78.
⁹⁸ Там же. С.93.
⁹⁹ Там же. С.92-99.
¹⁰⁰ См.: Там же. С.101-137.
¹⁰¹ Там же. С.118-120.
¹⁰² Там же. С.120-126.
¹⁰³ Там же. С.126-137.
¹⁰⁴ См.: Там же. С.138-222.
¹⁰⁵ Там же. С.139-142.
¹⁰⁶ Там же. С.145-148.
¹⁰⁷ Там же. С.154.
¹⁰⁸ См.: Там же. С.159.
¹⁰⁹ Там же. С.159-161.
¹¹⁰ Там же. С.170.
¹¹¹ Там же. С.170-171.
¹¹² Там же. С.188.
¹¹³ Там же. С.194-196.
¹¹⁴ Там же. С.167-169,208-212.
¹¹⁵ Там же. С.167-169,212-215.
¹¹⁶ См.: Там же. С.194-196.
¹¹⁷ Там же. С.215-216,218.
¹¹⁸ Там же. С.217.
¹¹⁹ Там же. С.220-221.
¹²⁰ Там же. С.221-222.

- ¹²¹ Там же. С.224-227.
¹²² Там же. С.227-229.
¹²³ Там же. С.227-229.
¹²⁴ Там же. С.232-233.
¹²⁵ Там же. С.233-235.
¹²⁶ Там же. С.235-238.
¹²⁷ Там же. С.238-239.
¹²⁸ См.: Там же. С.239-249.
¹²⁹ Там же. С.239.
¹³⁰ Там же. С.240.
¹³¹ Там же. С.242.
¹³² Там же. С.243.
¹³³ Там же. С.242.
¹³⁴ Там же. С.246.
¹³⁵ Там же. С.249.
¹³⁶ Там же. С.249.
¹³⁷ См. главы 1 и 3.
¹³⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С.579.
¹³⁹ См.: *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 г. Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993. С.579-581.
¹⁴⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты и до эпохи преобразований // Полис. 1994. № 1. С.178.
¹⁴¹ См.: *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. [С]Пб., 1922. С.91-94.
¹⁴² *Лаппо-Данилевский А.С.* Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества // Памятная книжка Тенишевского училища СПб., 1902. Ч. I. С.87-101. Заслуживает внимания факт критического отношения к «Материалам...» С.Ф.Платонова, зафиксированный А.Е.Пресняковым (см.: Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.1. Д.96. Л.21 об.).
¹⁴³ *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского // РИЖ.1920. Кн.6. С.128-131.
¹⁴⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* Материалы для общеобразовательного курса... С.89.
¹⁴⁵ Там же. С.98.
¹⁴⁶ *Валк С.Н.* Рец. на: *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // КР. 1920. № 2. С.39.
¹⁴⁷ *Цвибак М.М.* Заключительное слово [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931г.] // ПМ. 1931. № 3. С.122.
¹⁴⁸ *Черепнин Л.В.* А.С.Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // ВИ. 1949. № 8. С.47.
¹⁴⁹ См. главу 1.
¹⁵⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. С.49.
¹⁵¹ Там же. С.42-46.
¹⁵² Там же. С.50-51.
¹⁵³ Там же. С.145-150.
¹⁵⁴ Там же. С.139-145.
¹⁵⁵ *Брачев В.С.* Петербургская археографическая комиссия (1834–1929). СПб., 1998. С.89,103.
¹⁵⁶ Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.
¹⁵⁷ Там же. С.3-7.
¹⁵⁸ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. С.126-130.
¹⁵⁹ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С.464.
¹⁶⁰ Правила издания грамот Коллегии экономии. С.7-20.
¹⁶¹ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С.475-477. Ср.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. С.147.
¹⁶² Правила издания грамот Коллегии экономии. С.20-30.
¹⁶³ Там же. С.24-25. Однако в издании грамот Коллегии экономии, вышедшем в свет после смерти А.С.Лаппо-Данилевского, обязательное согласно «Правилам...» членение грамот на клаузулы проведено не было (см.: Сборник грамот Коллегии экономии. [С]Пб., 1922. Т. I. Грамоты Двинского уезда; Л., 1929. Т. II. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврело-Мезенского и Важского уездов).
¹⁶⁴ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С.580.
¹⁶⁵ Правила издания грамот Коллегии экономии. С.30-34.
¹⁶⁶ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С.564-571.
¹⁶⁷ Правила издания грамот Коллегии экономии. С.34-38.
¹⁶⁸ См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. 1913. Вып. II. С.437-442.
¹⁶⁹ Правила издания грамот Коллегии экономии. С.38-42.
¹⁷⁰ См. главу 3.

- ¹⁷¹ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // РИЖ 1920. Кн.6. С.60-61.
- ¹⁷² Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М., 1990.
- ¹⁷³ Клибанов А.И. А.С.Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. С.272.
- ¹⁷⁴ В числе этих работ А.С.Лаппо-Данилевского А.И.Клибанов называл «Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI—XV вв.» (СПб., 1895), «Очерк внутренней политики Екатерины II» (СПб., 1898), «Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия» (СПб., 1899), «Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России» (СПб., 1905) (см.: Клибанов А.И. Указ. соч. С.271-272).
- ¹⁷⁵ См. Шилов А.А., Андреев А.И. Список трудов А.С.Лаппо-Данилевского // РИЖ. 1920. Кн.6. С.7-37.
- ¹⁷⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. СПб., 1905.
- ¹⁷⁷ Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Предисловие // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. С.11.
- ¹⁷⁸ Там же.
- ¹⁷⁹ См.: Ключевский В.О. Дневниковые записи // Ключевский В.О. Соч. В 9-ти т. М., 1990. Т.9. Материалы разных лет. С.347-348. Ср.: Нечкина М.В. В.О.Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С.533-534.
- ¹⁸⁰ Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Указ. соч. С.11.
- ¹⁸¹ См.: Шилов А.А., Андреев А.И. Лекции и практические занятия А.С.Лаппо-Данилевского в Петроградском университете в 1890—1918 гг. // РИЖ. 1920. Кн.6. С.42. О составе публикаций «Методологии истории» см. примечание 1 к данной главе.
- ¹⁸² Черная Л.А., Сорокина М.Ю. Указ. соч. С.11.
- ¹⁸³ См. раздел «Методология истории», связанный с историческим построением: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения.
- ¹⁸⁴ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. С.17-24.
- ¹⁸⁵ Там же. С.21
- ¹⁸⁶ Там же. С.18
- ¹⁸⁷ См. Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.91-94.
- ¹⁸⁸ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. С.19.
- ¹⁸⁹ Там же. С.20
- ¹⁹⁰ Там же. С.24.
- ¹⁹¹ См.: Там же. С.22-23.
- ¹⁹² Там же. С.22-23.
- ¹⁹³ Там же. С.23.
- ¹⁹⁴ Там же. С.24.
- ¹⁹⁵ Там же. С.21.
- ¹⁹⁶ См.: Ростовцев Е.А. [Предисловие] / Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II // Историческая наука и методология истории в России XX века. СПб., 2003. С.357.
- ¹⁹⁷ Полное оглавление книги А.С.Лаппо-Данилевского см.: Сидоров Н.И., Чаев Н.С. Краткая опись рукописей А.С.Лаппо-Данилевского, хранящихся в библиотеке Академии наук СССР // Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского. Л., 1929. С.44-46.
- ¹⁹⁸ Часть I. Отделы I, II (Сидоров Н.И., Чаев Н.С. Указ. соч. С.44).
- ¹⁹⁹ Часть I. Отдел III; Части II и III (Сидоров Н.И., Чаев Н.С. Указ. соч. С.44-46).
- ²⁰⁰ См.: Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. и рукопись в ПФА РАН. (Ф.113. Оп.1. Д.68-85).
- ²⁰¹ Лаппо-Данилевский А.С. Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников. СПб., 1906.
- ²⁰² См.: Ростовцев Е.А. Деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб., 2001. Вып.1. С.163.
- ²⁰³ Лаппо-Данилевский А.С. Служилые кабалы позднейшего типа // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909. С.719-764.
- ²⁰⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Служилые кабалы позднейшего типа. С.719-739.
- ²⁰⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. 1913. Вып. II. С.488.
- ²⁰⁶ Там же. С.524
- ²⁰⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Служилые кабалы позднейшего типа. С.739-764.
- ²⁰⁸ Там же. С.741.
- ²⁰⁹ Там же.

- ²¹⁰ Там же. С.742.
- ²¹¹ Там же. С.743.
- ²¹² Там же. С.744.
- ²¹³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. 1913. Вып. II. С.493-502.
- ²¹⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Служилые кабалы позднейшего типа. С.720.
- ²¹⁵ Там же. С.758.
- ²¹⁶ Там же. С.746.
- ²¹⁷ Там же. С.748-749.
- ²¹⁸ Там же. С.758.
- ²¹⁹ Там же. С.764.
- ²²⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. 1913. Вып. II. С.493-502.
- ²²¹ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов.
- ²²² См.: Там же. С.139-145.
- ²²³ См.: Там же. С.145-157.
- ²²⁴ См.: Там же. С.174-175.
- ²²⁵ Там же. С.175-177.
- ²²⁶ Пресняков А.Е. А.С.Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // РИЖ. 1920. Кн.6. С.86.
- ²²⁷ Дружинин В.Г. Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7. Л.128.
- ²²⁸ В ПФА РАН хранится рукопись И.М.Гревса «Материалы к биографии В.Г.Васильевского» (Ф.776. Оп.1. Д.22), где он в подробностях описывает обстоятельства избрания А.С.Лаппо-Данилевского и связанные с этим хлопоты В.Г.Васильевского (Л.256,257). Благодарю за указание на эту информацию Д.Н.Шилова.
- ²²⁹ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души). С.69.
- ²³⁰ Цит. по: Гревс И.М. Материалы к биографии В.Г.Васильевского // ПФА РАН. Ф.776. Оп.1. Д.22. Л.256.
- ²³¹ Там же. Л.257.
- ²³² Отчет о шестом присуждении Академией наук премии митрополита Макария, читанный на публичном заседании Академии наук, 19 сентября 1895 года, академиком Н.Ф.Дубровиним // Отчет о шестом присуждении премии митрополита Макария в 1895 году. СПб., 1897. С.29.
- ²³³ Отчет о присуждении премии имени почетного гражданина А.М.Сибирякова // Записки АН по ИФО. 1899. VIII серия. Т.IV, № 3. С.3-18. (отд. отд.: СПб., 1900); ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.51.
- ²³⁴ Отчет о сорок первом присуждении наград гр. Уварова // Записки АН по ИФО. 1901. VIII серия. Т.V, № 1.
- ²³⁵ См.: Отчет о присуждении премии имени почетного гражданина А.М.Сибирякова // Записки АН по ИФО. 1899. VIII серия. Т.IV, № 3. С.7-8.
- ²³⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на: Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893 // ЖМНП. 1895. № 12. С.343-397 отд. паг.; он же. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в. // ЖМНП. 1898. № 12. С.306-366 отд. паг.; 1899. № 2. С.371-436 отд. паг.; он же. Отзыв о сочинении Н.Н.Оглобина «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.)». М., 1898. Ч.II. Документы таможенного управления // Записки АН по ИФО. 1899. Т.IV, № 3. С.318. Все указанные работы вышли отдельными изданиями.
- ²³⁷ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.51. Л.2,5-7.
- ²³⁸ Отчет о сороковом присуждении наград гр. Уварова // ИАН. 1898. V серия. Т.IX. С.296; Отчет о сорок первом присуждении наград гр. Уварова // Там же. 1899. V серия. Т.XI. С.116; ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.51. Л.7.
- ²³⁹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1899 г. СПб., 1900. § 152.
- ²⁴⁰ Веселовский К.С., Латышев В.В., Янжул И.И., Дубровин Н.Ф. Записка об ученых трудах профессора Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского // Протоколы заседаний ИФО АН за 1899 г. Приложение III к протоколу заседания ИФО 15 сентября 1899 г. См. также: 1899 // Летопись Российской Академии наук. В 4-х т. СПб., 2003. Т.III. 1861—1900. С.602.
- ²⁴¹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1899 г. § 163.
- ²⁴² Протоколы заседаний общего собрания имп. Академии наук за 1899 г. СПб., 1900. § 169 (далее — Протоколы заседаний ОС АН).
- ²⁴³ Протоколы заседаний ОС АН за 1899 г. § 197. См. также: 1899 // Летопись Российской Академии наук. Т.III. 1861—1900. С.607.
- ²⁴⁴ Протоколы заседаний ОС АН за 1900 г. СПб., 1901. § 4. О высочайшем приказе А.С.Лаппо-Данилевский был официально проинформирован только 14 января 1900 г., накануне того первого заседания общего собрания Академии, в котором он принимал участие (ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.10. Л.5). См. также: 1900 // Летопись Российской Академии наук. Т.III. 1861—1900. С.609.
- ²⁴⁵ Протоколы заседаний ОС АН за 1900 г. § 4.
- ²⁴⁶ См.: Список действительных членов имп Академии наук, умерших с 1889 г. // Памятная книжка имп. Академии наук на 1903 г. СПб., 1903. С.64-70; Bulletin de l'academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg. 1886. T.XXX. P.2; 1887. T.XXXI. P.2; 1888. T.XXXII. P.2; Список членов имп. Академии наук, 1725-1907 /Сост. Б.Л.Молзалецкий. СПб., 1908.
- ²⁴⁷ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.10. Л.6-7. Текст датирован 12 января 1900 г. Возможно, что он был зачитан А.С.Лаппо-Данилевским на общем собрании Академии 15 января 1900 г.
- ²⁴⁸ Олденбурге С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. 1920. Кн.6. С.164.

- ²⁴⁹ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.25.
- ²⁵⁰ См. *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. СПб., 1999. Вып. I. С.128-165.
- ²⁵¹ Выдвижение кандидатуры А.С.Лаппо-Данилевского в ИФО — 9 января 1902 г.; баллотировка в отделение (единогласно) — 6 февраля 1902 г.; представление в общем собрании — 2 марта 1902 г.; баллотировка в общем собрании (28 — «за», 1 — «против») — 6 апреля 1902 г.; высочайшее утверждение — 18 мая 1902 г.; оглашение в общем собрании — 7 сентября 1902 г. (см.: Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. СПб., 1903. § 31,46; Протоколы заседаний ОС АН за 1902 г. СПб., 1903. § 84,108,135.
- ²⁵² Выдвижение кандидатуры А.С.Лаппо-Данилевского в ИФО — 24 ноября 1904 г.; баллотировка в отделение (единогласно) — 8 декабря 1904 г.; представление в общем собрании — 8 января 1905 г.; баллотировка в общем собрании (28 — «за», 1 — «против») — 5 февраля 1905 г.; высочайшее утверждение — 18 марта 1905 г.; оглашение в общем собрании — 2 апреля 1905 г. (см.: Протоколы заседаний ИФО за 1904 г. СПб., 1905. § 318,335,337; Протоколы заседаний ОС АН за 1905 г. СПб., 1906. § 28,108).
- ²⁵³ Протоколы заседаний ИФО АН за 1903 г. СПб., 1904. § 123.
- ²⁵⁴ ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.149; ОР РНБ. Ф.270. Д.147.
- ²⁵⁵ См.: Отчет о сорок первом присуждении наград гр. Уварова // Записки ИАН по ИФО. 1901. VIII серия. Т.V, № 1. Отд. издание: *Лаппо-Данилевский А.С.* Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI-XVII вв. Отзыв А.С.Лаппо-Данилевского о книге М.А.Дьяконова «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве». СПб., 1900.
- ²⁵⁶ См.: А.С.Лаппо-Данилевский — В.Э.Грбарю. 1902 г. // НИОР РГБ. Ф.376. К.5. Д.50. Л.1-1 об.
- ²⁵⁷ См. письмо М.А.Дьяконова А.С.Лаппо-Данилевскому, где он благодарит последнего за «академическую медаль», присужденную, как сам Дьяконов был уверен, по предложению Лаппо-Данилевского (М.А.Дьяконов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 12 октября 1901 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.149. Л.13).
- ²⁵⁸ *Радлов В.В., Залеман К.Г., Ключевский В.О., Лаппо-Данилевский А.С., Ольденбург С.Ф.* Записка об ученых трудах профессора имп. Юрьевского университета Михаила Александровича Дьяконова // Протоколы заседаний ИФО АН за 1905 г. СПб., 1906. Приложение 1 к протоколу заседания 30 марта 1905 г. Ср.: *Никитин П.В., Янжул И.И., Латышев В.В. Радлов В.В., Залеман К.Г., Лаппо-Данилевский А.С., Ольденбург С.Ф.* Записка об ученых трудах адъюнкта М.А.Дьяконова // Протоколы заседаний ИФО АН за 1908 г. СПб., 1909. Приложение к протоколу заседания 19 ноября 1908 г.
- ²⁵⁹ М.А.Дьяконов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 29 апреля 1905 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.149. Л.29.
- ²⁶⁰ Отчет о деятельности имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1905 г. СПб., 1905. С.12.
- ²⁶¹ *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.177.
- ²⁶² В.И.Вернадский — А.С.Лаппо-Данилевскому. 6 февраля 1907 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.86. Л.5.
- ²⁶³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об усилении личного состава Историко-филологического отделения // Протоколы заседаний ИФО АН за 1908 г. Приложение к протоколу заседания 15 октября 1908 г.; *Янжул И.И.* Добавление к Записке А.С.Лаппо-Данилевского об усилении личного состава Историко-филологического отделения // Протоколы заседаний ИФО за 1908 г. Приложение к протоколу заседания 5 ноября 1908 г.
- ²⁶⁴ *Никитин П.В., Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А.* Доклад комиссии, организованной при историко-филологическом отделении для рассмотрения вопроса об учреждении в составе Академии наук отделения юридических и экономических наук // Протоколы заседаний ИФО АН за 1912 г. СПб., 1913; *Янжул И.И.* Особое мнение // Там же. См. также: Протоколы заседаний ИФО АН за 1912 г. § 449; То же за 1913 г. СПб., 1914. § 142.
- ²⁶⁵ [Документы по организации Социологического общества] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.87. Л.16.
- ²⁶⁶ П.Г.Виноградов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 13 октября 1911 г.; 29 октября 1911 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.91. Л.4-5 об.,6.
- ²⁶⁷ П.Г.Виноградов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 27 апреля 1913 г. // Там же. Л.17 об.
- ²⁶⁸ П.Г.Виноградов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 8 июня 1913 г. // Там же. Л.18-20 об.
- ²⁶⁹ П.Г.Виноградов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 16 августа 1913 г. // Там же. Л.23.
- ²⁷⁰ П.Г.Виноградов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 23 октября 1915 г. // Там же. Л.29-30 об.
- ²⁷¹ См.: *Антощенко А.В.* Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) // Историки России. Биографии. М., 2001. С.357-358.
- ²⁷² *Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А.* Записка об ученых трудах П.Г.Виноградова // Протоколы заседаний ИФО за 1913 г. Приложение к протоколу заседания 23 октября 1913 г.;

- Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Ковалевский М.М.* Доклад об ученых трудах сверхштатного академика П.Г.Виноградова // Протоколы заседаний ИФО за 1915 г. Пг., 1916. Приложение III к протоколу заседания 28 октября 1915 г.
- ²⁷³ П.Г.Виноградов — А.С.Лаппо-Данилевскому. 29 октября 1910 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.91. Л.2 об.
- ²⁷⁴ См.: *Басаргина Е.Ю.* Ф.И.Успенский: обзор личного фонда // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С.55-56.
- ²⁷⁵ *Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Никитин П.В., Латышев В.В.* Доклад об ученых трудах сверхштатного академика Ф.И.Успенского // Протоколы заседаний ИФО за 1915 г. Приложение III к протоколу заседания 28 октября 1915 г.
- ²⁷⁶ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.87. Л.10.
- ²⁷⁷ *Дьяконов М.А., Лаппо-Данилевский А.С., Успенский Ф.И.* Записка об ученых трудах П.Б.Струве // Протоколы заседаний ИФО за 1917 г. Пг., 1918. Приложение II к заседанию ИФО 8 марта 1917 г.
- ²⁷⁸ См.: *Копанев А.И.* Археографическая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в освещении С.Н.Валка // ВИД. Л., 1978. Т.IX. С.84.
- ²⁷⁹ ЛЗАК за 1888—1894 гг. СПб., 1903. Вып.XI.
- ²⁸⁰ Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т.XVII (сборный).
- ²⁸¹ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа: Автореферат. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С.14-15.
- ²⁸² К.С.Веселовский — А.С.Лаппо-Данилевскому. 6 ноября 1900 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.90. Л.1.
- ²⁸³ Там же.
- ²⁸⁴ А.Е.Пресняков — матери. 20 сентября 1900 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.4. Л.157.
- ²⁸⁵ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 39. А.С.Лаппо-Данилевскому было официально предложено дать заключение об этой группе документов в специальном письме неперменного секретаря Н.Ф.Дубровина (А.С.Лаппо-Данилевский — Н.Ф.Дубровину. 13 января 1900 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.54. Л.1). Н.Ф.Дубровин действовал по поручению президента Академии вел. кн. Константина Константиновича и ее вице-президента Л.Н.Майкова, которые приняли решение о передаче этой работы А.С.Лаппо-Данилевскому (см. их переписку по этому вопросу: Константин Константинович — Л.Н.Майкову. 2 января 1900 г. // *К.Р.* Избранная переписка / Публ. Н.Н.Лавровой. СПб., 1999. С.518; Л.Н.Майков — Константину Константиновичу. 2 января 1900 г. // Там же. С.519).
- ²⁸⁶ Протоколы заседаний ИФО за 1900 г. § 39.
- ²⁸⁷ В течение четырех лет А.С.Лаппо-Данилевский занимался подготовкой сборника к изданию. К работе над ним А.С.Лаппо-Данилевским был привлечен и Е.Ф.Шмурло. В марте 1902 г. началось печатание сборника, которое было приостановлено из-за необходимости сличения текста копии с оригиналом. Летом 1902 г. А.С.Лаппо-Данилевский специально отправился в Неаполь, где изучил оригинал в архиве Palazzo Reale. Об объеме работы, проведенной А.С.Лаппо-Данилевским, можно судить по его отчету ИФО, представленному на заседании 4 сентября 1902 г.: «1) рукопись точно описана, при чем частью по способу, каким документы внесены в сборник, частью по почеркам мне удалось выяснить происхождение и родство известных групп их; 2) сняты копии... различных заметок на полях и дипломатических указаний, отсутствовавших в академической копии; 3) сличен текст некоторых статей в оригинале и академической копии целиком, при чем последняя оказалась весьма исправною, кроме чтений имен собственных и цифровых показаний; поэтому 4) пришлось сверить в оригинале и копии все имена собственные, все хронологические даты и цифровые показания» Для окончательного решения вопроса о способе издания рукописи А.С.Лаппо-Данилевский обратился к эксперту в этой области, проживавшему в Париже, отцу Павлу Пирлингу, который неожиданно сообщил, что большая часть документов, содержащихся в сборнике, не только известна, но или уже напечатана или предполагается к печати. В результате на заседании ИФО 3 марта 1904 г. А.С.Лаппо-Данилевский предложил отделению фактически отказаться от издания сборника, что и было принято (*Лаппо-Данилевский А.С.* Краткий отчет о занятиях в Государственном Кенигсбергском, Королевском Неаполитанском и Ватиканском архивах весной 1902 г. // ИАН. 1902. V серия. Т.XVII, № 4. С.01-01V; Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 39,56,117; То же за 1902 г. § 9,39,85,95,159; То же за 1904 г. § 11,95; ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.54).
- ²⁸⁸ А.С.Лаппо-Данилевский — Н.Ф.Дубровину. 2 февраля 1902 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.8. Л.2.
- ²⁸⁹ Там же. Л.3.
- ²⁹⁰ Там же.
- ²⁹¹ Некролог А.А.Куника был одной из последних работ самого В.Г.Васильевского (см.: *Васильевский В.Г.* А.А.Куник // ИАН. 1899. V серия. Т.X, № 3. С.XV-XXVI).
- ²⁹² А.С.Лаппо-Данилевский — А.А.Кунику. 1897 г. // ПФА РАН. Ф.95. Оп.2. Д.500. Л.2.
- ²⁹³ [Документы по изданию трудов А.А.Куника] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.52.

²⁹⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 41; *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка о трудах А.А.Куника и о состоявшихся под его наблюдением изданиях начатых печатанием в академической типографии // Там же. Приложение I к протоколу заседания ИФО 16 февраля 1900 г.

²⁹⁵ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 58.

²⁹⁶ Там же. § 57, 138.

²⁹⁷ *Иверсен Ю.Б.* Заметка о Молодинском кладе 1878 года с приложением А.А.Куника [с пред- уведомлением А.С.Лаппо-Данилевского]. СПб., 1900.

²⁹⁸ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 116. Первоначально издание статьи Ю.Б.Ивер- сена планировалось в составе «Сборника статей о времени чеканки древних киевских монет» (Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 41), однако после того как А.С.Лаппо-Данилевским было установлено, что другие статьи подготовленные для сборника устарели ИФО решило напечатать статью Ю.Б.Иверсена отдельным оттиском (Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 116).

²⁹⁹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 41, 58, 79, 118; То же за 1901 г. § 11; Э.А.Вольтер — А.С.Лаппо-Данилевскому. 1901 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.97. Л.1-6.

³⁰⁰ Там же. Оп.2. Д.55.

³⁰¹ 1884 // Летопись Российской Академии наук. Т.III. 1861—1900. С.353.

³⁰² Протоколы заседаний ИФО за 1884 г. СПб., 1885. § 21, 36, 52, 95, 100, 107; То же за 1885 г. СПб., 1886. § 12.

³⁰³ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 138; ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.55. Л.35-46.

³⁰⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1901 г. § 53, 55, 67, 94, 160, 188; ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.55. Л.47-50.

³⁰⁵ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 61.

³⁰⁶ Протоколы заседаний ИФО АН за 1901 г. § 67.

³⁰⁷ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 95.

³⁰⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Краткий отчет о занятиях в Государственном Кенигсбергском, Королевском Неаполитанском и Ватиканском архивах весной 1902 г. С.01-01V; Протоколы засе- даний ИФО АН за 1902 г. § 159.

³⁰⁹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 256.

³¹⁰ Там же. § 207; То же за 1905 г. § 167; То же за 1906 г. СПб., 1907. § 141.

³¹¹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1903 г. § 211.

³¹² Протоколы заседаний ИФО АН за 1906 г. § 10, 96.

³¹³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советни- ков. СПб., 1906.

³¹⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1906 г. § 180; То же 1907 г. СПб., 1908. § 23, 140; Болеслав- Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907.

³¹⁵ *Грушевский М.С.* Рец. на: Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907 // ЖМНП. 1908. № 9. С.197 отд. паг.

³¹⁶ Там же. С.199 отд. паг.

³¹⁷ Там же. С.199-202 отд. паг.

³¹⁸ *Приймак Н.И.* Материалы по истории Санкт-Петербурга в археографической деятельно- сти А.С.Лаппо-Данилевского // Петербургские чтения 97. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1997. С.410-413.

³¹⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об издании сочинений А.-И.Гиппинга «Нева и Ниеншанц» с присоединением «Описи географических карт, приложенных к сочинению А.-И.Гиппинга» // ИАН. 1908. VI серия. Т.XI, № 6. С.464; Нева и Ниеншанц / Сост. А.-И.Гиппинг; С вступ. ст. А.С.Лаппо-Данилевского. СПб., 1909. Ч.1. Последнее издание см.: *Гиппинг А.-И.* Введение в исто- рию Санкт-Петербурга или Нева и Ниеншанц. М., 2003.

³²⁰ Карты и планы Ниеншанца / Собр. А.-И.Гиппингом и А.А.Куником. [СПб., 1913.] (послед- нее издание (СПб., 2003)); *Лаппо-Данилевский А.С.* Карты и планы Ниеншанца, собранные А.-И.Гиппингом и А.А.Куником. СПб., 1913; Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца / Прил. к труду А.-И.Гиппинга «Нева и Ниеншанц» с предварительной заметкой А.С.Лаппо-Данилевского. Пг., 1916. Об издании труда А.-И.Гиппинга «Нева и Ниеншанц» и приложениях к нему см.: *Шаблаева Н.К.* Планы и карты Ниеншанца (Канцев): историко-библио- графическое обозрение // Петербургские чтения 98-99. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1999. С.428; *Чумакова Т.В.* Арист Аристович Куник // *Гиппинг А.-И.* Введение в историю Санкт-Петербурга или Нева и Ниеншанц. С.403-406; *Лебе- дев Г.С.* Заключение // Там же. С.465-467.

³²¹ *Приймак Н.И.* Материалы по истории Санкт-Петербурга... С. 411.

³²² Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Пг., 1915. Ч.1. С.408.

³²³ *Дружинин В.Г.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7. Л.125.

³²⁴ *Куник А.А.* Открытое письмо к сухопутным морякам // Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Ч.II.

³²⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка о трудах А.А.Куника и о состоявшихся под его наблюдением изданиях, начатых печатанием в академической типографии // Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. См. также: Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 58, 139; То же за 1902 г. § 84, 189; То же за 1909 г. СПб., 1910. § 53, 360; То же за 1912 г. § 241; То же за 1914 г. Пг., 1915. § 180, 307; То же за 1915 г. § 128; То же за 1917 г. § 106; То же за 1918 г. Пг., 1919. § 84.

³²⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка о трудах А.А.Куника и о состоявшихся под его наблюдением изданиях, начатых печатанием в академической типографии.

³²⁷ Отзыв профессора С.-Петербургского императорского университета Федора Александровича Брауна о статье покойного академика А.А.Куника «Düna und Nawa» // Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. Приложение I к протоколу заседания ИФО 11 октября 1900 г.

³²⁸ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 224.

³²⁹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1917 г. § 153.

³³⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Арист Аристович Куник. Очерк его жизни и трудов // ИАН. 1914. VI серия. Т.VIII, № 18. С.1455-1479.

³³¹ *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.169.

³³² *Лаппо-Данилевский А.С.* Отзыв о труде И.Н.Миклашевского «Доимочная книга 7202-7203 и т.д.» // ИАН. 1900. V серия. Т.XIII, № 5. С.CLXXVIII-LXXIX; Протоколы заседаний ИФО за 1900 г. § 247; То же за 1901 г. § 68, 141.

³³³ [*Успенский А.И.* Предисловие с примечаниями А.С.Лаппо-Данилевского] / Материалы и исследования по истории мостовых и решеточных денег в Московском государстве XVII века, сообщенные А.С.Лаппо-Данилевским и И.Н.Миклашевским // Записки АН по ИФО. 1902. VIII серия. Т.V, № 4. С.1.

³³⁴ Материалы и исследования по истории мостовых и решеточных денег в Московском госу- дарстве XVII века...

³³⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Мостовые и решеточные деньги в Новгороде и Москве в XVII веке. СПб., 1902.

³³⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890; *Милоков П.Н.* Спорные вопросы финансо- вой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892.

³³⁷ *Лаппо-Данилевский А.С.* Отзыв о статье И.Н.Миклашевского «Древнерусские поземельные кадастры» // ИАН. 1902. V серия. Т.XVII, № 4. С.0IV; Протоколы заседаний ИФО за 1902 г. § 180.

³³⁸ *Миклашевский И.Н.* Древнерусские поземельные кадастры // Записки АН по ИФО. 1904. VIII серия. Т.VI, № 4; [*Лаппо-Данилевский А.С.* Предисловие] / *Миклашевский И.Н.* Древнерус- ские поземельные кадастры // Там же. [С.1].

³³⁹ Протоколы заседаний ИФО за 1900 г. § 208, 221, 264; То же за 1901 § 187.

³⁴⁰ Протоколы заседаний ИФО за 1905 г. § 264; То же за 1906 г. § 49.

³⁴¹ *Сторожев В.Н.* Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Воло- годскому уезду. Вып.1 // Записки АН по ИФО. 1906. Т.IX, № 1. Л.И.Шохин, напротив, считает, что А.С.Лаппо-Данилевский ускорил ход издания, которое тормозил Д.Я.Самоковасов, «из нена- висти к своим оппонентам» не допуская их к работе во вверенном ему архиве (См.: *Шохин Л.И.* Московский архив министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX — начале XX века. М., 1999. С.200).

³⁴² Из запланированных 20 томов после смерти А.С.Лаппо-Данилевского было издано всего два: Сборник грамот Коллегии экономии. [СПб., 1922. Т.1. Грамоты Двинского уезда; Л., 1929. Т.II. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврело-Мезенского и Важского уездов.

³⁴³ Грамотам Коллегии экономии посвящена обширная литература. В числе работ, наиболее значимых для изучения вопроса см.: *Валк С.Н.* Рец. на: Сборник грамот Коллегии экономии. Историографические заметки // БК. 1924. № 1—2 (последнее издание: *он же.* Избранные труды по археографии. СПб., 1991); *он же.* Рец. на: Сборник грамот Коллегии экономии. [СПб., 1922. Т.1. Грамоты Двинского уезда; Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922 // Века (Пг.). 1924. Кн.1; *он же.* Советская археография. М.; Л., 1948; История археографии в дореволюцион- ной России: Учеб. пособие / Под ред. М.С.Селезнева. М., 1969. С.199-202; *Конанев А.И.* Указ. соч.; *Панеях В.М.* Время возникновения древнерусского частного акта (Историографические заметки) // ВИД. СПб., 1994. Т.XXV. С.19-40; *Шохин Л.И.* Указ. соч. и др.

³⁴⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. § 147.

³⁴⁵ Приложение I к протоколу заседания 24 мая 1900 г. // Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г.

³⁴⁶ Там же. § 234.

³⁴⁷ См.: *Дубровин Н. Ф., Никитин П. В., Латышев В.В., Залеман К.Г., Янжул И.И., Розен В.Р.* Записка об ученых трудах адъюнкта А.С.Лаппо-Данилевского // Протоколы заседаний ИФО за 1902 г. Приложение I к протоколу заседания ИФО 23 января 1902 г.; *Радлов В.В., Залеман К.Г., Янжул И.И., Никитин П.В., Розен В.Р., Ольденбург С.Ф.* Записка об ученых трудах экстраординарного академика А.С.Лаппо-Данилевского // Протоколы заседаний ИФО АН за 1904 г. Приложение II к протоколу заседания ИФО 24 ноября 1904 г.

³⁴⁸ Отчет о присуждении премии почетного гражданина А.М.Сибирякова // Записки АН по ИФО. 1896. V серия. Т.V, № 3. С.285-287; Отчет о присуждении премии имени почетного гражданина А.М.Сибирякова // Записки АН по ИФО. 1899. VIII серия. Т.IV, № 3. С.3-18.

³⁴⁹ *Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России. М., 1902. Кн. I. С.81-94. Во время полемики вокруг «Организации прямого обложения...» в адрес А.С.Лаппо-Данилевского прозвучала резкая критика со стороны Н.Н.Оглоблина, известного московского архивиста и археографа. Критик касался лишь одного источниковедческого пассажа в книге А.С.Лаппо-Данилевского, связанного с историей сибирского податного обложения, однако приводимые аргументы выглядели весьма уничтожающе для оценки компетенции А.С.Лаппо-Данилевского в данном конкретном вопросе (*Оглоблин Н.Н.* Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592–1768) // ЧОИДР. 1895. Кн.2. С.9. См. также: *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. СПб., 2000. Вып. II. С.172-175). Впрочем, одновременно Н.Н.Оглоблин признавал критикуемый труд «серьезным исследованием». И данный эпизод не заслуживал бы упоминания, если бы не перепечатка замечания Н.Н.Оглоблина Д.Я.Самоковасовым (*Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. I. С.82-83). Д.Я.Самоковасов грубо исказил при цитировании авторский текст в целях максимально большей дискредитации А.С.Лаппо-Данилевского как архивиста. Этот прием был использован Д.Я.Самоковасовым в период его полемики с А.С.Лаппо-Данилевским по поводу издания грамот Коллегии экономии. О приемах научной полемики Д.Я.Самоковасова см.: *Оглоблин Н.Н.* Ответ недобросовестному критику (по поводу «Архивного инвентаря» Д.Я.Самоковасова) // *Шохин Л.И.* Указ. соч. С.445-466.

³⁵⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Разбор мнения г. Самоковасова о научном значении некоторых изданий, предпринятых Академией Наук // Протоколы заседаний ИФО за 1902 г. Приложение I к заседанию ИФО 13 ноября 1902 г. Второе изд. см.: ИАН. 1902. V серия. Т.XVII, № 4. С.0V-0IX.

³⁵¹ Ср.: *Валк С.Н.* Сборник грамот Коллегии экономии. Историографические заметки // *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии. С.47; *Шохин Л.И.* Указ. соч. С.195.

³⁵² План А.С.Лаппо-Данилевского не был опубликован целиком, но легко восстанавливается по «Протоколам заседаний» ИФО АН и «Приложениям» к ним за 1900–1901 г. В данный комплекс материалов входят: [*Лаппо-Данилевский А.С.*] План издания архивных документов XVI–XVIII вв., выработанный адъюнктом А.С.Лаппо-Данилевским. Отдел 1. Какое из изданий архивных документов стоит на очереди в современной историографии? // Протоколы заседаний ИФО АН за 1900 г. Приложение I к протоколу заседаний ИФО от 25 октября 1900 г.; [*он же*]. План издания архивных документов XVI–XVIII вв., выработанный адъюнктом А.С.Лаппо-Данилевским. Отдел 2. План издания частных и правительственных великорусских актов XIV–XVIII вв. // То же за 1901 г. Приложение II к протоколу заседания ИФО от 10 января 1901 г.; Постановление Комиссии по изданию грамот Коллегии экономии (в составе Н.Ф.Дубровина, К.Г.Залемана, А.А.Шахматова, А.С.Лаппо-Данилевского, А.И.Соболевского) // Там же. § 34; [*Лаппо-Данилевский А.С.*] Предисловие. Правила издания переписных и писцовых книг / Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду / Изд. имп. Археографической комиссии; Под ред. и предисл. А.С.Лаппо-Данилевского // Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т.XVII (сборный). С.VII–XIII. Эти правила, выработанные А.С.Лаппо-Данилевским, были определены в постановлении вышеуказанной комиссии к исполнению при издании грамот Коллегии экономии (Постановление Комиссии по изданию грамот Коллегии экономии...; Доклад Комиссии по изданию грамот Коллегии экономии // Протоколы заседаний ИФО АН за 1901 г. § 5,80).

³⁵³ [*Лаппо-Данилевский А.С.*] План издания архивных документов XVI–XVIII вв., выработанный адъюнктом А.С.Лаппо-Данилевским. Отдел 2.; Доклад Комиссии по изданию грамот Коллегии экономии; *Лаппо-Данилевский А.С.* Разбор мнения г. Самоковасова...

³⁵⁴ См.: *Копанев А.И.* Указ. соч. С.86.

³⁵⁵ В.О.Ключевский – в Академию наук. [1900–1901 гг.]. Черновик // *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.192.

³⁵⁶ *Копанев А.И.* Указ. соч. С.85-86.

³⁵⁷ Такова точка зрения С.Н.Валка, которую восстанавливает, а затем и опровергает А.И.Копанев, считавший причиной разрыва властную манеру руководства изданием со стороны А.С.Лаппо-Данилевского (см.: *Копанев А.И.* Указ. соч. С.87-88. См. также: *Шохин Л.И.* Указ. соч. С.260-261).

³⁵⁸ Там же. С.358-361,422.

³⁵⁹ О разногласиях А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова в области археографии см.: *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский и С.Ф.Платонов... С.157-161.

³⁶⁰ Первоначально А.С.Лаппо-Данилевский планировал издание грамот Коллегии экономии в 10 томах (см.: *Лаппо-Данилевский А.С.* План изданий архивных документов XVI–XVIII веков. Отдел 1). Ученик А.С.Лаппо-Данилевского С.Н.Валк, с конца 1900-х гг. имевший непосредственное отношение к изданию, приводил в разное время другие предположения: в 1924 г. – 30 томов (*Валк С.Н.* Сборник грамот Коллегии экономии. Историографические заметки // БК. 1924. № 1–2. С.228), а позднее (в неопубликованных материалах к статье об археографической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского) остановился на другой цифре – 20 томов (см.: *Копанев А.И.* Указ. соч. С.83).

³⁶¹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1905 г. § 144, 195.

³⁶² То же за 1911 г. § 362.

³⁶³ То же за 1918 г. § 116.

³⁶⁴ Ср.: *Чернуха В.Г.* Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975) // Историки России XVIII–XX вв. М., 1996. Вып. III. С.95.

³⁶⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Служилые кабалы позднейшего типа; Сборник статей, посвященный А.С.Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916.

³⁶⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов.

³⁶⁷ См.: *Ростовцев Е.А.* Теоретические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского в контексте методологии истории петербургской исторической школы // Гуманитарные исследования: История, теория, практика: Сб. науч. тр. СПб., 2003. С.21-25.

³⁶⁸ Правила издания грамот Коллегии экономии.

³⁶⁹ См.: *Ростовцев Е.А.* Теоретические взгляды А.С.Лаппо-Данилевского... С.24.

³⁷⁰ *Валк С.Н.* Советская археология. С.44.

³⁷¹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 188.

³⁷² Там же. § 188,190; То же за 1903 г. § 169; То же за 1904 г. § 248; То же за 1905 г. § 12,304; То же за 1908 г. § 301; То же за 1909 г. § 109; То же за 1912 г. § 2; То же за 1916 г. Пг., 1917. § 44,295,346; То же за 1918 г. § 70.

³⁷³ [Программа издания серии «Памятники старинного русского законодательства»] // Наказ Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под ред. Н.Д.Чичулина. СПб., 1907.

³⁷⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1909 г. § 20.

³⁷⁵ М.А.Дьяконов – А.С.Лаппо-Данилевскому, 9 февраля 1902 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.149. Л.15.

³⁷⁶ М.А.Дьяконов – А.С.Лаппо-Данилевскому, 8 ноября 1903 г. // Там же. Л.20 об.

³⁷⁷ А.С.Лаппо-Данилевский – М.А.Дьяконову, 1906 г. // ОР РНБ. Ф.270. Д.147. Л.1-1 об.

³⁷⁸ А.С.Лаппо-Данилевский – А.А.Шахматову, 2 февраля 1906 г. // ПФА РАН. Ф.134. Оп.3. Д.821. Л.24,24 об.

³⁷⁹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 190; То же за 1903 г. § 250; То же за 1904 г. § 54,99; То же за 1905 г. § 115,231,243,291,305; То же за 1906 г. § 15; То же за 1907 г. § 14,116,289; То же за 1909 г. § 32; То же за 1912 г. § 2.

³⁸⁰ Наказ императрицы Екатерины II.

³⁸¹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 188,190; То же за 1903 г. § 30,254; То же за 1904 г. § 20,32,254; То же за 1905 г. § 242; То же за 1906 г. § 39,254; То же за 1907 г. § 36,121; *Лаппо-Данилевский А.С.* Доклад о снабжении «Наказа» императрицы Екатерины II несколькими фотографическими снимками с собственноручной рукописи императрицы // ИАН. 1906. V серия. Т.XXIV, № 1. С.01. См. также переписку Н.Д.Чечулина и А.С.Лаппо-Данилевского по поводу издания: ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.392. Л.1-5 об.

³⁸² [*Лаппо-Данилевский А.С.* Предисловие] // Наказ императрицы Екатерины II. [С.1-2].

³⁸³ *Чечулин Н.Д.* Введение // Наказ императрицы Екатерины II. С.ЛIV.

³⁸⁴ Ср.: *Бабич М.В.* Чечулин Николай Дмитриевич (1863–1927) // Историки России. Биографии. С.407.

³⁸⁵ Отчет имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1900 г. // ИАН. 1901. V серия. Т.XIV. С.142.

³⁸⁶ Протоколы заседаний ИФО АН за 1907 г. § 301.

³⁸⁷ То же за 1904 г. § 231; То же за 1907 г. § 14,113,301; То же за 1910 г. § 111.

³⁸⁸ Интересное сообщение об этом издании мы находим в одном из писем В.Н.Бенешевича Ст.Становичу (февраль 1937 г.). В нем редактор «Кормчей книги» возложил ответственность за то, что план ее издания не был осуществлен, на А.С.Лаппо-Данилевского: «В начале 900-х гг. Комиссия по изд[анию] памятников русск[ого] законодательства в нашей Академии под председ[ательством] А.С.Лаппо-Данилевского поручила мне издать печ[атную] Кормчую 1650/53 г., но у Л[аппо]-Данил[евского] никогда ничего из его комиссий не выходило, и тут не вышло» (цит. по: *Медведев И.П.* В.Н.Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. С.366).

³⁸⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Доклад об издании печатной Кормчей 1653 года в серии «Памятники русского законодательства» // ИАН. 1905. V серия. Т.XXII, № 1. С.01-01I.

³⁹⁰ *Кизеветтер А.А.* Отчет о ходе работ по изданию «Городового положения» 1785 г. в серии «Памятники русского законодательства» // Там же. № 4 и 5. С.0VII-0VIII.

³⁹¹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1905 г. § 304; То же за 1909 г. § 180; То же за 1910 г. § 25; То же за 1912 г. § 127.

³⁹² *Верховский П.В.* Соображения по поводу критического издания «Духовного регламента» // Протоколы заседаний ИФО АН за 1913 г. Приложение к протоколу ИФО 30 января 1913 г.

³⁹³ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 188; за 1907 г. § 353; То же за 1910 г. § 2; То же за 1913 г. § 61,62,104,131,403; То же за 1913 г. § 61; *Верховский П.В.* Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент: к вопросу об отношении церкви и государства в России: исследование в области истории русского церковного права. Ростов-на-Дону, 1916. Т.1-2. См. также: *Трибульский П.А.* Эпистолярные материалы А.С.Лаппо-Данилевского в Российском государственном архиве литературы и искусства // Историческая наука и методология истории в России XX века. СПб., 2003. С.336-337.

³⁹⁴ То же за 1908 г. § 301,306; То же за 1918 г. § 259,366,367.

³⁹⁵ То же за 1916 г. § 44, 66, 300, 359; за 1917 г. § 4. См. также: *Михальченко С.И.* Киевская школа в российской историографии: (школа западно-русского права). Брянск, 1996. С.136-137.

- ³⁹⁶ Протоколы заседаний ИФО АН за 1916 г. § 377; То же за 1917 г. § 140,345.
- ³⁹⁷ То же за 1918 г. § 70; *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка о работах профессора П.И.Люблинского по разработке рукописей императрицы Екатерины II, относящихся к уголовному праву и процессу // Там же. Приложение к протоколу заседания ИФО 27 февраля 1918 г.
- ³⁹⁸ Протоколы заседаний ИФО АН за 1902 г. § 188; То же за 1904 г. § 8,96-98; То же за 1909 г. § 109; То же за 1912 г. § 2; То же за 1916 г. § 187,295,346; То же за 1917 г. § 166; *Хроника // РИЖ.* 1917. Кн.1-2. С.142-143.
- ³⁹⁹ Протоколы заседаний ИФО АН за 1903 г. § 105,136,253; То же за 1905 г. § 252; То же за 1906 г. § 25,47,82,198; То же за 1907 г. § 37,52.
- ⁴⁰⁰ Записки АН по ИФО. 1906. Т.VIII.
- ⁴⁰¹ См.: *Валк С.Н.* Советская археография.
- ⁴⁰² Протоколы заседаний ИФО АН за 1896 г. СПб., 1897. § 9,27; То же за 1898 г. СПб., 1899. § 80; То же за 1902 г. § 66.
- ⁴⁰³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Краткий отчет о занятиях в Государственном Кенигсбергском, Королевском Неаполитанском и Ватиканском архивах весною 1902 г. С.01-01V.
- ⁴⁰⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1903 г. § 3.
- ⁴⁰⁵ См. переписку А.С.Лаппо-Данилевского и Е.Ф.Шмурло (ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.410)
- ⁴⁰⁶ См.: *Горелова С.И.* Исторические взгляды Е.Ф.Шмурло: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С.21.
- ⁴⁰⁷ *Шмурло Е.Ф.* Об учреждении русской исторической комиссии в Риме. М., 1900.
- ⁴⁰⁸ Там же. С.9.
- ⁴⁰⁹ *Никитин П.В., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об ученых трудах и д. ординарного профессора имп. Юрьевского университета Евгения Францевича Шмурло // Протоколы заседаний ИФО АН за 1903 г.
- ⁴¹⁰ Там же. § 186,206; *Никитин П.В., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С.* Доклад Постоянной исторической комиссии при ИФО имп. Академии наук. 1. Проект положения об обязанностях и службе ученого корреспондента ИФО имп. Академии наук в Риме. 2. Предварительная инструкция ученому корреспонденту ИФО имп. Академии наук в Риме // Там же. Приложение к протоколу заседания 24 сентября 1903 г.
- ⁴¹¹ Россия и Италия: Сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб., 1907. Т.1, вып.1; 1911. Т.1, вып.2; 1908. Т.2, вып.1; 1913. Т.2, вып.2; 1911. Т.3, вып.1; Пг., 1915. Т.3, вып.2; Л., 1927. Т.4.
- ⁴¹² Протоколы заседаний ИФО АН за 1908 г. § 129,163; То же за 1913 г. § 49,71; То же за 1918 г. § 74,411; Отчет ученого корреспондента в Риме Е.Ф.Шмурло за 1908–1909 гг. // Россия и Италия. 1911. Т.3, вып.1. С.48-50.
- ⁴¹³ Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Л., 1925. Т.1, вып.1. (1578–1581).
- ⁴¹⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1903 г. § 213; Отчет ученого корреспондента в Риме Е.Ф.Шмурло за 1908–1909 гг.
- ⁴¹⁵ См.: *Горелова С.И.* Указ. соч. С.21.
- ⁴¹⁶ См.: Отчет о деятельности имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1903–1915 гг. СПб. [Пг.], 1903–1915; Отчет о деятельности Российской Академии наук по физико-математическому отделению и отделению исторических наук и филологии за 1917 г. Пг., 1918. С.307.
- ⁴¹⁷ Протоколы заседаний ИФО АН за 1918 г. § 24.
- ⁴¹⁸ То же за 1910 г. § 129.
- ⁴¹⁹ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т.1.
- ⁴²⁰ Протоколы заседаний ИФО АН за 1918 г. § 307.
- ⁴²¹ Письма и бумаги Петра Великого. М.-Л., 1948. Т.VIII, вып.1; 1951. Т.VIII, вып.2.
- ⁴²² *Лаппо-Данилевский А.С.* Доклад об издании труда С.Н.Десницкого «Представления об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» // ИАН. 1905. V серия. Т.XXII, № 2. С.0X; № 3. С.0X1.
- ⁴²³ Представления профессора Десницкого об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Записки АН по ИФО. 1906. VII серия. Т.VII, № 4.
- ⁴²⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1906 г. § 195.
- ⁴²⁵ То же за 1909 г. § 69,176,253; То же за 1911 г. § 18; То же за 1913 г. § 326,369; То же за 1914 г. § 26,316; То же за 1918 г. § 319.
- ⁴²⁶ То же за 1910 г. § 146.
- ⁴²⁷ Там же. § 200.
- ⁴²⁸ То же за 1911 г. § 342; *Жукович П.Н.* Материалы для истории Киевского и Львовского соборов 1629 года // Записки АН по ИФО. 1911. VIII серия. Т.VIII, № 15.
- ⁴²⁹ См.: *Горелова С.И.* Указ. соч. С.8,13,16-19.
- ⁴³⁰ Протоколы заседаний ИФО АН за 1912 г. § 180,287.
- ⁴³¹ То же за 1910 г. § 91.

- ⁴³² То же за 1914 г. § 91.
- ⁴³³ Н.И.Кареев в одном из писем особо благодарил А.С.Лаппо-Данилевского за организацию публикации подготовленных им документов в академическом издании (Н.И.Кареев – А.С.Лаппо-Данилевскому. 1915 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.177. Л.9 об.).
- ⁴³⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1912 г. § 447; То же за 1913 г. § 141; То же за 1914 г. § 242.
- ⁴³⁵ А.С.Лаппо-Данилевский – О.А.Добиаш-Рожественской. Конец 1913 г. // ОР РНБ. Ф.252. Д.203. Л.1.
- ⁴³⁶ О.А.Добиаш-Рожественская – А.С.Лаппо-Данилевскому. 5 января 1914 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.139. Л.1-2.
- ⁴³⁷ Протоколы заседаний ИФО АН за 1913 г. § 91,279.
- ⁴³⁸ То же за 1915 г. § 10,281.
- ⁴³⁹ Приложение 1 к протоколу IX заседания ИФО // Протоколы заседаний ИФО АН за 1915 г. См. также: Там же. § 171.
- ⁴⁴⁰ См. об этом: *Валк С.Н.* Предисловие // *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С.9-10. *он же.* Законодательные проекты М.М.Сперанского в печати и рукописях // *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии; *Александров А.А.* Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М.Сперанского // АЕ за 1993 г. М., 1995. С.172-188; *он же.* Академик А.С.Лаппо-Данилевский – председатель комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М.Сперанского // То же за 1994 г. М., 1996. С.268-270.
- ⁴⁴¹ *Пресняков А.Е.* Историческое общество при университете в 1916 г. // РИЖ. 1917. Кн.1-2. С.145-146.
- ⁴⁴² *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка В.И.Семевского об издании проектов государственных преобразований М.М.Сперанского и заключение академика А.С.Лаппо-Данилевского // ИАН. 1916. VI серия. Т.X, № 14. С.1230-1232.
- ⁴⁴³ *Александров А.А.* Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М.Сперанского. С.182-184.
- ⁴⁴⁴ *Александров А.А.* Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М.Сперанского. С.179; *Цветаев Д.В.* Новые издания МАМУ // РИЖ. 1917. Кн.1-2. С.151-162.
- ⁴⁴⁵ Подробнее см.: *Есаков В.Д.* Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997. Т.67, № 12. С.1129-1139; *Тункина И.В.* К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921–1933. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сб. док. СПб., 2003. С.637-659.
- ⁴⁴⁶ *Пресняков А.Е.* Труды А.С.Лаппо-Данилевского по русской истории // РИЖ. 1920. Кн.6. С.109.
- ⁴⁴⁷ Список очерков, представленных А.С.Лаппо-Данилевскому, как главному редактору сборника «Русская наука»: Н.Н.Глубоковский – богословские науки; П.П.Лазарев – физика; К.Д.Глинка – почвоведение; Н.А.Холодковский (при участии В.Н.Тонкова и А.А.Максимова) – сравнительная анатомия человека, гистология; Н.И.Кареев – социология; Б.А.Тураев – Древний Восток; Н.М.Петровский – языки и литературы славянских народов; Н.И.Кареев – история нового времени; А.А.Белопольский – астрономия; А.И.Малеин – латинский язык и римская литература; А.А.Кауфман – статистика; Д.К.Петров – язык и литература романских народов; М.И.Ростовцев – классические и скифские древности северного побережья Черного моря; С.А.Жебелев – археология и общая история искусства; Э.Л.Радлов – философия; П.О.Сомов – механика; А.А.Борисяк, М.Д.Залесский – палеонтология; В.П.Бузескул – история Греции; Л.С.Берг – география; Н.О.Лосский – психология; Н.А.Холодковский – морфологическая зоология и другие отрасли зоологических наук.
- ⁴⁴⁸ В сокращенном варианте очерк вышел уже после смерти А.С.Лаппо-Данилевского (см.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк развития русской историографии // РИЖ. 1920. Кн.6. С.5-29).
- ⁴⁴⁹ *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.169-171.
- ⁴⁵⁰ В определении авторства А.С.Лаппо-Данилевского в подписанных им коллективных отзывах и записках мы исходили из того, что лично ему принадлежит авторство только тех из них, которые он включил в список своих трудов (см.: Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Ч.1. С.409-412). По-видимому, тем же принципом руководствовались А.А.Шилов и А.И.Андреев, составляя список трудов А.С.Лаппо-Данилевского (см.: Материалы для биографии А.С.Лаппо-Данилевского. С.7, 9-37).
- ⁴⁵¹ *Янжул И.И., Лаппо-Данилевский А.С.* Записка о трудах Д.А.Корсакова // Протоколы заседаний ИФО АН за 1905 г. Приложение к протоколу заседания 16 ноября 1905 г.
- ⁴⁵² См., например: *Мухамедеев А.И.* Дмитрий Александрович Корсаков, 1843–1919. Казань, 2002.
- ⁴⁵³ *Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Янжул И.И.* Записка об ученых трудах И.В.Лучицкого // ИАН. 1909. VI серия. Т.III, № 2. С.123-128.
- ⁴⁵⁴ *Дьяконов М.А., Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об ученых трудах Н.И.Кареева // Протоколы заседаний ИФО АН за 1910 г. Приложение III к протоколу заседания 17 ноября 1910 г.
- ⁴⁵⁵ Об истории отношений А.С.Лаппо-Данилевского и Н.И.Кареева см.: *Ростовцев Е.А.* Н.И.Кареев и А.С.Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв. // ЖССА. 2000. Т.III, № 4. С.105-121.

⁴⁵⁶ См.: [Дьяконов М.А. Проект коллективного отзыва ученых о научной деятельности историка Сергея Федоровича Платонова в связи с выдвижением его в члены-корреспонденты Академии наук] // ОР РНБ. Ф.270. Д.9.

⁴⁵⁷ Дьяконов М.А., Лаппо-Данилевский А.С., Латышев В.В. Записка об ученых трудах С.Ф.Платонова // ИАН. 1910. VI серия. Т.IV, № 1. С.34-35; Об избрании почетных членов и членов-корреспондентов Академии наук в 1909 г. // ПФА РАН. Ф.2. Оп.1. 1909 г. Д.14. Л.17-17 об.

⁴⁵⁸ Протоколы заседаний ИФО АН за 1913 г. § 471.

⁴⁵⁹ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. Исторический комментарий. М., 1909. Ср.: Вандалковская М.Г. Вечный россиянин: Александр Александрович Кизеветтер // Историки России. XVIII — начало XX века. С.630.

⁴⁶⁰ Лаппо-Данилевский А.С., Успенский Ф.И., Дьяконов М.А., Струве П.Б. Записка об ученых трудах профессора А.А.Кизеветтера // Протоколы заседаний ОС АН за 1917 г. Пг., 1918. Приложение II к заседанию 2 декабря 1917 г.

⁴⁶¹ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.91. Л.45.

⁴⁶² Лаппо-Данилевский А.С., Ольденбург С.Ф., Латышев В.В. Записка об ученых трудах Эдуарда Мейера // ИАН. 1910. VI серия. Т.IV, № 1. С.193-194.

⁴⁶³ См. Ростовцев Е.А. А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. С.14,23.

⁴⁶⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. 1923. Вып.1. С.201,220; Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. 1910. Ч.1. С.249-253.

⁴⁶⁵ Лаппо-Данилевский А.С., Янжул И.И., Дьяконов М.А. Записка об ученых трудах профессора Берлинского университета Отто Гирке // Протоколы заседаний ИФО АН за 1912 г. Приложение III к протоколу заседания 28 ноября 1912 г.

⁴⁶⁶ Дьяконов М.А., Янжул И.И., Лаппо-Данилевский А.С. Записка об ученых трудах члена Парижской академии надписей Поля Виоллэ // Там же. Приложение III к протоколу заседания 28 ноября 1912 г.

⁴⁶⁷ Лаппо-Данилевский А.С., Успенский Ф.И., Дьяконов М.А. Записка об ученых трудах профессора Эрнеста Лависса // Протоколы заседаний ИФО АН за 1914 г.

⁴⁶⁸ Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Успенский Ф.И., Виноградов П.Г. Записка об ученых трудах профессора Э.Бутру // Протоколы заседаний ИФО за 1916 г. Приложение II к протоколу заседания 23 ноября 1916 г.

⁴⁶⁹ Виноградов П.Г., Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А., Успенский Ф.И. Записка об ученых трудах профессора А.В.Дайси // Там же. Приложение II к протоколу заседания 23 ноября 1916 г.

⁴⁷⁰ Лаппо-Данилевский А.С., Дьяконов М.А. Записка об ученых трудах профессора Анри Пирена // ИАН. 1919. VI серия. Т.XIII, № 1. С.60-62.

⁴⁷¹ Лаппо-Данилевский А.С. Н.Ф.Дубровин. Некролог // ИАН. 1904. V серия. Т.XXI, № 3. С.0VII-0VIII.

⁴⁷² Лаппо-Данилевский А.С. Памяти Г.А.Леера // Протоколы заседаний ИФО АН за 1905 г.

⁴⁷³ Лаппо-Данилевский А.С. Профессор Якоб Каро. Некролог // ИАН. 1905. V серия. Т.XXII, № 3. С.0VII-0VIII.

⁴⁷⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Альберт Сорель. Речь // Там же. 1906. Т.XXV, № 1-2. С.0II-0VIII.

⁴⁷⁵ Лаппо-Данилевский А.С. В.Б.Антонович. 1830—1908. Некролог // ИАН. 1908. VI серия. Т.II, № 6. С.467-472.

⁴⁷⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Иван Егорович Забелин. Некролог // Там же. 1909. VI серия. Т.III, № 2. С.123-128.

⁴⁷⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Герменегильд Ирчек. Некролог // Там же. 1910. VI серия. Т.IV, № 3. С.189-192.

⁴⁷⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Габриэль Моно. Некролог // Там же. 1912. VI серия. Т.VI, № 9. С.667-670.

⁴⁷⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Дмитрий Фомич Кобеко. Некролог // Там же. 1918. VI серия. Т.XII, № 7. С.521-530.

⁴⁸⁰ Ольденбург С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.170-171.

⁴⁸¹ См.: Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям физико-математическому и исторических наук и филологии за 1917 г.

⁴⁸² См. отчеты о деятельности Академии за 1900—1919 гг. (СПб. [Пг.], 1900-1920) и ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.51.

⁴⁸³ Памятные книжки имп. Академии наук за 1899—1914 гг. СПб., 1899—1914; Отчеты о деятельности имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1900—1916 гг.; То же Российской Академии наук за 1917-1919 гг.

⁴⁸⁴ См.: Отчеты о деятельности имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1900—1916 гг.; То же Российской Академии наук за 1917-1919 гг.

⁴⁸⁵ Отчет о сорок четвертом присуждении наград гр. Уварова // Записки АН по ИФО. 1902. VIII серия. Т.VI, № 7. С.10.

⁴⁸⁶ Там же. С.11.

⁴⁸⁷ Лаппо-Данилевский А.С. И.И.Бецкой и его система воспитания. Отзыв А.С.Лаппо-Данилевского о сочинении П.М.Майкова «Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии» // Там же. С.119.

⁴⁸⁸ Там же. С.131-133.

⁴⁸⁹ Там же. С.145-153.

⁴⁹⁰ Там же. С.156-163.

⁴⁹¹ Фирсов Н.Н. Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Казань, 1902.

⁴⁹² Отчет о сорок седьмом присуждении наград гр. Уварова // Записки АН по ИФО. 1906. VIII серия. Т.VIII, № 2. С.2.

⁴⁹³ Лаппо-Данилевский А.С. Отзыв о сочинении Н.Н.Фирсова «Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II» // Там же. С.5-38.

⁴⁹⁴ Чечулин Н.Д. Очерки истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906.

⁴⁹⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Отзыв о сочинении Н.Д.Чечулина «Очерки истории русских финансов в царствование Екатерины II» // Записки АН по ИФО. 1910. Т.X, № 2. С.143-144.

⁴⁹⁶ Там же. С.83-144.

⁴⁹⁷ Н.Д.Чечулин — А.С.Лаппо-Данилевскому. 26 сентября 1908 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.392. Л.9.

⁴⁹⁸ Новомбергский Н.Я. Ветеринарное дело в России в половине XVIII столетия. Томск, 1910.

⁴⁹⁹ См.: А.С.Лаппо-Данилевский — Я.Л.Барскову. 18 мая 1913 г. // НИОР РГБ. Ф.16. К.III. Д.34. Л.37-37 об.

⁵⁰⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Отзыв о сочинении Н.Я.Новомбергского «Ветеринарное дело в России в половине XVIII столетия» // Записки АН по ИФО. 1916. Т.XII, № 8. С.55-65.

⁵⁰¹ См. переписку К.С.Веселовского и А.С.Лаппо-Данилевского (ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.90; Ф.24. Оп.2. Д.71).

⁵⁰² Лаппо-Данилевский А.С. Петр Великий — основатель Императорской Академии в Санкт-Петербурге // Речи, произнесенные на торжественном собрании имп. Академии наук по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых. Пг., 1915.

⁵⁰³ Лаппо-Данилевский А.С. Петр Великий — основатель Императорской Академии в Санкт-Петербурге. СПб., 1914.

⁵⁰⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Петр Великий — основатель Императорской Академии в Санкт-Петербурге // Речи, произнесенные... С.89.

⁵⁰⁵ Предварительный съезд русских филологов [10-15 апреля 1903 года]; Бюллетени. СПб., 1903.

⁵⁰⁶ Там же. С.48.

⁵⁰⁷ Там же. С.47.

⁵⁰⁸ Лаппо-Данилевский А.С. [Доклад исторической подсекции II секции предварительного съезда русских филологов] // Там же. С.116.

⁵⁰⁹ Ольденбург С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.176.

⁵¹⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Доклад о деятельности некоторых губернских архивных комиссий по их отчетам за 1903—1907 гг. // ИАН. 1908. VI серия. Т.II, № 14. С.1118. И.Л.Маяковский своеобразно интерпретировал слова А.С.Лаппо-Данилевского об упадке деятельности комиссий в середине 1900-х гг., заметив, что «Лаппо-Данилевский невольно разоблачил реакционный характер своих protégés, ибо революция затормозила именно реакционные явления, прогрессивным же силам она создавала благоприятные условия для развития» (Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР (Опыт систематического руководства). М., 1941. Ч.1. История архивного дела в СССР до Великой Октябрьской социалистической революции). С.301).

⁵¹¹ Лаппо-Данилевский А.С. Записка о деятельности губернских ученых архивных комиссий // ИАН. 1905. V серия. Т.XXII, № 1. С.0III-0VII; *он же*. Доклад о деятельности некоторых губернских архивных комиссий по их отчетам за 1903—1907 гг. // Там же. 1908. VI серия. Т.II, № 14. С.1117-1122; *он же*. Доклад о деятельности некоторых губернских архивных комиссий по их отчетам за 1904—1911 гг. // Там же. 1913. VI серия. Т.VII, № 2. С.75-86; *он же*. Доклад о научной деятельности некоторых губернских ученых архивных комиссий по их отчетам, преимущественно за 1911—1914 гг. // Там же. 1916. VI серия. Т.X, № 7. С.457-470; *он же*. Заключение об отчете Псковской губернской ученой архивной комиссии за 1916—1917 гг. // Там же. 1917. VI серия. Т.XI, № 15. С.1219-1220.

⁵¹² О деятельности Русского исторического общества см.: Камардина О.В. Императорское Русское историческое общество: очерк истории и научной деятельности (1866—1916 гг.): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999.

⁵¹³ См.: Назин И.С. Из истории архивного дела в дореволюционной России (I съезд губернских архивных комиссий) // АД. 1936. № 2 (39). С.26-37.

⁵¹⁴ См.: Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1958. С.300-301.

⁵¹⁵ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т.I; 1917. Т.II.

⁵¹⁶ Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6-8 мая 1914 г. СПб., 1914. С.VI; Русское историческое общество // Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т.I. С.675-692; Лаппо-Данилев-

ский А.С. Доклад о научной деятельности некоторых губернских ученых архивных комиссий по их отчетам, преимущественно за 1911–1914 гг. С.458; *он же*. Особая комиссия при имп. Русском историческом обществе и ее деятельность по сохранению местных архивных материалов, 1911–1916. Пг., 1916. С.2–11.

⁵¹⁷ См.: *Иванова Л.В.* К истории Союза российских архивных деятелей // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С.196–200.

⁵¹⁸ Извлечения из протоколов заседаний Общего собрания Российской Академии наук. Заседание 27 мая 1917 г. // ИАН. 1917. VI серия. Т.XI. С.1193–1194; Отчет о деятельности Российской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1918 г. С.26; *Маркевич А.И.* Архивно-археологическая деятельность академика А.С.Лаппо-Данилевского // ИТУАК. 1919. № 56. С.164–165; *Хорхордина Т.И.* История отечества и архивы. М., 1994. С.19–54; *Аленова В.А.* Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия. Рязань, 2002. С.51.

⁵¹⁹ Объявление об основании «Русского исторического журнала» // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.970.

⁵²⁰ Протоколы заседаний ИФО АН за 1916 г. § 136.

⁵²¹ От редакции // РИЖ. 1917. Кн.1–2. С.6.

⁵²² Отчет о деятельности имп. Российской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1916 г. С.300; То же за 1917 г. С.113; То же за 1918 г. С.110; То же за 1919 г. С.134.

⁵²³ Протоколы заседаний ИФО АН за 1904 г. §117; То же за 1905 г. § 74.

⁵²⁴ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.56. Л.8–104.

⁵²⁵ Протоколы заседаний ОС АН за 1914 г. Пг., 1915. § 208.

⁵²⁶ Протоколы заседаний ОС АН за 1916 г. Пг., 1917. § 186.

⁵²⁷ Извлечения из протоколов ОС // ИАН. 1917. VI серия. Т.XI.

⁵²⁸ Там же; ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.56. Л.5–6.

⁵²⁹ Цит по: *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). М., 1968. С.203.

⁵³⁰ Приложение III к заседанию ОС АН 5 (18) июня 1918 г. // Протоколы заседаний ОС АН за 1918 г. Пг., 1919.

⁵³¹ [Лаппо-Данилевский А.С. Записка об организации Института социальных наук; Протоколы комиссии по рассмотрению проекта] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.60.

⁵³² *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.178.

⁵³³ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.44.

⁵³⁴ *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.172.

⁵³⁵ См.: *Корзун В.П.* Ученый и реформы государственного строя: к характеристике общественно-политической позиции А.С.Лаппо-Данилевского // П.А.Столыпин и исторический опыт реформ в России: Тезисы докладов и сообщений конф., посвященной 135-летию со дня рождения П.А.Столыпина. Омск, 1997. С.135–140.

⁵³⁶ См. письма А.С.Лаппо-Данилевского В.И.Семевскому за 1904–1915 гг. // АРАН. Ф.489. Оп.3. Д.400. Л.5–27

⁵³⁷ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С.Лаппо-Данилевский в исторической литературе. С.173–175.

⁵³⁸ *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.172.

⁵³⁹ История Академии наук СССР. М.; Л., 1964. Т.II. 1803–1917. С.466.

⁵⁴⁰ *Ольденбург С.Ф.* Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук. С.171–172.

⁵⁴¹ Цит по: История Академии наук СССР. Т.II. 1803–1917. С.467.

⁵⁴² Цит по: Там же.

⁵⁴³ *Лаппо-Данилевский А.С.* [Речь в заседании Государственного совета 4 мая 1906 г. по проекту всеподданнейшего адреса и необходимости полной амнистии] // Стенографический отчет Государственного совета. Сессия I. Заседание III. СПб., 1906. С.6–8.

⁵⁴⁴ Н.Д.Чечулин – А.С.Лаппо-Данилевскому. 12 апреля 1906 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.392. Л.7.

⁵⁴⁵ Отчет о деятельности Российской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1917 г. С.25.

⁵⁴⁶ См.: *Шмидт С.О.* К истории архивного строительства в первые годы Советской власти // Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Материалы юбил. науч. конф. архивистов Ленинграда. 13–14 июня 1968 г. Л., 1970. С.24.

⁵⁴⁷ Протоколы заседаний ОС АН за 1917 г. § 306,307. Ср.: *Соболев В.С.* Для будущего России. Деятельность Академии наук по сохранению национального и культурного наследия. 1890–1930 гг. СПб., 2002. С.59–60.

⁵⁴⁸ *Алексеева Г.Д.* Указ. соч. С.202.

⁵⁴⁹ Грядущий день (Пг.). 1917. 26 ноября.

⁵⁵⁰ О безуспешной попытке общенности и Академии наук добиться освобождения вел. кн. Николая Михайловича из заключения см.: *Измозик В.С., Павлов В.Б.* Великий князь Николай Михайлович // Из глубины времен (СПб.). 1994. Вып.3. С.128–131; *Цамутали А.Н.* Августейший историк: Великий князь Николай Михайлович // Историки России. XVIII – начало XX века. С.508–509.

⁵⁵¹ А.С.Лаппо-Данилевский – в СНК РСФСР. 1918 г. Черновик // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.73. Л.1–1 об.

⁵⁵² Там же. Л.1.

⁵⁵³ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.44–45.

⁵⁵⁴ *Ростовцев М.И.* Поминки (Памяти загубленных друзей и коллег) // *Ростовцев М.И.* Политические статьи. СПб., 2002. С.108. Ср.: *Ростовцев М.И.* Мученики науки в Советской России // Там же. С.98.

⁵⁵⁵ *Сорокин П.А.* Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С.145.

⁵⁵⁶ *Залеман К.Г., Шахматов А.А., Лаппо-Данилевский А.С.* Доклад комиссии для рассмотрения сделанного на Римском историческом конгрессе предложения... // ИАН. 1904. V серия. Т.XX, № 5. [С.VI–VII].

⁵⁵⁷ См.: *Приймак Н.И.* О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г. // ВСПУ. 1998. Сер.2. История, языковедение, литературоведение. Вып.4; *Кравченко Е.А.* Участие русских и советских историков в первых международных конгрессах историков (МКИН) // Россия в XX веке: судьбы исторической науки М., 1996. С.436–446; Русские и советские ученые на международных конгрессах историков // ВИ. 1955. № 8; *Слонимский А.Г.* Участие российских ученых в международных конгрессах историков // ВИ. 1970. № 7; *Ардашев П.Н.* Третий международный исторический конгресс в Лондоне. СПб., 1913; *Хвостов М.М.* Международный исторический конгресс в Берлине. 6–12 августа 1908 г. Казань, 1909; *Сарбей В.Г.* 3 истории утверждения российской мови на міжнародных конгрессах істориків // Український історичний журнал. 1960. № 4.

⁵⁵⁸ *Лаппо-Данилевский А.С.* Сообщение о международном конгрессе историков, проходившем в Берлине 6–12 августа (н. с.) 1908 г. // ИАН. 1908. VI серия. Т.II, № 14. С.1113–1116.

⁵⁵⁹ Об этом конгрессе см.: *Ардашев П.Н.* Указ. соч.; *Тарле Е.В.* Международный исторический конгресс в Лондоне (3–9 апреля н. ст. 1913 г.) // НИЖ. 1913. № 1. Ср.: *Приймак Н.И.* О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г. С.3–4.

⁵⁶⁰ А.С.Лаппо-Данилевский в своей речи, конспект которой сохранился в архиве, в частности, сказал: «I dare to say, that every scientific congress aims at the unifying of human thought. And that historical congresses have no other aim... [but] to unify our historical thoughts» [Смею утверждать, что каждый научный конгресс нацелен на объединение человеческой мысли. И у исторических конгрессов нет другой цели... как объединение исторической мысли] (ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.91. Л.7).

⁵⁶¹ Отчет о деятельности имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1913 г. С.29.

⁵⁶² *Лаппо-Данилевский А.С.* L'idée de l'Etat et son évolution en Russie depuis les troubles du XVII-ème siècle jusqu'aux réformes du XVIII-me // Essays in Legal History Read before the International Congress of Historical Studies Held in London /Ed. by P.Vinogradoff. Lnd., N. Y., 1913. Перевод: *он же*. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты и до эпохи преобразований // ГМ. 1914. № 12.

⁵⁶³ П.Г.Виноградов – А.С.Лаппо-Данилевскому. 21 сентября 1912 г. // ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.91. Л.11.

⁵⁶⁴ [Документы по участию в II и III Международных конгрессах исторических наук] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.94. Ср.: *Приймак Н.И.* О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г. С.3–8.

⁵⁶⁵ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.94. Л.7.

⁵⁶⁶ Там же. Л.7 об.

⁵⁶⁷ Там же. Л.8.

⁵⁶⁸ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.94. Л.14 об.; С.Ф.Платонов – А.С.Лаппо-Данилевскому. 30 ноября 1913 г. // Там же. Л.173–173 об.

⁵⁶⁹ Там же. Л.28–29, 97–104, 110–110 об. Первоначальный список организаций, намеченных к участию в конгрессе, составленный А.С.Лаппо-Данилевским, был принят еще в мае 1913 г. (см.: Приложение II к протоколу ИФО 8 мая 1913 г. // Протоколы заседаний ИФО за 1913 г.).

⁵⁷⁰ См.: НИЖ. 1914. № 3. С.118–127.

⁵⁷¹ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.94. Л.55.

⁵⁷² *Баклунд О.А., Залеман К.Г., Чернышев Ф.Н., Лаппо-Данилевский А.С.* Отчет о командировке на общее собрание Международного союза академий // Протоколы заседаний ОС АН за 1910 г. СПб., 1911. Приложение к протоколу заседания 6 ноября 1910 г.

⁵⁷³ Отчет о деятельности имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1913 г. С.29.

⁵⁷⁴ Протоколы заседаний ИФО АН за 1904 г. § 105; То же за 1912 § 98,334; То же за 1913 г. § 283,381; То же за 1914 г. § 28,406; То же за 1915 г. § 265.

⁵⁷⁵ *Хартанович М.Ф.* Предисловие // Летопись Российской Академии наук. Т.III. 1861–1900. С.9.

⁵⁷⁶ [Документы по участию в юбилее Женевского университета] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.92.

⁵⁷⁷ Там же. Л.4 об.

⁵⁷⁸ [Документы по участию в юбилее Берлинского университета] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.93. См. также: *Лаппо-Данилевский А.С.* Проект адреса от Академии Берлинскому университету // ИАН. 1910. VI серия. Т.IV. С.1378.

⁵⁷⁹ ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.93.

⁵⁸⁰ [Документы по организации Французского института в Санкт-Петербурге] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.88. См. также: *Медушевский А.Н.* Становление политической антропологии: Французский институт в Петрограде // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений науч. конф., Москва, 4–6 февраля 1998 г. М., 1998. С.157-160.

⁵⁸¹ [Документы по участию в работе Общества Английского флага] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.85.

⁵⁸² [Документы по участию в работе Русско-английского общества] // ПФА РАН. Ф.113. Оп.2. Д.86.

⁵⁸³ *Тараторкин Ф.Г.* А.С.Лаппо-Данилевский и проект создания истории России на английском языке // АЕ за 1994 г. М., 1996.

⁵⁸⁴ Honorary degrees for Russian visitors. Ceremony at the Senate House // Cambridge daily news. 1916. August, 12; Русский сезон в Кембридже // Речь. 1916. 24 августа.

⁵⁸⁵ *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998. С.187.

⁵⁸⁶ *Golder F.A.* War, Revolution, and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914–1927 /Comp., ed., and introduced by T.Emmons and B.M.Patenaude. Stanford, 1992. P.13.